

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Новолодский Алексей Сергеевич

**ВОЙНЫ ВРЕМЕНИ ЦАРСТВОВАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО
В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – НАЧАЛА XX В.**

**Специальность
07. 00. 02 – Отечественная история**

**Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Мининкова Людмила Владимировна

Ростов-на-Дону – 2020

Оглавление

Оглавление	2
Введение	3
Глава 1. Историческая память и место в ней исторических образов	45
Глава 2. Присоединение ханств Поволжья в памяти русского народа ...	71
2. 1. Взятие Казани в русской исторической памяти	71
2. 2. Взятие Астрахани в русской исторической памяти	104
Глава 3. Борьба с другими остатками Орды в исторической памяти русского общества	122
3. 1. Русская историческая память о войнах с Крымом при Иване Грозном	122
3. 2. Взятие Сибирского царства и Ермак в русской исторической памяти	143
Глава 4. Ливонская война в русской исторической памяти	174
4. 1. Сюжеты Ливонской войны в русской исторической памяти	174
4. 2. Оценочные суждения и образы Ливонской войны в русской исторической памяти	196
Заключение	228
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	234

Введение

Актуальность темы определяется тем, что историческая память и историческое сознание относятся к важнейшим объектам современного научного исторического исследования. Их комплексное изучение помогает прояснить многие особенности культуры разных исторических сообществ, в том числе национальных культур. Особенности исторического сознания и духовной культуры России в значительной степени определяются отношением к царю Ивану Грозному, личность которого вызывает до сих пор повышенный интерес и служит предметом острых общественных дискуссий. В русском историческом сознании сложились противоположные оценки личности царя: от прямого возвеличивания и обожествления до резкой критики. В этой связи понимание истоков отношения к царю, процесса превращения его исторического образа в столь значимое место русской исторической памяти предполагает исследование отношения к одной из важнейших сторон истории царствования Ивана Грозного. Это были разные войны, которые велись в годы его царствования.

Эпоха правления первого русского царя Ивана Грозного, его жизнь и деятельность привлекали внимание историков на протяжении долгого времени, о чем свидетельствует обширная отечественная и зарубежная историография. Однако вопрос о месте Ивана Грозного и войн, которые вела при нем Россия, в исторической памяти русского общества только начинает привлекать внимание исследователей и требует дальнейшего изучения. Эта тема представляет интерес, поскольку выявление отношения в массовом сознании к войнам, которые велись при этом царе, дает возможность уяснить характер и особенности формирования образов самого Ивана Грозного и войн второй половины XVI в. в разные периоды развития русского общества и его культуры. Изучение этого вопроса позволит понять, как складывалось и трансформировалось отношение в русском историческом сознании к таким значимым явлениям времени правления Ивана Грозного, как расширение

территории Московского государства. Оно включало в себя завоевание Поволжья и Сибири, борьбу с Крымом и Ливонскую войну. Оно вместе с тем помогает выявить истоки возникновения в массовом сознании культа Ивана Грозного, его прочности и способности пережить века и культурно-исторические эпохи. Оно дает возможность уяснить сложное отношение к этому царю одновременно как к несомненному царю-тирану и как к защитнику Русской земли.

Объект исследования – войны России при Иване Грозном как место русской исторической памяти на протяжении второй половины XVI – начала XX в.

Предмет исследования – образы событий и явлений военной истории России в период царствования Ивана Грозного в русской исторической памяти, их характерные черты и трансформация под воздействием процессов в развитии культуры русского общества.

Степень изученности проблемы. Специального комплексного исследования, посвященного формированию, сохранению и развитию исторической памяти о войнах эпохи царствования Ивана Грозного, нет. В то же время с момента развития исторической науки и появления первых научных трудов историки фрагментарно фиксировали явления и процессы в развитии исторической памяти о войнах Ивана Грозного в сознании русского народа.

В русской историографии фиксация исторической памяти о военных событиях периода правления Ивана Грозного прослеживается с XVIII в. Так, описывая поход Ермака в Сибирь, М. М. Щербатов указывал, что некоторые сообщения о произошедших событиях основаны на преданиях коренного населения сибирских земель. Из приведенных историком текстов следует, что в исторической памяти сибирского народа Ермак и его дружина представлялись «храбрыми воинами», которые малым количеством «без

всякой помощи» в суровых условиях чужой земли добывали новые земли русскому государству¹.

Г. Ф. Миллер при описании экспедиции казаков в Сибирь использовал не только архивные документы, летописи, но и фольклор как русского населения, так и коренных народов Севера. Кроме того, исследователь обращает внимание и на топонимы, которые также представляют собой ценный материал для изучения событий похода Ермака. Так, например, он упоминал существовавшее в XVIII в. Ермаково городище, которое получило свое название благодаря укреплению, якобы построенному здесь казаками по приказу Ермака. Согласно народному преданию, Ермак оставил большие богатства на сохранение около реки Чусовой, в скале, которая, как указывал Г. Ф. Миллер, стала называться Ермаковым камнем. Память о событиях похода Ермака отражена и в других топонимах, например, в названиях татарских деревень на Туре и Тоболе сохранились имена «князцов» – Кашкара, Варвара и Майтмас².

Миллер отмечает, что в сознании народа завоевание Сибири нередко имело и негативную коннотацию. Оно могло представляться делом разбойников с Волги³. В то же время он обращал внимание на набожность казаков, которым вовсе было не чуждо ощущение «страха божьего», и на жесткое соблюдение дисциплины, за нарушение которой следовали суровые наказания «по примеру донских казаков». Историк признавал за ватагой Ермака чувство «смелости и отваги», а у самого атамана обнаруживал способность быть полководцем и «милостивым государем» по отношению к местному населению после победы над ханом Кучумом и овладения Сибирью. В изображении Миллера Ермак представляется «опытным воином», которой стал «великим и победителем»⁴ Сибири¹.

---

¹ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1789. Т. V. Ч. III. С. 2–8, 41–43, 173–182, 190–194; Т. VI. Ч. I. С. 39–50, 84–87, 105–107, 187–189.

² Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I. С. 223.

³ Там же. С. 238, 263, 288.

⁴ Там же. С. 258.

Одним из первых в своих «Предложениях с вопросами, что ко известию требуются»² применил методы прямого анкетного анкетирования при изучении Сибири В. Н. Татищев. Он собирал и обобщал не только географические и геодезические данные, но и информацию из воспоминаний об участниках присоединения и освоения Сибири, а также местный фольклор. Как апологет Ивана IV, В. Н. Татищев в «Истории» отмечал народную поддержку войн Ивана Грозного. В то же время он обращал внимание на необъективность исторической памяти о военных событиях при этом царе на Западе. По его словам, «поляки, лифляндцы и шведы, по чрезмерному пристрастию в поношение и оскорбление величества ... что злое могли выдумать», но упускали «добрые его дела»³.

Механизм формирования исторической памяти о войнах Ивана Грозного по-своему раскрывал Н. М. Карамзин. Оно, как писал историограф, начиналось с того, что «очевидцы рассказывают» о героях этих войн. А затем уже «дети и внуки» воспевают»⁴ их подвиги.

Так, давая оценку «достопамятной осады» Казани, Н. М. Карамзин сопоставляет значимость победы «с Мамаевою битвою»⁵. Историк подчеркивает, что «в памяти народа» взятие Казани сохранилось «как славнейший подвиг древности». Это был подвиг, «известный всем россиянам, и в чертогах, и в хижинах»⁶. Победа, купленная «весьма дорогою ценою», заняла особое место в памяти русского народа. Людей, по мнению Карамзина, восхищало «мужество удивительное, редкое, отчаяние истинно великодушное» защитников города⁷.

---

¹ Новолодский, А. С. Г. Ф. Миллер о походе Ермака: у истоков научного образа // XI Машеровские чтения. Материалы Междунар. науч. -практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых / Витебский государств. ун-т им. П. М. Машерова; И. М. Прищепа (гл. ред.). – Витебск, 2017. – С. 159–161.

² Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 172–173.

³ Татищев В. Н. Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л., 1966. Т. 6. Ч. 4. С. 178.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М., 2016. Кн. 2. С. 351.

⁵ Там же. С. 113

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Карамзин обращает внимание, что особенно памятным для русского народа покорение Казанского ханства оказывалось и по той причине, что «чувство государственного блага» усиливалось «ревностью Веры». Благодаря такому положению взятие Казани понималось как необходимая мера, гарантировавшая установление «безопасности и спокойствия» на Руси.

В трудах Н. М. Карамзина представлен образ Ливонской войны, запечатленный в памяти русского народа. Первый этап войны, как показывает историк, воспринимался как успешный, запомнившийся «ударом сильным, решительным»¹. Однако иное представление сложилось об окончании войны, последнем ее этапе, именуемом историком трехлетней войной.

Н. М. Карамзин отмечал, что в Ливонской войне значимым событием, сохранившимся в памяти народа, стала оборона Пскова, благодаря которой Россия смогла предотвратить разгром. Но вместе с тем он подчеркивал, что героем обороны Пскова запомнился князь Иван Шуйский, который «спас Россию от величайшей опасности», о чем «память сей важной заслуги не изгладится в нашей истории»².

Несмотря на то, что война была проиграна, Карамзин обращал внимание на неопределенность восприятия ее русским обществом. Он писал, что на завершающем этапе война воспринималась «не столь кровопролитной, сколь несчастной для России»³.

Говоря об исторической памяти о войнах Ивана Грозного, Н. М. Карамзин указывал на то, что, например, сравнение Ивана IV и Ермака неизбежно, не в пользу царя. Иван Грозный, имея войско, терял земли на Западе, уступая «полумертвым ляхам и немцам». Но атаман, руководя небольшой «шайкой бродяг», приобрел для России огромные территории⁴. Проводя такое сравнение, Н. М. Карамзин неизбежно апеллировал к

---

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. С. 161.

² Там же. С. 249.

³ Там же. С. 249.

⁴ Там же. С. 218.

исторической памяти о завоевании Сибири, событии, породившем «многие басни», которые в дальнейшем «смешались в преданиях с истиною». Кроме того, Карамзин обращал внимание на то, что в Сибири в народной памяти крепко хранится образ Ермака и его ватаги, которая отразилась в названиях некоторых мест, таких как «скалы, пещеры, следы укреплений»¹, названные в честь атамана.

Образ Ивана Грозного и его завоеваний в историческом сознании представлен С. М. Соловьевым. По его словам, присоединение Казани «великодушными усилиями молодого государя» произвело неизгладимое впечатление на современников и ближайших потомков, так как осознавалось в обществе как первое завоевание «Татарского царства: после многих веков страдания и унижения». В этом смысле Иван IV приравнивался современниками и потомками к «первым князьям-завоевателям»².

С. М. Соловьев указывал причины того, почему русский народ ставил Ивана IV «так высоко над своими предшественниками», почему для русских людей XVII в. он стал «самым величественным образом в русской истории» и заслонил «собой все другие образы». Говоря о народной памяти о завоевании Казани, Астрахани, войнах с Крымом и в Ливонии, историк четко определял, какое значительное место занимала военная деятельность Ивана IV в исторической памяти русского общества. Он указывал, что «относительно всей массы русского народонаселения впечатление, произведенное военными подвигами Иоанна IV, было сильнее впечатления, произведенного на современников подвигами Петра»³. Деятельность последнего касалась, по мнению С. М. Соловьева, высших слоев общества. При этом подвиги Северной войны и Полтавская победа, по оценке историка,

---

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. С. 257.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен // С. М. Соловьев. Соч. в 18 кн. М., 1960. Кн. 3. С. 474, 475.

³ Там же. С. 475.

не вызывали в народе «такого сильного сочувствия, какое в русских людях XVI века возбуждено было завоеванием Татарского царства»¹.

С. М. Соловьев показал, что русский народ считал это завоевание «не следствием личного славолюбия молодого государя» и не следствием «стремлений великих, но не для всех понятных», имея в виду приобретение выхода к Балтике. Завоевание Казани в глазах русского народа, по мнению С. М. Соловьева, стало «подвигом необходимым и священным». При этом русский народ был чужд политических соображений, он считал, что совершает его «для защиты христианства от бусурманства, для охранения русских областей, опустошаемых варварами, для освобождения пленников христианских», т. е. в национальных и религиозных интересах. Кроме того, для исторической памяти ценность этого завоевания «усиливалась еще рассказами о необыкновенных трудностях подвига»².

Указывая на отражение в русском историческом сознании борьбы с Крымом, С. М. Соловьев показал позицию служилой знати, которая раскололась на два лагеря, когда одни считали приоритетным крымское направление, а другие Ливонию. В итоге возобладала позиция «успокоения своих восточных границ взятием Казани», а затем уже обращение «внимания на Запад». Отказ Ивана IV от похода на Крым С. М. Соловьев рассматривал с позиций формирования народной памяти, которая «должна в этом случае вполне оправдать его»³.

Несколько замечаний относительно памяти народа о военных событиях царствования Ивана Грозного приводил Н. И. Костомаров. Он подчеркнул важность присоединения Казани и Астрахани и рассмотрел вопрос о Ливонской войны и борьбе с Крымом с точки зрения их исторической необходимости. Н. И. Костомаров отметил, что герой похода на крымские улусы, князь Дмитрий Вишневецкий, оказался популярен среди народа. Он

---

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. С. 475.

² Там же.

³ Там же. С. 495.

стал первообразом «целого ряда последовавших за ним героев», в том числе героем «народных козацких песнопений», известный как «богатырь-Байда»¹.

Согласно Н. И. Костомарову, глубокий отпечаток в исторической памяти русского общества оставили события 1571 г., когда Девлет-Гирей «прошел до Москвы, опустошая все русское на своем пути»², а затем сжег Москву. Костомаров утверждал, что «московские люди не забыли этой ужасной эпохи даже после Смутного времени, и при Михаиле Федоровиче иноземцы слышали от них, что Москва была многолюднее и богаче до оногo крымского разорения, а после него с трудом могла оправиться»³.

Ливонской войне Н. И. Костомаров посвятил отдельное сочинение, стремясь в нем осмыслить историческое событие с опорой на ранее не известные источники. Стоит отметить, что историк указывал на военные победы, которые Иван Грозный стремился прославить и укрепить в сознании современников. Он отмечал, что после присоединения к Москве территории от Чудского озера до моря Иван Васильевич отдал повеление «по всему своему царству петь молебны с колокольным звоном»⁴. На завоеванной территории царь приказал в честь этой победы строить православные храмы. В Нарве была воздвигнута «церковь Пречистой Богородицы и в замке – церковь Воскресения», а в Сыренске церковь Троицы⁵.

В конце XIX в. истории войн Ивана Грозного уделил существенное внимание Д. И. Иловайский. Вслед за Н. М. Карамзиным он показал, что в народном сознании взятие Казани сопоставимо с Куликовской битвой. А вслед за Н. А. Полевым⁶ Иловайский также обратил внимание на

---

¹ Костомаров Н. И. Раскол // Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. М., 1994. Т. 12. С. 356.

² Там же. С. 356.

³ Там же. С. 357.

⁴ Костомаров Н. И. Ливонская война [1558–1583] // Исторические монографии и исследования .. . СПб. ; М., 1867. С. 50.

⁵ Там же.

⁶ В «Истории русского народа» Н. А. Полевой уже отмечал, что «кроме Куликовской битвы» в памяти русского народа значительное место отводилось взятию Казани, которое было довольно подробно описано, но вместе с тем и «преувеличено». В этом отношении представляет интерес следующее сообщение историка: «Современники говорили, что все силы ада были употреблены на защиту Казани; что великие чудеса и памятные явления сопровождали подвиги русских, и самые обыкновенные препятствия в походе на

мифологизацию исторической памяти о покорении татарского царства¹. Такое положение историк объяснял масштабностью произошедших действий для современников, в связи с чем в летописях данное событие оказалось украшено различными легендами, «по которым падение Казани заранее предвещалось разными знаменами и явлениями»².

Иловайский стал одним из первых историков, который обратил внимание на идеологический характер войны, хотя данный вопрос и не получил развития в его трудах. Так, Иловайский писал, что «борьба с татарами-мусульманами издавна приобрела не только национальный, но и православно-религиозный характер». Поэтому «покорение Казани являлось в глазах современников прежде всего подвигом благочестия, победою православия»³ и прочно вошло в русскую историческую память.

На значительное место в русской исторической памяти войн при Иване Грозном указывал С. Ф. Платонов. По его мнению, они даже занимали в ней центральное место, а «литературный интерес современников Грозного был направлен на боевые темы переживаемого момента»⁴. С. Ф. Платонов подчеркивал влияние Н. М. Карамзина на последующую историческую память о правлении первого царя. Это относилось также к памяти о его завоеваниях. По словам С. Ф. Платонова, под «искусным пером» Н. М. Карамзина «картинно и красноречиво» «оживила» эпоха Грозного и «читалась с большим увлечением»⁵. Не меньшее влияние на представления о событиях эпохи Ивана IV оказали «популярные произведения» Н. И. Костомарова. Из художественной литературы он отметил значительную роль сочинений А. К. Толстого как условие сохранения исторической памяти о том времени. Платонов подчеркивал, что представление, созданное Костомаровым и В. К.

Казань представлены были от них как затруднения, едва победимые неслыханным мужеством и верою; каждое воинское распоряжение описывали как геройский подвиг». См.: Полевой Н. А. История русского народа: в 6 т. М., 1833. Т. 6. С. 303.

¹ Иловайский Д. И. История России. Т. 3. М., 1890. С. 205.

² Там же. С. 206.

³ Там же.

⁴ Платонов С. Ф. Иван Грозный. Петроград, 1923. С. 9.

⁵ Там же. С. 13.

Толстым об эпохе Ивана Грозного, в том числе о военных событиях того времени, «стало ходячим»¹. Оно, кроме того, как отмечал Платонов, было дополнено художественными образами в полотнах И. Е. Репина и В. М. Васнецова. Таким образом, он делал вывод, что сложившееся в исторической памяти под воздействием историков, писателей и художников XIX в. представление об этом царе было в значительной мере негативным.

Вместе с тем С. Ф. Платонов отмечал, что завоевание Казанского и Астраханского ханств на протяжении всех веков неукоснительно воспринималось как «достоинство московского правительства» во внешней политике. В сознании народа память о победах, «одержанных над вековыми врагами татарами», была крепка. Она сохранялась в разных формах, «от риторического произведения московского книжника до бесхитростной народной песни»². С. Ф. Платонов подчеркивал, что на протяжении всех веков русский народ воспринимал присоединение татарских ханств как победы. Причину он видел в том, что это присоединение привело к ликвидации «постоянной опасности и черемисской “войны”» и к получению «новых богатых земель для русского хозяйства и Волжского пути для русской торговли»³.

В советской историографии тема исторической памяти и исторического сознания не была на первом плане научных исследований. Это относилось также к образам Ивана Грозного и войн, которые велись в его царствование. Вместе с тем некоторые стороны этой проблемы затрагивались советскими историками.

Так, Р. Ю. Виппер обращал внимание, что «в самой Москве покорение Казани воспринималось как событие необычайной важности»⁴. По его мнению, казанский поход казался современникам своего рода крестовым походом против «неверных турок». Неслучайно поэтому после возвращения

---

¹ Платонов С. Ф. Иван Грозный. С. 15.

² Там же С. 88.

³ Там же. С. 88.

⁴ Виппер Р. Ю. Иван Грозный. С. 41.

Ивана IV из казанского похода в Москву митрополит сравнивал царя с Александром Невским, Дмитрием Донским, Владимиром Святым и Константином Великим. Кроме того, Виппер заметил, что церковь стремилась сформировать представление о взятии Казани как о падении «грозного оплота крупнейшей орды». По его словам, благодаря этому событию в глазах многих поколений русского общества царь «высвободился от близкого, нависшего над ним врага и впервые дал в восточных равнинах перевес европейской культуре и государственности»¹.

Несколько замечаний Р. Ю. Виппер делал относительно исторической памяти о Ливонской войне. Он отмечал, что это событие правительственные круги во главе с Иваном Грозным стремились представить «справедливой», «не захватнической войной»² и объяснить как новое большое столкновение «в многовековой борьбе русского народа с немецкими захватчиками»³. Одним из знаменательных событий Ливонской войны стало взятие Полоцка, почитавшегося русской вотчиной. Для русского общества эта победа была столь значимой, что «возвращение царя в Москву после Полоцкого похода было обставлено так же торжественно, как его въезд после взятия Казани»⁴.

Кроме того, Виппер обращал внимание и на другое событие, которое для современников стало «выдающимся фактом русской истории, а вместе с тем и истории всемирной»⁵. Виппер называл так оборону Пскова. Он видел в ней наглядный и понятный для общества пример «боеспособности русского народа, его героической защиты родной земли»⁶.

---

¹ Виппер Р. Ю. Иван Грозный. С. 41.

² Там же. С. 45.

³ Позже В. Д. Королук также отметит, что русская власть стремилась в массовом сознании представить войну как борьбу «против немецких пришельцев». Историк поясняет, что такое объяснение имело прежде всего стратегический контекст, чтобы привлечь на сторону русского войска латышских и эстонских крестьян. Необходимо отметить, что в монографии, посвященной Ливонской войне, Королук не ставит задачи исследования исторической памяти о войне, но отчасти касается косвенно данного вопроса. См.: Королук В. Д. Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954.

⁴ Виппер Р. Ю. Иван Грозный. С. 55.

⁵ Там же. С. 137.

⁶ Там же. С. 138.

А. А. Зимин и А. Л. Хорошкевич также отметили значимость взятия Казани для современников, и прежде всего для правительствующих кругов. Это было обусловлено тем, что «присоединение Казани создавало базу великодержавных настроений, упорно пропагандируемых церковью»¹. Они отметили глубокое влияние церкви на формирование облика этого события как религиозной войны. Обосновывалась такая война перед обществом тем, что она велась «с “погаными” “отступниками христовой веры” и т. д.»². Обращение внимания историков на такой факт очень важен в вопросе изучения исторической памяти. Это не случайно. Как писал А. А. Зимин, «первыми дают оценку происходящим событиям современники», чье мнение «часто оказывает большое влияние на позднейшую историографию»³.

Зимин и Хорошкевич отмечают, что значимость покорения Казани для современников нашла выражение в монументальном искусстве, в честь чего «на Красной площади в память дня взятия Казани – 2 октября – и был воздвигнут собор Покрова Богородицы»⁴. Таким же памятным для русского общества событием они считали оборону Пскова в Ливонской войне⁵.

В советский период появляется ряд специальных исследований, посвященных личности Ермака и его похода на Сибирь⁶. В них обращалось определенное внимание на историческую память об атамане и его казаках.

В монографии о походе Ермака Р. Г. Скрынников рассматривал процесс формирования исторической памяти о Ермаке. Он обращал внимание на мифы об атамане, которые существовали в народе. Он отмечал,

---

¹ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 67.

² Там же.

³ Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972. С. 9.

⁴ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 66.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ См.: Акулинин И. Г. Ермак и Строгановы. Париж, 1933; Путилов В. Н. Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948; Он же. Ермак в терских исторических песнях // Изв. Грознен. областного ин-та и музея краеведения. Вып. 4. Грозный, 1952; Мухин В. В. Ермак Тимофеевич: Замечательные люди Прикамья. Пермь, 1957; Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М.: АН СССР, 1960; История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников. Т. 2. Л.: Наука, 1968–1969; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака / 2-е изд. Новосибирск: Наука, 1986.

что легенда, согласно которой «Ермак был знаменитым разбойником», «получила широкое отражение в летописях и записках, исторических преданиях и песнях»¹. Но вместе с тем он подчеркивал, что «в XVII в. Ермак стал излюбленным героем народных песен и сказов», «его имя приобрело широкую популярность». Добрая память о Ермаке в последующие времена, как показывал он, сохранялась под влиянием не только исторических песен и сказаний. Свой вклад в ее формирование внесла церковь. В ней появилась особая служба по «Ермаку и его погибшим товарищам». Им провозглашалась «“вечная память” наряду с прочими пострадавшими за православие»².

Изучение исторической памяти русского народа о Ермаке и сибирском походе было предпринято Л. В. Шубариной, которая обратила внимание на «особенности отражения личности Ермака и сибирского похода казаков в историческом сознании российского народа на разных этапах его существования»³. Она также наметила пути дальнейшего изучения исторической памяти о походе Ермака. По ее словам, в памяти русского народа Ермак запечатлелся «как человек, стоявший у истоков величия русской державы, собиратель и охранитель русской земли»⁴.

Историческая память о войнах XVI в. затрагивались в работах по истории культуры и искусства. В советский период было продолжено изучение исторических песен и народных сказаний, которые отражают и сохраняют историческую память о событиях и их героях. Как пишет Б. Н. Путилов, интерес исследователей первоначально был направлен на изучение «зарождения и формирования» жанра. Однако в то же время затрагивался вопрос складывания и отражения исторических событий в народном творчестве. Так, В. Ф. Миллер⁵, Б. Н. Путилов⁶, В. К. Соколова¹, исследуя

¹ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 174.

² Там же. С. 16.

³ Шубарина Л. В. Ермак и Сибирский поход казаков в историческом сознании русского народа: дис. канд. ист. наук. 07. 00. 02. Челябинск, 1998. С. 7.

⁴ Там же. С. 177.

⁵ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Т. III: Былины и исторические песни. М. ; Л., 1924.

⁶ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М. ; Л., 1960.

соотношение исторического жанра с исторической действительностью, показывали, как историческая память о войнах Ивана Грозного нашла свое выражение в народном творчестве.

Внимание к смысловой составляющей исторической песни или народного сказания, выделение центрального эпизода заставляли исследователей давать объяснение причинам ее возникновения. Такой причиной была историческая память о событиях, которую народ стремился сохранить в привычной для него форме. Б. Н. Путилов, говоря об исторической песне «Взятие Казани», отмечал, что «она возникла по следам событий». Цель ее состояла в прославлении разгрома Казани «средствами новой военной техники»². Другой смысл Б. Н. Путилов видел в песне «Молодец зовет девицу в Казань». В ней, по его мнению, народ выразил свое представление о тяготах войны³. Б. Н. Путилов давал характеристику также историческим песням, сюжеты которых связаны с войнами против крымских татар, Ливонской войной, походом Ермака в Сибирь. О народных преданиях Поволжья, относящихся к Ивану Грозному, писал нижегородский филолог и фольклорист В. Н. Морохин. Он отметил противоречивое отношение народа к Грозному царю. Он указывал на отношение народа к царскому войску в местах, где оно проходило, и в преданиях о начале городов Ардатова и Арзамаса, связанном со строительством крепостей⁴.

С. А. Азбелев отметил, что в народных песнях об Иване Грозном и о походах на Казань, сложенных в Новгородской земле, образ Ивана IV положительный. Объяснял он это тем, что этот образ воспринимал черты другого образа московского государя и походов при нем на Казань, другого Ивана Васильевича. Это был дед Ивана Грозного, великий князь московский

---

¹ Соколова В. К. Русские исторические песни XVI века (эпохи Ивана Грозного) // Славянский фольклор: материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XIII. М., 1951.

² Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. С. 180.

³ Там же. С. 181–182.

⁴ Легенды и предания Волги-реки: Сборник / Сост. В. Н. Морохин. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 1998. С. 19, 40, 41.

Иван III, при котором также совершались походы против Казанского ханства¹. Подобная подмена образов и сюжетов вообще составляет характерную черту фольклора.

Исследователь исторического сознания русского крестьянства А. В. Буганов отмечал, что вообще позитивная сторона исторической памяти об Иване Грозном связана с войнами его с ханствами – Казанским и Крымским. Он указывал, что память о походах на Казанское ханство хорошо сохранилась в Среднем Поволжье, в селениях вблизи Нижнего Новгорода, где проходило русское войско². Идеализация Грозного царя в фольклоре могла носить антиисторический характер. Согласно А. В. Буганову, это проявилось в народной песне о бое 1572 г. с крымскими татарами под Серпуховом, в котором во главе русского войска стоял якобы царь, а не полководец князь М. И. Воротынский³. В этом заключалась одна из форм идеализации в фольклоре Ивана IV, отмеченная А. В. Бугановым.

На новые стороны в изучении фольклора обращалось внимание в исследованиях последнего времени. Поскольку в современной исторической науке значительный интерес проявляется к проблематике исторического мифа, к антитезе «миф-реальность», то это направление затронуло изучение фольклора, в котором такое соотношение находит свое выражение. При этом отмечалось, что фольклорные образы содержатся в «народной картине мира», и в ней имеет место «универсальная оппозиция признаков "свой-чужой"». Она «пронизывает все уровни»: «от космологических представлений» «до бытовой прагматики»⁴. Авторы относили это к народной мифологии, основанной на христианских образах. Но все это имело место не только в образах Священного Писания, но и в образах исторических событий

---

¹ Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и новгородской земли. СПб. : Дмитрий Буланин, 2007. С. 203-205.

² Буганов А. В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX в. : Историко-этнографическое исследование. М. : Принципиум, 2013. С. 81.

³ Там же. С. 85.

⁴ Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М. : Наука, 2008. С. 8.

прошлого. В частности, фольклорные образы войн и исторических персонажей, связанных с этими войнами, вполне мифические по своему внутреннему наполнению, а противостояние «свой-чужой» в этих фольклорных образах вообще очень хорошо заметно.

Исторические песни эпохи правления Ивана Грозного оказались интересны не только советским ученым, но и зарубежным историкам. Выявляя причину феномена положительной оценки первого русского царя в русском фольклоре, М. Перри рассматривает цикл исторических песен, посвященных истории взятия Казани, а также исторические песни, связанные с личностью атамана Ермака¹. Она дает подробный анализ текста песен, очищая от вымыслов и поздних ставок историческую действительность, зафиксированную современниками событий. Такой подход к изучению фольклора позволяет М. Перри сделать вывод о том, что русский народ в центре и на востоке страны считал справедливой борьбу Ивана Грозного с внешними врагами. Кроме того, Перри обратила внимание на различие в восприятии событий русским народом в зависимости от географического расположения и причастности к ним.

Советские авторы, исследуя памятники древнерусской литературы и искусства, обращали внимание на репрезентацию исторической памяти о войнах времени царствования Ивана Грозного. А. С. Орлов исследовал важнейшие письменные источники времени Ивана Грозного: «Казанскую историю», переписку Грозного с Курбским, сочинения И. Пересветова. В. И. Охотникова исследовала «Повесть о приходе Стефана Батория под град Псков», другие памятники древнерусской литературы на военную тему². А. С. Орлов отмечал значимость присоединения татарских ханств к русскому государству для развития литературы. По его словам, «под сознанием окончательного укрепления Московского государства, под впечатлением

---

¹ Perrie M. Popular Socio-Utopian Legends in the Time of Troubles // The Slavonic and East European Review. 1982. Vol. 60. April. P. 66–67, 83–89, 242–253.

² Повести о приходе Стефана Батория на град Псков / подгот. текста и пер. В. И. Охотниковой // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 348.

побед над Казанью и Астраханью» был составлен «Лицевой летописный свод», призванный запечатлеть окончательную победу над неверными агарянами, величество и могущество Руси, счастливые дни царствования Ивана IV¹.

Представляет интерес исследование А. В. Арциховского, изучавшего древнерусские миниатюры как исторический источник, отражающий в том числе историческую память. Ему удалось выявить символическое значение изображений в памятниках древнерусской литературы. Арциховский установил, что изображение сабли под известием о походе Д. Ф. Адашева в 1559 г. против крымских татар является «своего рода эмблемой русского войска»², известной в народе. Он подчеркнул, что в последнем томе Лицевого летописного свода прослеживается прославление Ивана Грозного как правителя и, прежде всего, как завоевателя³.

Памятники изобразительного искусства эпохи Ивана Грозного были изучены также О. И. Подобедовой, которая отметила тесное переплетение свершившихся военных действий со стремлением царских властей связать историю Московского государства с всемирной историей, утверждением в народном сознании идеи «избранности» Московского государства⁴. Кроме того, анализ миниатюр Лицевого летописного свода, фресковой живописи Архангельского собора и иконы «Благословенно воинство Небесного Царя»⁵ показывает, что войны Ивана Грозного «трактовались как войны религиозные в защиту чистоты и неприкосновенности христианского

¹ Орлов А. С. Древняя русская литература XI–XVII веков. М., 1945. С. 306.

² Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 50.

³ Там же. С. 152.

⁴ Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40-х – 70-х годов XVI в. М., 1972. С. 18.

⁵ В советский период, как и в современный, расшифровать и дать обоснование идеологической концепции иконы попыталось немало ученых и, прежде всего, искусствоведов. См.: Муратов П. П. Два открытия // София. 1914. № 2. С. 5–17; Первая выставка Национального музейного фонда. М., 1918; Пресняков А. Е. Эпоха Грозного в общем историческом освещении // Анналы. Петроград, 1923. № 2. С. 188–200; Каргер М. К. К вопросу об изображении Грозного на иконе «Церковь Воинствующая» // Сб. ст. в честь А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 466–469; Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937. 395 [2] с., 4 вкл. л. ; ил. ; Федоров-Давыдов А. А. Из истории древнерусского искусства // Искусство. 1940. № 5. С. 73–96; Мнѣва Н. Е. Монументальная и станковая живопись второй половины XVI века // Очерки русской культуры XVI века. М., 1945; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М. ; Л., 1958.

государства от неверных, освобождающие христиан-пленников и мирное население от татар-захватчиков и утеснителей»¹.

В современной историографии представлены исследования о событиях времени Ивана Грозного. В них уделяется определенное внимание исторической памяти о войнах того времени.

Б. Н. Флоря специально не исследовал историческую память о войнах Ивана Грозного, однако указывал на устоявшиеся представления об этих событиях. Говоря о значении победы над Казанским ханством, он писал, что это событие стало «результатом усилий всего общества, объединившегося вокруг решения задачи, которая в сознании этого общества была самой важной из всех задач, стоявших перед Русским государством»². Историческая память о победе над татарскими ханствами сохранилась благодаря русскому героическому эпосу³.

Говоря о Ливонской войне, Б. Н. Флоря также указывал на представления о ней в исторической памяти. К ним он относил точку зрения, что «сторонником за выход России к Балтийскому морю был сам Иван IV»⁴. Другое представление, которое он выделял, было связано с осадой Пскова. Оно появилось «со времен Н. М. Карамзина» и состояло в том, что в распоряжении царя имелась большая армия, способная вести войну с войсками Батория, но «парализованный страхом царь не решался дать ей приказ об активных действиях»⁵.

Рассматривая развитие образов Ивана Грозного и его времени в исторической памяти, Д. М. Володихин указывает на изменчивость оценок деятельности первого царя. Он указывал также на «широко разлившуюся любовь к государю Ивану Васильевичу». Объяснял он ее тем, что в 1990-х гг.

---

¹ Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. С. 19.

² Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 44.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Там же. С. 356.

к личности царя обнаруживается «либеральное презрение»¹. Анализируя историческую память о войнах Ивана Грозного, автор относит к «активу» правления Ивана IV военные победы, обращая внимание на то, что именно личное предводительство царя обеспечило взятие Казани, Полоцка и победы в Ливонии в 1570-х годах².

Однако немаловажен, по его мнению, и «пассив» в исторической памяти о правлении Ивана Грозного. Володихин отмечал, что «со времен Дмитрия Донского и хана Тохтамыша татары не жгли русскую столицу, а при Иване IV спалили ее, да еще нанесли при этом страшный урон русской армии». Вместе с тем он отнес к «пассиву» и самую длинную, самую масштабную войну из всех, какие вела Россия при Иване IV, – Ливонскую, завершившуюся «неудачно для Московского государства»³.

Наличие мифологии в исторической памяти о войнах Ивана Грозного историки объясняют не только стремлением к приукрашиванию или очернению событий, но и недостатком информации. Так, Д. М. Володихин обоснованно указывал на почти полное отсутствие воевод Московского государства в исторической памяти. Причину автор видит в их «безгласности», отсутствии дневников, писем и т. п. О командирах русского войска под Казанью или в Ливонии, как отмечал автор, известно лишь по одиночным посланиям, донесениям иностранцев или царским приговорам⁴.

В то же время в современной исторической науке стали появляться работы, которые либо полностью посвящены исследованию исторической памяти об эпохе царствования Ивана Грозного, либо частично затрагивают данный вопрос. В них прежде всего изучается историческая память о самом Иване Грозном и о мероприятиях его внутренней политики.

---

¹ Володихин Д. М. Историческая память об Иване Грозном: волны интерпретаций // Культурол. журн. 2017. № 2 (28). С. 4.

² Володихин Д. М. Иван IV Грозный: Царь-сирота. М., 2018. С. 331.

³ Там же. С. 332.

⁴ Володихин Д. М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009. С. 18.

Так, в монографии О. Б. Леонтьевой образ первого русского царя в исторической памяти пореформенной России изучался на основании анализа исторической литературы, художественных произведений, театральных постановок, произведений художественного и монументального искусства¹. О. Б. Леонтьева не рассматривала историческую память о войнах при Иване Грозном. Но ее исследование ценно тем, что оно выступает ориентиром в изучении вопроса об исторической памяти. Более того, она задает траекторию развития темы, определяет перспективу в исследовании исторической памяти о событиях XVI в.

За последнее время уделялось внимание отдельным событиям царствования Ивана Грозного, в том числе и войнам XVI в. И. К. Загидуллин рассмотрел события празднования в России покорения Казани во второй половине XVI – начале XX в. и выделил четыре этапа складывания исторической памяти о покорении Казани. На первом этапе (1552–1591 гг.) главной тенденцией стало водружение каменных монументальных памятников в память о покорении Казани². Вторым этапом (1592–1822 гг.) был ознаменован прославлением павших воинов в битве за Казань. В это время происходила канонизация новых святых, пострадавших за православную веру в бывшем Казанском ханстве. По мнению историка, эти действия оказали глубокое влияние на сохранение исторической памяти о событиях того времени. Они, как писал историк, породили гордость за подвиги своих отцов и дедов и убежденность, что предки «не зря проливали свою кровь»³. В этот же период память о взятии Казани была закреплена через церковный праздник освящения святых мощей Гурия и Варсонофия. Этот праздник отмечался 4 октября, в день торжественного въезда царя Ивана Грозного в

---

¹ Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара, 2011. С. 189–233.

² Загидуллин И. Празднование в России покорения Казани во второй половине XVI – начале XX в. // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования: мат-лы научного семинара (г. Казань, 5 февр. 2002 г.). Казань, 2002. С. 54.

³ Загидуллин И. Празднование в России покорения Казани во второй половине XVI – начале XX в. С. 55.

поверженную столицу ханства. Загидуллин пояснил, что «наложение на дату въезда в городскую крепость русского царя освящения мощей первых миссионеров [в казанской земле] имело глубокое политическое и символическое значение»¹. В данный период сооружен памятник в память о погибших русских воинах. Его Загидуллин рассматривал как «мемориал в память победы над Казанским ханством»². Третий период он относил к 1823–1853 гг., когда память о взятии Казани сохранялась под покровительством церкви. В этот же период состоялось и торжественное празднование в 1852 г. 300-летнего юбилея захвата Казани, что также Загидуллин соотносил с четвертым этапом, датированным 1854–1917 гг. В этот период царским указом в 1854 г. 4 октября был объявлен нерабочим, праздничным днем в Казанской губернии. Как он подчеркивал, это явилось «наглядным показателем политико-идеологической оценки царским режимом данного события»³. Он обратил внимание на то, что разработка праздничных торжеств проводилась светской и духовной властями, чьи силы были направлены на наполнение мероприятий «патриотическо-духовным содержанием»⁴.

14 ноября 2002 г., в ходе круглого стола, посвященного проблеме присоединения Среднего Поволжья к России, проведенного ИРИ РАН, были выявлены противоречия в репрезентации исторической памяти русского народа и народов Поволжья о событиях, связанных с присоединением территорий, ранее входивших в состав Орды. Участники, отражая позиции разных направлений в историографии проблемы, сошлись в том, что добровольного вхождения народов Астраханского и Казанского ханств в состав России не было. Часть народов вошли под дипломатическим принуждением, часть – были завоеваны. В то же время, опасаясь политизации истории рассматриваемого процесса, участники дискуссии не

---

¹ Загидуллин И. Празднование в России покорения Казани ... С. 55

² Там же.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же.

выработали общей позиции. Рассматривая проблему с позиции исторической памяти, А. Н. Сахаров оценил войны Ивана Грозного на Востоке как межцивилизационные, а не как межгосударственные столкновения. Он при этом признавал за Москвой право на оборону границ и «распространения территории» в виде «экспансии на Восток»¹.

Д. А. Котляров, рассматривая историческую память о войнах при Иване Грозном, выявил существенные разночтения в летописях, и отдавал предпочтение официальным источникам и сводам². Завоевания Ивана Грозного он рассматривал в рамках концепции «образования Русского национального государства» и «национального возрождения Руси»³. По его мнению, покорение остатков Орды воспринималось как богоугодное дело. Это было понятно для населения⁴. Он писал о соответствии православно-государственной идеологии «преобладающим умонастроениям в русском обществе», полагая, что правительство Грозного не пошло бы на военные экспедиции, «противоречащие коренным интересам народа», из-за боязни лишиться поддержки народа. Отсюда вывод о том, что русский народ, осознавая историческую миссию России, поддерживал военную политику Ивана Грозного⁵. Он особо выделял идеологическое обоснование присоединения Казани и Астрахани. Постановка такой задачи важна, поскольку впоследствии обоснования, формируемые властью и церковью, стали основанием модели исторического сознания о событиях второй половины XVI в. Особое внимание уделил Котляров обоснованию причин войны в летописных текстах. В связи с этим, по его мнению, можно было говорить о «ритуальном поведении» царя во время казанского похода 1552 г.⁶.

¹ Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века: мат-лы круглого стола / Ин-т российской истории РАН. М., 2002. С. 6; Сахаров А. Казань в судьбах России // Родина. 2005. № 8. С. 12–17.

² Котляров Д. А. Русь и Поволжье: этнополитическое взаимодействие (XIV–XVI века) // Формирование российской государственности. Екатеринбург, 2003. С. 322–351.

³ Котляров Д. А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв. : у истоков национальной политики России. Ижевск, 2005. С. 144.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Там же. С. 239.

⁶ Котляров Д. А. От Золотой Орды к Московскому царству. СПб., 2017. С. 265.

Котляров справедливо полагал, что ритуальное поведение царя имело сакральный смысл. Оно являлось частью идеологической концепции «казанского взятия» и идеологического обоснования царской власти¹. В связи с этим большой интерес представляет замечание Котлярова относительно причин завоевания Казани и Астрахани. Он связывал их с принятием царского титула. Это в свою очередь вынуждало вести военные действия с мусульманскими властителями XVI в., изображавшимися с царским венцом на миниатюрах Лицевого летописного свода², и «именно с этих позиций рассматривалось современниками» стремление Ивана IV к «активной восточной политике»³. Он указывал также, как в массовом сознании представлялось присоединение Астрахани. Считалось, что Иван IV возвращал отчину русских государей в состав Московского царства, которая была утеряна по воле Божьей⁴.

А. В. Аксанов проанализировал широкий спектр представлений современников о событиях борьбы с Казанью. Особенно важным для темы исторической памяти представляется то, что он на основании летописных текстов и письменных свидетельств очевидцев старался проследить контекстный смысл сообщений. Это позволило Аксанову установить, что казанские татары представлялись русскому обществу грешниками, нечестивым народом, и заслуживали сурового наказания. В связи с этим, как показывал он, покорение Казани было обосновано в сознании современников не только политическими и стратегическими целями, но и отношением к казанским татарам⁵. Представляет интерес разбор Аксановым содержащихся в летописях сведениях о чудесах и явлениях. Они, как он указывал, были призваны заострить «внимание на божественной предопределенности

---

¹ Котляров Д. А. От Золотой Орды к Московскому царству. С. 270.

² Там же. С. 245.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 289.

⁵ Аксанов А. В. Московско-казанские отношения: 1445–1552 гг. : дис... канд. ист. наук: 07. 00. 02. Тюмень, 2011. С. 190, 195.

завоевания Казани»¹. Он верно указывал, что знамения занимали определяющее место в обосновании взятия Казани и были призваны стать «неопровержимым доказательством эпохальности событий»². Автор «Казанской истории» и вовсе, как замечал Аксанов, «сравнил продвижение русских на Восток с важнейшими вехами христианской истории»³. Аксанов писал, что взятие Казани для современников стало эпохальным событием по причине того, что Иван IV «завершил дело» многовековой борьбы с историческим противником. Он отмечал, что Куликовская битва, стояние на Угре и взятие Казани – «это сражения одной войны – за истинную веру и освобождение от татар»⁴.

С положением, что в исторической памяти русская власть стремилась представить взятие Казани как продолжение Иваном Грозным дел его великих предков, то есть московских князей, согласна М. Л. Шмыкова. Однако в отличие от Аксанова, по результатам исследований Шмыковой, Иван Васильевич продолжил дело не только Дмитрия Донского, но и прежних правящих прародителей. Она обращала внимание, что «на рубеже 20–30-х гг. XVI в. составители Никоновской летописи осмысливали борьбу Русского государства с Казанским ханством как продолжение борьбы с Волжской Булгарией»⁵. Исследование Шмыковой важно выявлением в нем узловых элементов в формировании концепции правомерности завоевания Казанского и Астраханского ханств. На них затем основывалась историческая память об этих событиях. Она отметила, что территории обоих ханств воспринимались исконными владениями предков Ивана IV, которые русский царь возвратил в состав русского государства. При этом «в идеологическом обосновании походов учитывались политические

---

¹ Аксанов А. В. Московско-казанские отношения: 1445–1552 гг. С. 202.

² Там же. С. 203.

³ Там же. С. 204.

⁴ Там же. С. 228.

⁵ Шмыкова М. Л. Идеологическое обоснование внешней политики Русского государства в середине XVI века (на примере присоединения Казанского и Астраханского ханств) // Мат-лы Междунар. науч. - практ. конф., посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства (г. Ижевск, 20–22 мая 2008 г.). Ижевск, 2008. С. 285.

обстоятельства, им предшествовавшие, и декларировалась московская позиция по поводу нарушения противной стороной ранее достигнутых договоренностей»¹. Кроме того, «наиболее масштабным военным мероприятиям придавался характер общерусской борьбы», и «ни один из походов не был возможен без религиозного оформления». Шмыкова также обратила внимание, что представление о походе православного царя против «бусурман» образовалось не сразу, а формировалось постепенно «при поддержке церкви и особенно митрополита Макария»².

Пути формирования исторической памяти об эпохе правления Ивана Грозного представляет Д. А. Сосницкий, который дает обстоятельный анализ источников, под влиянием которых сохранялась и формировалась историческая память о Грозном и военных событиях в годы его правления. Сосницкий отмечает, что личность Ивана Васильевича и эпоха правления в период пореформенной России была популярна. Он указывал, что в 1850–1917 гг. в список художественных произведений, обязательных для изучения в рамках школьной программы, входили такие сочинения, как «История о великом князе Московском» Курбского А. М., переписка Грозного с Курбским, Песнь о взятии Казани, Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, поэма Хераскова М. М. «Россиада»³. На конструирование исторической памяти в начале XX в., по мнению Сосницкого, глубокое влияние оказывали произведения кинематографии: «Князь Серебряный», «Иван Грозный», «Смерть Иоанна Грозного», «Ермак Тимофеевич – покоритель Сибири», «Князь Серебряный и пленница Варвара», «Малюта Скуратов», «Покорение Сибири», «Царь Иван Васильевич Грозный»⁴. Он также указывал, что значительное внимание

---

¹ Шмыкова М. Л. Идеологическое обоснование внешней политики Русского государства ... С. 294.

² Там же.

³ Сосницкий Д. А. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI в. : дис... канд. ист. наук: 07. 00. 02. СПб., 2016. С. 45–46.

⁴ Там же. С. 56–57.

образу Ивана Грозного отводилось также в публицистической и периодической печати¹.

В войске Донском на культ Ивана Грозного (который будто бы пожаловал казакам Дон после взятия Казани) указывал Н. А. Мининков. Казаки помогали России в борьбе с Казанью и в деле ее присоединения, почитали атамана Ермака, образ которого помещали рядом с образом Ивана Грозного. Этот вывод автор делает на основе анализа казачьих исторических песен. Кроме того, автор указывает на мифологизацию отношений Ивана Грозного и Ермака в сюжете о традиции службы донских казаков царю без присяги. Действительно, казаки атамана Ермака к крестному целованию не приводились, однако это не имело никакого отношения к донским казакам. В то же время, как отмечает Н. А. Мининков, хотя Ермак и не был «донцом» (что признавали и сами «донцы»), культ Ермака присутствовал в исторической памяти донского казачества вплоть до 1917 г.²

О взятии Казани в исторической памяти писал А. И. Филюшкин. Он выделил основные места памяти, которые были призваны увековечить подвиг царя и его войска при взятии Казани. Вместе с тем было отмечено празднование дня «казанских именин». Этому празднованию придали официальный статус³. Филюшкин обратил внимание, что память о присоединении Астрахани и борьбы с Крымом при Иване IV не получила отражения в памятных знаках⁴. Он отмечал, что память о борьбе с казанскими, астраханскими и крымскими татарами шла «по традиционной линии дискурса русско-татарского противостояния». Тем самым она воспринималась как «борьба с вековыми поработителями, татарским игом, оборона Руси от супостата»⁵.

¹ Сосницкий Д. А. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI в. С. 61–62.

² Мининков Н. А. Атаман Ермак Тимофеевич и события XVI в. в исторической памяти донского казачества // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 4. С. 11–15.

³ Филюшкин А. И. Завоевания Ивана Грозного в памяти потомков // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. С. 215.

⁴ Там же. С. 216.

⁵ Там же.

Большой вклад А. И. Филюшкин внес в изучение исторической памяти о Ливонской войне¹. Он провел подробный анализ связанного с ней огромного нарратива, что позволило ему выявить восприятие войны как современниками событий, так и их потомками. Филюшкин доказал, что восприятие Ливонской войны современниками было диаметрально противоположным тому, как эти события стали представлять их потомки. Он показал, что разночтения в представлении о войне были даже у самих современников. С одной стороны, война представлялась Священной, она «была прелюдией к Последней Битве, борьбой за торжество над неверными Нового Израиля, нового богоизбранного народа»². С другой стороны, существовало мнение, что эта война оказалась ошибкой. Она была прихотью «русского царя, не жалеющего своих людей»³. Филюшкин также обращает внимание, что Ливонская война не рассматривалась современниками «какой-то особенной единой войной». В их глазах она представляла собой лишь непрекращающийся ряд «войн Российского государства при Иване Грозном»⁴. Он пояснял, что вследствие событий Смутного времени осмысление Ливонской войны растянется на долгие годы и получит стройную концепцию лишь на исходе XVIII в.⁵

Такая ситуация оказала глубокое влияние на историческую память о войне, поскольку в отличие от современников, как отмечает Филюшкин, целью войны потомки провозгласят стремление Ивана Грозного завоевать выход к морю, что согласовывалось с ценностными установками уже Нового времени.

---

¹ Филюшкин А. И. Изображение Ливонской войны в русском летописании XVI–XVII вв. // Исследования по истории средневековой Руси. (К 80-летию Ю. Г. Алексеева). М. ; СПб., 2006. С. 347–368; Он же. А. И. Изобретая первую войну России Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. 845 с. ; Он же. Как видели войну за Прибалтику авторы разрядов XVI–XVII вв. ? // Вестн. С.-Петербург. ун-та. История. СПб., 2013. Вып. 3. Сер. 2. С. 30–42; Он же. Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного. М., 2018. 320 с. ; Он же. Проиграла ли Россия Ливонскую войну? // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. М., 2013. № 3. С. 141–142.

² Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 624.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 626.

Вопросы отражения исторической памяти о войнах Ивана Грозного в живописи и архитектуре фрагментарно освещены в работах историков искусства. Интерес исследователей монументального и художественного искусства сводился прежде всего к изучению особенностей стиля и его развития, но вместе с тем изучалась история создания картин или возведения архитектурных памятников. Исследователи предпринимают попытки дать объяснения символам и глубинным смыслам картин на исторические темы. Так, специалисты Государственного русского музея показали, что концепция картины «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем» (1891–1895 гг.) сложилась у В. И. Сурикова исключительно на основании исторической памяти, которую он впоследствии проверял чтением Кунгурской летописи, обнаружив заметное сходство даже в деталях¹.

Внутренний пласт материала практически всех видов искусства, посвященного эпохе царствования Ивана Грозного, проанализировала Н. Н. Мутья². Она проследила эволюцию образа Ивана Грозного в русском искусстве с различных позиций, в том числе как защитника русского царства. Вместе с тем при разборе произведений живописи, музыки, театральных постановок, связанных с военными событиями XVI в., Н. Н. Мутья показала, каким образом в народном сознании под влиянием искусства сохранялась память о войнах Ивана IV. Однако внимание исследователя в значительной степени было сосредоточено на личности Ивана Грозного, а не на исторических событиях его правления.

В современный период фольклор периода правления Ивана Грозного рассматривается как важный исторический источник. В статье М. С. Жбанковой были рассмотрены произведения, «в которых Иван Грозный изображен как царь – освободитель русских земель, царь – покоритель

---

¹ В. И. Суриков в коллекции Государственного русского музея. М., 2005. С. 39.

² Мутья Н. Н. Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб., 2010.

врагов»¹. Песни на эти сюжеты, по ее мнению, были широко распространены. Причиной этому «могут служить успешные военные походы Ивана Грозного, которые после объединения Руси в централизованное государство воспринимаются народом как освободительные»². Особо она обратила внимание на песни о Казанском походе, которые отразили народное сознание о значимости победы. Эти песни показывают, что покорение Казани народ да и сами правительственные круги связывали со становлением «Ивана IV как царя-самодержца, наделенного Божественной властью и силой»³.

О. В. Капля исследовал фольклор донских казаков, тематически связанный с Иваном Грозным и войнами под его предводительством, и выявил, что исторические песни донского казачества сохранили только ту историческую память о тех событиях, которые были актуальны для донского казачества. Безусловно, таким событием явилось взятие Казани, после чего Иван Васильевич «даровал вольным людям “Тихий Дон, Дон и Донец” со всеми притоками»⁴. Обратил внимание историк на то, что в песнях казаков о взятии Казани нередко встречается личность Ермака. Такое явление О. В. Капля объяснил тем, что Ермак стал «олицетворением силы и мощи всего казачьего сословия»⁵.

Таким образом, историческая память русского народа о войнах времени царствования Ивана Грозного не может считаться принципиально новым направлением в историографии, поскольку с началом развития исторической науки в России ученые отчасти уделяли внимание исследованию данного направления. Но до недавнего времени вопрос об исторической памяти о войнах времени Ивана Грозного не занимал того места в отечественной историографии, которое он заслуживает. В

---

¹ Жбанкова М. С. Иван Грозный и стратегии его изображения в русском фольклоре // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Филология. Журналистика. 2018. № 1. С. 18.

² Там же. С. 15.

³ Там же.

⁴ Капля О. В. Царь Иван Грозный в фольклоре донских казаков // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 4. С. 140.

⁵ Там же. С. 139.

современной историографии исследование исторической памяти становится перспективным направлением, и историки ставят задачу проведения инвентаризации мест исторической памяти.

С точки зрения изучения отображения войн и завоеваний эпохи Ивана Грозного в исторической памяти, взятие Казани и Астрахани, войны с Крымом историками проанализированы недостаточно хорошо. Лучше изучены такие события, как поход Ермака в Сибирь и Ливонская война. Однако историческая память о Ермаке и Ливонской войне оставляет большое поле для изучения. Кроме того, отсутствие комплексного исследования исторической памяти о войнах в эпоху царствования Ивана Грозного позволяет поставить этот вопрос в качестве самостоятельной проблемы исследования.

Цель работы – комплексная характеристика места в русской исторической памяти второй половины XVI – начала XX в. войн России при Иване Грозном и особенности выражения их образов в отечественной культуре.

Задачи работы:

- выявление места исторической памяти культурно-исторического сообщества в общей структуре его исторического сознания;
- уяснение характера русской исторической памяти о завоевании Казани и Астрахани и войнах с Крымом при Иване Грозном;
- установление роли в русской исторической памяти похода в Сибирь казаков атамана Ермака Тимофеевича и завоевания Сибирского ханства;
- выявление Ливонской войны как места русской исторической памяти;
- уяснение значения исторической памяти о войнах при Иване Грозном в рамках комплексной характеристики царя в русском историческом сознании.

Хронологические рамки охватывают период со второй половины XVI в. до начала XX в. и обусловлены тем, что историческая память о войнах в годы правления Ивана Грозного начинает складываться непосредственно с момента их свершения. В тот же период возникли места исторической памяти, на основе которых в дальнейшем в сознании русского народа сохранялась память о войнах Ивана IV. В ходе самих войн произошло складывание первых объяснительных моделей событий, которые находили свое основание в историческом сознании. Хронологические рамки определяются и тем, что с XVIII в. до начала XX в. был создан научный, художественный и изобразительный нарратив, который позволил сохранять историческую память о войнах при Иване IV в более позднее время в историческом сознании русского народа.

Источниковую базу исследования составляют разнообразные материалы, среди которых выделяются письменные, изобразительные и вещественные источники. Из них наиболее многочисленны и разнообразны письменные. Они представлены преимущественно источниками повествовательными. Их можно разделить на несколько групп.

К первой их группе относятся летописи, которые дают важные сведения о войнах Ивана Грозного и об отношении русского общества к этим войнам. В литературе предпринимались попытки отразить на материале летописей вопросы развития общественного сознания в годы Ливонской войны¹.

Как дореволюционная, так и послереволюционная историография не дала ответа на вопрос о том, как оценивали разные слои русского общества Ливонскую войну, борьбу с Крымским ханством, присоединение Сибири или «Казанское дело». Летописные источники отражали лишь позицию духовенства и служилого сословия. Летописцы, заимствуя информацию о

---

¹ Смирнов Н. В. Ливонская война и города Ливонии // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. : сб. науч. статей. М. : Квадрига, 2010; Покровский Н. Н., Журавель О. Д. Стеленная книга: шаг к истокам // Наука из первых рук. 2009. № 2 (26). С 19–28.

войнах у своих предшественников, компилировали фрагменты, формируя новую (или поддерживая действующую) картину событий. И хотя они сохраняли форму события, чаще всего его смысл трансформировался в соответствии с политической конъюнктурой, удобной государству и Церкви¹.

В «Степенной книге» присутствуют воспоминания очевидцев и участников событий Ливонской войны², что повышает информативную ценность этого источника в части анализа исторической памяти о военном конфликте.

Большую ценность в исследовании исторической памяти представляют сведения псковского летописания, которые, в отличие от московского летописания, не являются правительственной объяснительной моделью войн Ивана Грозного. Псковские летописцы излагают независимую систему оценок и взглядов о произошедших военных событиях. Они приводят объяснительную модель событий, присущую народному сознанию псковского общества.

Другую их группу составили памятники светской литературы, сохранившиеся как в составе рукописных сборников различного характера, так и в поздних изданиях. Среди них «Казанская история», «Троицкая повесть о взятии Казани», «Повесть о приходе Стефана Батория под град Псков», «Повесть о Псково-Печерском монастыре». Эти источники содержат практически точное описание военных событий, они наполнены патриотическими чувствами, написаны в торжественном тоне, данные произведения формировали и сохраняли историческую память о войнах Ивана Грозного. Надо полагать, что первоначально под влиянием подобных произведений в сознании русского народа складывались устойчивые представления о военных событиях.

---

¹ Листкова А. С. Идентификационные мифы как модификации исторической памяти // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Пятигорск, 18–20 окт. 2017 г.). Ставрополь; Пятигорск, 2017. С. 13.

² Усачев А. С. Ранняя версия рассказа о взятии Полоцка в 1563 г. в древнерусской книжности // Вестн. С.-Петербург. ун-та. История. 2008. № 3. С. 5.

Важным источником по данной проблеме являются исторические песни. Этот источник относится к живой памяти и прямо отражает восприятие событий в общественном сознании, сохраняя точную память о них¹. В исторических песнях нашла отражение память о тех войнах Ивана Грозного, которые оказали глубокое влияние на сознание русского народа. Прежде всего, это популярная историческая песня XVI в. «Взятие Казани», а также народные песни о покорении Сибири Ермаком². Исторические песни относятся к русскому фольклору. К фольклору также относятся народные предания о походе Ивана Грозного на Казань, которые были распространены в Среднем Поволжье не только среди русского населения, но и среди мордвы, чувашей, марийцев, которые были записаны и обработаны упоминавшимся выше нижегородским исследователем В. Н. Морохиным.

Источником по истории войн Ивана Грозного является эпистолярное наследие эпохи. Прежде всего, это переписка царя с А. М. Курбским в 1564–1579 гг. Данный материал позволяет выявить представления о произошедших войнах в сознании двух противоборствующих сторон, представляющих различные слои русского общества. С одной стороны, это Иван Грозный, который в своих посланиях представил мысли, на основании которых выстраивалась государственная объяснительная модель военных событий XVI в. С другой стороны, представитель аристократических кругов русского общества А. М. Курбский, в своих посланиях выражающий в отношении произошедших военных событий умозаключения, соответствующие представлениям своего класса.

Важным источником по изучению исторической памяти представляется и другое сочинение А. М. Курбского, названное автором «Историей о великом князе Московском». А. М. Курбский фиксирует в данном сочинении индивидуальную память о войнах как их непосредственный участник, как воевода казанского похода. По версии князя

---

¹ Чичеров В. И. Русское народное творчество. М., 1959. С. 5

² Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 117.

ужасы и разорения войн были испытанием и карой Божьей за прегрешения царя Ивана IV. В то же время победы в войнах Ивана Грозного он объяснял привлечением умных советников Избранной рады и талантливых воевод, которые усмирили крымского, ногайского и казанского ханов¹. Ценность сочинения Курбского как источника в контексте исследуемой темы в воссоздании народного представления об образе войны. Так, князь описывает формы психологического воздействия на казанцев, мужество и героизм русского войска. «История о великом князе Московском» выступает ценным источником не только потому, что весьма информативна, но и по той причине, что имела способность оказать глубокое чувственно-эмоциональное воздействие на общественное сознание, позволяя воссоздать «живую» историческую картину войн Ивана Грозного, сформировать память прежде всего о взятии Казани.

Источниками, относящимися к исторической памяти о войнах Ивана Грозного, являются сочинения В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, Н. И. Костомарова, С. М. Соловьева, Д. И. Иловайского и ряда других историков. Впервые под влиянием работ профессиональных историков в Новое время в историческом сознании русского народа формируется объяснительная модель о военных событиях XVI в., основанием которой выступает рационалистический подход. Выявляются и определяются причинно-следственные связи, четко обозначается роль исторических персоналий как в самом событии, так и во влиянии исторических персоналий на исход событий. Некоторые труды историков, которые содержат сведения об отношении к войнам при Иване Грозном, не опубликованы и существуют в рукописях. Это сочинения XVIII в. : Астраханская летопись и летопись И. Л. Черепанова. Это также рукопись донских историков конца XIX – начала XX вв. : основателя Донского музея Х. И. Попова о «покорении Сибирского

---

¹ Курбский А. М. История о великом князе Московском // БЛДР. СПб., 2001. Т. 11. С. 320.

царства казаками» и историка П. П. Сахарова, также посвященная походу казаков под предводительством атамана Ермака.

Глубокое влияние на формирование и сохранение исторической памяти о войнах Ивана Грозного оказали произведения художественной литературы, которые составляют отдельную группу повествовательных источников. Это поэтические и прозаические сочинения XIX – начала XX в. А. К. Толстого, А. Андреева, трагедии А. Н. Грузинцева и П. А. Плавильщикова, произведение Г. Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани»¹. Благодаря динамичным и интригующим художественным сюжетам в сознании русского общества формировались живописные образы исторических персоналий. То же самое относилось к своеобразному пониманию военных событий XVI в. Поскольку большинство произведений художественной литературы были поставлены на сценах театров и к тому же пользовались популярностью среди зрителей, эти сочинения оказывали гораздо большее влияние на формирование исторической памяти в сознании русского народа, чем труды историков.

Наравне с литературными памятниками, глубокое влияние на складывание и сохранение исторической памяти оказывало и изобразительное искусство, которое возможно отнести к изобразительным источникам памяти о войнах Ивана Грозного.

Художественное осмысление военных событий XVI в. происходило еще в годы царствования Ивана Грозного и выразилось в иконописи. Иконы были посвящены важным событиям в жизни Русского государства – победе над Казанью и победе над грозной силой Стефана Батория. Иконописцы, согласно канонам православного искусства, концепциям понимания и традициям общества того времени, отразили историческое осознание свершившихся побед.

---

¹ См.: Толстой А. К. Князь Серебряный. М., 2014; Толстой А. К. Драматическая трилогия: Смерть Иоанна Грозного. Царь Федор Иоаннович. Царь Борис. М., 2016; Андреев А. Иоанн Грозный и Стефан Баторий: исторический роман в 4 т. М., 1834. ; Грузинцев Л. Н. Покоренная Казань, или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV, проименованного Грозным // Иван Грозный: антол. / сост. А. В. Парина, М., 2001; Плавильщиков П. А, Ермак, покоритель Сибири // Русская литература. Век XVIII. Трагедия. М., 1991. ; Державин Г. Р. Собр. соч. : в 10 т. М., 2016. Т. 7. 2016.

В иконописной традиции в годы царствования Ивана Грозного войны, повествующие о взятии Казани и Астрахани, Ливонской войне, нашли изобразительное отражение в иллюстрациях к Лицевому летописному своду.

С развитием художественного искусства, с появлением в Новое время портретной, исторической, батальной живописи ряд событий из войн Ивана Грозного находят отражение в работах известных художников: В. М. Васнецова, В. И. Сурикова, Г. И. Угрюмова, С. В. Иванова, А. Д. Кившенко, П. М. Шамшина, Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, литографических изображениях Б. А. Чорикова и др. Происходила визуализация исторических событий, создавались запоминающиеся образы военных событий и исторических персоналий, что в совокупности оказывает мощный импульс для складывания и сохранения в сознании русского народа памяти о войнах Ивана Грозного.

Произведения монументального искусства представлены не столь широко и разнообразно, но значение их для характеристики исторической памяти о войнах времени царствования Ивана Грозного велико именно в плане сохранения и репродукции исторической памяти.

Историческая память о войнах в эпоху Грозного на протяжении веков сохранялась под влиянием архитектуры или ландшафтных мест, которые народ связывал с тем или иным военным событием. В связи с этим можно выделить еще одну группу источников исторической памяти о войнах Ивана Грозного. Это были храмы, возведенные в Казани, Свияжске и Москве сразу же после взятия Казани. Они символизировали не только утверждение православной веры, но и закрепляли казанское взятие как место памяти. В исторической памяти русского народа взятие Казани ассоциируется также с собором Покрова Пресвятой Богородицы на Рву.

В эту же группу источников возможно включить кремли, которые были возведены в период правления Ивана Грозного с целью защиты от крымских татар. К данной группе источников возможно относить различные по типу кремли. Это вновь построенные кремли или их реконструкция, усиление в

уже существующих городах, например, как это было в Серпухове или Туле. Также это и возведение новых крепостей на южных рубежах Московского царства, один из которых появился в Астрахани.

К данной группе источников относятся также следы военных действий, такие, как, например, пробоина в городской стене Пскова, образовавшаяся во время осады города. Это также топонимы и ландшафтные объекты, на которых либо произошло сражение, что ярко запечатлелось в исторической памяти народа, либо те места, которые каким-либо образом соотносятся с событиями войн. К ним относился город Свияжск, ставший местом дислокации русских воинов перед непосредственным взятием Казани.

В *методологической основе* работы сочетаются исследовательские принципы традиционной исторической науки и принципов научного исторического исследования Новейшего времени.

Опора на принцип историзма позволяет видеть в феноменах исторической памяти культурно-исторического сообщества и в массовом историческом сознании типичное и своеобразное выражение культуры своего времени. Данный исследовательский принцип позволяет проследить динамику изменения природных и социально-культурных явлений, их становление во времени, а также закономерность исторической эволюции. Он подразумевает анализ объектов исследования с учетом конкретно-исторических условий существования.

Принцип понимания дает возможность выяснить общий характер и особенности русской исторической памяти на основании того, как выразились в ней события войн в России.

Принцип интертекстуальности, распространенный под влиянием культуры постмодернизма на историческое исследование, позволяет видеть в отдельных феноменах русской исторической памяти о войнах в эпоху Ивана Грозного интертекст, который не раз воспроизводился в позднейших феноменах русской культуры, относившихся к этим войнам и к самому царю.

Использование историко-генетического метода дает возможность выявить культурно-исторические корни феноменов русской исторической памяти, в которых выразились войны при Иване Грозном. Использование историко-сравнительного метода позволяет уяснить особенности памяти о войнах Ивана Грозного в разных социокультурных средах и в разные культурно-исторические эпохи. Историко-типологический метод дает возможность рассматривать военную составляющую русской культурно-исторической памяти как ее особый тип, имеющий ряд особых качественных характеристик. Историко-типологический метод восходит к процедурам сравнений¹. Такое сравнение позволяет выявить общие типологические черты культурно-исторических явлений. В полной мере это относится к такому явлению, как историческая память о войнах при Иване Грозном. Метод моделирования позволяет выявить в рамках такого явления как русская историческая память об эпохе Ивана Грозного особые черты, характерные для сохранения в ней образов войн этого времени. Он дает возможность сформировать модель исторической памяти об этих войнах как системы мышления и культуры, на основе которой создаются условия для получения представления о более сложной системе², которую составляет память о царствовании Ивана Грозного и образ этого царя в русской исторической памяти и в русской культуре.

К *теоретической основе* работы относится теория мест исторической памяти, поскольку память о войнах при Иване Грозном имеет множество разнообразных исторических мест в форме письменных и визуальных источников и архитектурных сооружений, а также особых дней календаря, когда в дореволюционный период с отдельными днями связывались события этих войн.

---

¹ См.: Лаптева М. П. Теория и методология истории. Пермь, 2006. С. 209.

² Как указывал А. В. Бочаров, модель, построенную в историческом исследовании, «можно определить ... как создание искусственных систем, выделяющихся из образа сложного объекта», и такая модель «служит средством получения информации о другой системе», более сложной. См.: Бочаров А. В. Основные научные методы в историческом исследовании. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. С. 116.

Научная новизна

1. Обоснован процесс формирования исторического сознания общества как переработки его исторической памяти, в ходе которой она переходит из эмоциональной сферы в рациональную и получает свое обоснование, построенное на логических положениях с сохранением оценочных суждений по отношению к прошлому.

2. Выявлена значительная роль исторической памяти о войнах России при Иване Грозном в общей структуре русской исторической памяти, относящейся ко времени его царствования.

3. Выявлена роль литературы, живописи и монументального искусства в формировании и сохранении истории о войнах Ивана Грозного в памяти потомков.

4. Уяснена роль государства и церкви в закреплении в русской исторической памяти взятия Казани, выразившейся в установлении связи между этим событием и празднованием Покрова Богородицы, строительством в Москве Покровского собора как памятника казанскому завоеванию. Выявлен факт отсутствия интереса к сохранению исторической памяти о взятии Астрахани, сделана попытка его объяснения.

5. Выявлено место исторической памяти о войнах с Крымом в сознании русского общества, что позволило определить отношение русского народа к происходящим событиям, выявить исторических героев, которые в народной памяти почитались как победители крымских татар.

6. Выявлено значение культового образа Ермака в русском историческом сознании в качестве одной из основ культа Ивана Грозного.

7. Выяснено незначительное место в русской исторической памяти о времени царствования Ивана Грозного событий Ливонской войны, за исключением эпизода обороны Пскова.

Положения, выносимые на защиту

1. Историческая память русского общества о войнах России во время царствования Ивана Грозного находила выражение в формах живой

исторической памяти и в различных формах исторической памяти, выраженной средствами книжной культуры и разных видов искусства. Живая историческая память выразилась в фольклоре, созданном современниками и передававшимся из поколения в поколение. Историческая память, представленная в формах книжной культуры и в искусстве, отражала знания об этих войнах, полученные из книжной культуры и сформированные в образах, созданных авторами этих произведений. Все эти формы исторической памяти, в свою очередь, способствовали сохранению в историческом сознании последующих поколений памяти о войнах России при Иване Грозном и комплекса общих представлений об этих событиях.

2. Покорение Казанского ханства отложилось в русской исторической памяти как победа над опасной вражеской силой, от которой русские земли страдали еще со времен Орды, как своеобразная месть за эти страдания. Эта мысль заметна в русском фольклоре, посвященном казанским событиям. В фольклоре дается самая позитивная оценка Ивану Грозному за успешное взятие Казани, причем казанское взятие составило основу последующего культа Ивана Грозного. Для выражения исторической памяти в письменной литературной традиции была характерна опора на религиозную идею, присоединение Казани рассматривалось как победа православия Московской Руси над исламом. Сочинение князя А. М. Курбского отразило память знати о войне с Казанью как пример успешных совместных действий царской власти и знати в борьбе с сильным внешним противником. Эта же идея нашла выражение в возведении на Красной площади в Москве Покровского собора, что закрепляло ее в русской исторической памяти.

3. Такое значительное военное событие времени Ивана Грозного, как Ливонская война, в целом отложилось в исторической памяти русского народа не в такой степени, как война за присоединение Казанского царства или поход Ермака. Оборона Пскова сохранилась в народной памяти как образец героической защиты города от войск короля Стефана Батория. Летопись отражает стремление власти к формированию памяти о Ливонской

войне как о борьбе за восстановление попоранного ливонскими немцами традиционного порядка выплаты дани русской стороне, справедливость которого опиралась на историческую традицию, уходящую во времена Киевской Руси.

4. В отличие от Ливонской войны, в народной исторической памяти хорошо сохранились события борьбы с Крымским ханством. Традиционными были сюжеты о нападении противника и пленении людей. Темой фольклора были походы хана Девлет-Гирея 1571 и 1572 гг. на Москву. Тема борьбы с Крымом в русской исторической памяти оживала в XVII–XVIII вв. в связи с продолжением борьбы России с Крымом, вплоть до присоединения ханства. В XIX в. историческая память о войнах с Крымом при Иване Грозном нашла выражение в художественной литературе и в театральном искусстве.

5. Крупнейшим из образов русской исторической памяти, относящихся к войнам при Иване Грозном, вплоть до нашего времени является образ атамана Ермака и его казаков, который выражен в фольклоре и в сибирском летописании. Ермак и его казаки предстают в фольклоре в образах былинных богатырей, в том числе в казачьем фольклоре. Эти образы народной памяти оказали свое влияние на формирование образов Ермака и завоевавших Сибирь казаков в историографии, художественной литературе, в монументальном искусстве, живописи и кинематографе.

Теоретическая значимость исследования в уяснении характера и особенностей русской исторической памяти, относящейся к Ивану Грозному и войнам в период его царствования, позволяет установить причины разнополярности оценок образа и деятельности Ивана Грозного, а также устойчивости его образа в отечественной культуре на протяжении нескольких веков. Она также заключается в реализации принципа равнозначности различных групп источников при изучении исторической памяти русского народа.

Практическая значимость работы в том, что материалы диссертации могут использоваться при составлении учебных и методических материалов по отечественной истории для различных ступеней образования. Кроме того, материалы диссертации могут использоваться специалистами в области исторического образования для разработки курсов по изучению исторической памяти.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют **паспорту специальности** ВАК РФ 07. 00. 02 – Отечественная история. Область исследования – п. 11 Паспорта специальности ВАК (История общественной мысли и общественных движений); п. 14 (История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов); п. 19 (Личность в российской истории, ее персоналии); п. 27 (История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения).

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации неоднократно обсуждались, были представлены на международных и всероссийских научных конференциях, а также изложены в виде научных статей, четыре из которых были опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации. Диссертация получила обсуждение на кафедре истории России Южного федерального университета. Общий объем публикаций составляет 3,5 п. л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, 4 глав, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1. Историческая память и место в ней исторических образов

1.1. Историческая память и историческое сознание как психологические и культурные феномены

Историческая память и историческое сознание общества не случайно оказались в прошлом столетии в ряду важнейших проблем гуманитарного научного знания. В условиях того времени становилось очевидным, что субъективное восприятие всякой реальности, в том числе реальности прошлого, обществом и отдельным человеком имеет не меньшее значение, чем сама реальность, как историческая, так повседневная. В зависимости от своих представлений о прошлом общество и отдельные его структуры и слои проявляли свое отношение к событиям, явлениям и процессам, происходившим в периоды их исторического существования. Представление о прошлом могло создавать исторические иллюзии, порождать травмы в сознании и в восприятии настоящего и других культур. Эти факторы и определяли поведение как больших этносоциальных структур, так и общественных микрогрупп, сформировавшихся на основе разных объединяющих начал. Отсюда стал возникать интерес к исследованию механизмов воздействия представлений о прошлом на сознание и поведение, к феномену исторической памяти и исторического сознания, к процессам их формирования и развития.

В первой половине XX в. этот интерес был наиболее заметен в исторической науке и культуре Франции. Такое положение было не случайно. Еще с эпохи Просвещения эта страна жила в условиях чрезвычайно насыщенной интеллектуальной жизни и острейшего идейного противостояния. По существу, в течение всего XIX в. вся духовная культура Франции испытывала сильнейшее давление идеологии в разных ее формах. Это могла быть идеология имперская, роялистская, либеральная и идеология

массового социального протеста. Кроме того, особенностью французской культуры в Новое время был самый значительный интерес к истории, а формирующаяся историческая мысль и историческая наука в значительной степени определяла профиль французской культуры в целом.

Таким образом, идейная борьба и политико-идеологическое противостояние сказывались на исторической мысли страны и определяли особенности творчества выдающихся историков эпохи Реставрации.

Новейшее время не изменило ситуацию в культуре страны. Потрясения Первой и Второй мировых войн, переходы от положения сильнейшей военной державы Европы после Версальского мира к роли жертвы германской агрессии, а затем к роли победителя, противоречия в обществе на социальной почве формировали в общественно-политическом сознании нации и разных ее социальных групп потребность в обращении к истории.

Всё более наглядно стала проявляться зависимость между общественными представлениями о прошлом и отношениям к реалиям экономики, политики и повседневной жизни, окружающим жизнь конкретного человека. В условиях так называемого восстания масс, на которое еще в начале тридцатых годов четко указывал Ортега-и-Гассет, уже не только культурная и политическая элита, но и человек из народа, в сознании которого сформировались определенные представления о прошлом на основе коллективной и индивидуальной исторической памяти, стал влиять на ход событий. Эти процессы вели к выдвиганию проблематики исторического сознания и исторической памяти на самое видное место в кругу актуальной исторической проблематики. Исследования, относящиеся к исторической памяти и к ее структурам, широко развернулись за несколько последних десятилетий не только во Франции, но и в исторической науке ряда европейских стран, а также интерес к данной проблематике прослеживается и в нашей отечественной исторической мысли.

Выдающийся французский историк первой половины XX в. М. Хальбвакс – основоположник научных исследований исторической

коллективной памяти, привлекший к этой проблеме самое серьезное внимание историков Новейшего времени. Он разделил понятия «история», «коллективная память» и «индивидуальная память», обозначив отличительные черты между ними¹. Он подчеркивал, что между индивидуальной и коллективной памятью имеется сложное взаимодействие, а сами формы коллективной памяти весьма разнообразны: «существует несколько коллективных памяти. Это их второе отличие от истории. История едина, и можно сказать, что существует только одна история»². Хальбвакс отмечает, что «между индивидом и нацией существует много других, более ограниченных групп, которые тоже имеют свою память»³. При этом он подчеркивал, что «внутри каждого сообщества развиваются оригинальные коллективные памяти, хранящие в течение некоторого времени воспоминания о событиях, имеющих значение только для них, но тем более касающихся их членов, чем их меньше»⁴. Таким образом, Хальбвакс указывает на сложность структуры исторической памяти, в которой присутствует структурное многообразие и иерархия в той же степени, как это имеет место в обществе. В то же время М. Хальбвакс указывал, как обращал внимание Ю. П. Зарецкий, что историческая память «является социальной конструкцией, создаваемой в настоящем. Причем она понимается не как сумма воспоминаний отдельных людей, а как некое коллективное культовое произведение, саморазвивающееся под влиянием семьи, религии и социальной группы через языковые структуры, повседневные жизненные практики и общественные институты»⁵.

Развитие идей М. Хальбвакса, относящихся к проблеме исторической памяти, имело место в трудах представителя третьего поколения школы

---

¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. №2–3 (40–41). С. 8.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же.

⁵ Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография. М. : Новое литературное обозрение, 2011. С. 88.

«Анналов» - П. Нора и его школы. П. Нора с исключительной четкостью показал различия между историей и памятью или развил положение, которое М. Хальбваксом было только намечено. Необходимость более глубокого исследования проблематики исторической памяти предполагала четкое представление о месте этого феномена в культуре и сознании человека и общества и, следовательно, об особенностях его, по сравнению с научной историей, более ясное понимание исторической памяти как объекта научного исторического познания. К важнейшему отличию он отнес то, что память, в отличие от истории, представляет собой «жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии». Кроме того, память есть «переживаемая связь с вечным настоящим» и «в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны». Также память «помещает воспоминание в священное». И, наконец, он подчеркнул свое согласие с М. Хальбваксом в том, что «существует столько же памятей, сколько и социальных групп, к идее о том, что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна». В отличие от памяти, история, по словам П. Нора, не что иное, как «интеллектуальная и светская операция», которая «взывает к анализу и критическому дискурсу». История, в отличие от памяти, не признает «священное», и свой анализ прошлого из этого священного «изгоняет, делая его прозаическим». И, наконец, «история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием», тогда как память является атрибутом индивида или сообщества¹.

П. Нора вводит в научный оборот такое важное понятие, как *место памяти* («останки»²) – определенное выражение исторической памяти. Согласно концепции П. Нора, местами памяти могли называться различные

---

¹ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж. СПб., 1999. С. 20.

² Там же. С. 26.

объекты: всё, «что относится к культу мертвых, что принадлежало наследию, что управляет присутствием прошлого в настоящем»¹. Но при этом «полное отсутствие желания помнить»² какой-либо фрагмент или эпизод прошлого не дает возможности для остатка этого фрагмента или эпизода стать таким *местом*.

Опираясь на концепцию П. Нора, можно заключить, что местом памяти становится такое связанное с прошлым явление, на которое направлено внимание общества или определенной его структуры. Однако ее конкретное выражение не имеет значения. Это могло быть известное историческое явление, событие или личность, или место, где происходило оставившее в памяти след событие, артефакт, рукопись или книга на историческую тему. Но все эти места памяти должны были выражать культурно-психологическую потребность человека и общества, отдельных его структур, в *памяти*, относящейся к определенному событию или явлению.

На культурно-психологические основы исторической памяти справедливо обращал внимание Ж. Ле Гофф. По его словам, память «ассоциируется прежде всего с совокупностью психологических функций, благодаря которым человек может актуализировать впечатления или сведения об уже происшедшем, воспринимаемом им как прошлое»³. Поэтому всё то, что относится к *памяти* и ее *местам*, затрагивает прежде всего чувственно-эмоциональную сферу личности. Память в значительной степени носит бессознательный характер.

Таким образом, историческая память оказывает влияние на ментальность общества, в которой в такой же степени преобладает эмоциональное и бессознательное начало, как и в формах исторической памяти.

---

¹ Нора П. Проблематика мест памяти. С. 43.

² Там же. С. 44.

³ Ле Гофф Ж. История и память. М., 2013. С. 79.

А. Я. Гуревич разъяснял общий смысл понятия ментальности так: «Ментальность не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания, – люди ими пользуются, обычно сами того не замечая, не вдумываясь в их существо и предпосылки, в их логическую обоснованность»¹. Но такому же уровню общественного сознания соответствует характер и формы исторической памяти.

Общие структурные элементы исторической памяти, или социальной памяти, четко выделял современный английский историк Д. Тош, считая, что «традиции, ностальгия и прогресс являются базовыми составляющими социальной памяти»². Д. Тош отмечал, что «историческое сознание» и «социальная память» не тождественные понятия³, между ними есть принципиальные различия. По мнению историка, историческая память по своей внутренней природе чувственна и эмоциональна, и рефлексия в ней занимает явно подчиненное положение по отношению к эмоциям, относящимся к прошлому.

Между тем само понятие исторического сознания предполагает, что события, явления и процессы прошлого, отложившиеся в историческом сознании индивида и общества, подвергались рефлексии. Так как знание о прошлом на уровне исторической памяти (которое не является ни в малейшей степени научным знанием) вызывает потребность не только прочувствовать это прошлое, но и понять его на уровне причинно-следственных связей. Историческая память не содержит анализа причин для той картины прошлого, которая в ней сформировалась и отложилась. В ее рамках не предполагается постановка вопроса о соотношении прошлого и настоящего, о возможных исторических перспективах общества, пережившего то, что отложилось в исторической памяти. Поэтому, в отличие

---

¹ Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 517.

² Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 29.

³ Там же. С. 12.

от исторической памяти, историческое сознание имеет свое основание не в чувственно-эмоциональном, но в рациональном начале личности человека. Этому нисколько не противоречит то обстоятельство, что объяснительная модель, относящаяся к прошлому, его событиям, явлениям и процессам, может быть вовсе не рациональной по своим философским основаниям. Д. Тош при этом различал историческое сознание «с ... социально мотивированными взглядами на прошлое» и историческое сознание, которое «стало определяющей чертой профессиональных историков»¹. Последнее, как он подчеркивал, окончательно сложилось с XIX в. в связи с формированием историзма, выступавшего в качестве мощного «интеллектуального течения» в европейской культуре, охватывавшего разные ее стороны².

Тем не менее историческое сознание общества формировалось и развивалось не только в связи, но и главным образом вне связи с исторической наукой, отражало историческое мышление широких слоев населения. Но создание объяснительной модели исторических событий, явлений и процессов было необходимо для их оценки, поскольку и историческая память, и историческое сознание тяготеет к оценочному подходу к прошлому (как известно, всякое знание гуманитарной и социальной направленности, научное и ненаучное, отличается наличием аксиологического подхода). Тем не менее всякое объяснение, всякая интерпретация прошлого, даже не соответствующая началам рационализма или позитивизма, но дающая провиденциалистское объяснение, предполагало активное и решительное включение рефлексии.

В своем исследовании мы учитываем специфику понятий историческая память и историческое сознание, хотя в исторической науке эти понятия часто не различаются. Тем не менее некоторые представления о событиях прошлого, относящиеся к историческому сознанию, могут относиться и к

---

¹ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. С. 16.

² Там же.

исторической памяти. Так, например, распространенное в широких слоях населения России разных эпох представление о взятии Казани как о событии, окончательно завершившем противоборство между Золотой Ордой и русским государством, в котором победу одержал русский народ, безусловно, составляет часть русского исторического сознания, поскольку предполагает наличие объяснительной модели. Такая объяснительная модель появляется с самого момента завоевания Казани, когда народу торжественно объявили об этой большой победе; эта модель прослеживается в летописях, а в последующие столетия была поддержана как историками, так и литераторами, чьи произведения оказывали глубокое влияние на сохранение исторической памяти. Кроме того, это представление, утвердившееся в русском историческом сознании, имело безусловную связь с исторической памятью русского общества о времени царствования Ивана Грозного. Память о разорении русского государства, убийстве и пленении русского народа казанскими татарами, воспринимавшимися русским обществом потомками татаро-монголов, была достаточно крепка в сознании народа. Более того, воспоминания о пережитых страхах во время нашествия как казанских татар в частности, так и татаро-монголов в целом, передавались из поколения в поколение, о чем свидетельствует внушительный объем сохранившегося фольклорного материала: предания, баллады, сказания и исторические песни о борьбе с татаро-монголами.

События борьбы с казанскими татарами, яркие и значимые сами по себе, отложились в исторической памяти и обосновывали представления о том, что падение Казанского царства ознаменовало окончательную победу над зависимостью Русского государства от татаро-монголов. Такое представление было вполне приемлемо для широких слоев русского населения, особенно живших в XVI веке. Таким образом, историческая память создает модели для восприятия последующих событий, т. е. формирует историческое сознание.

Однако в историческом сознании могли сосуществовать два абсолютно противоположных представления об одном и том же событии, тому могут быть примером различные оценки Ливонской войны.

Широко распространено (в том числе и в современной исторической науке) представление о ней, как о событии правомерном и даже необходимым, поскольку были ущемлены интересы Русского государства. Такое представление о Ливонской войне получает широкое обоснование в летописании, а также в сочинении князя А. М. Курбского, который подтверждает летописные сведения о правомерности военных действий против Ливонского ордена.

Однако существует представление о Ливонской войне как о неправомерной, вследствие чего она оказывается губительной для Русского государства. Такое представление получает логическое обоснование изначально в Псковском летописании, где Иван Грозный обвиняется в том, что «и своеи не удержа» земли, да и «людеи вдвое погуби»¹. В последующие столетия обоснование подобного представления о войне получает развитие в художественной литературе. Кроме того, столь негативное представление о Ливонской войне основывается на исторической памяти о событиях, связанных с потерей Полоцка и ряда русских земель, осадой Пскова, заключением мирных договоров, условия которых были абсолютно невыгодны для русской стороны. Все это закрепилось в памяти русского общества столь же прочно, как и память с положительным содержанием о войне, то есть победах русского войска в первый период Ливонской войны.

Двойственное восприятие и образа самого Ивана Грозного сформировалось в историческом сознании. Отрицательный образ первого русского царя начинает складываться под влиянием сочинения А. М. Курбского. Князь приводит убедительные аргументы в пользу того, что Ивана Васильевича невозможно почитать православным царем, поскольку он

---

¹ Псковские летописи // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2003. С. 262.

был изначально воплощением «лютости»¹. Как аргументирует А. М. Курбский, зачат Иван был «в законопреступлению и во сладострастию», то есть, согласно Священному Писанию, в страшном и непрощительном грехе. Мысль о том, что от греха порождается только грех, да еще и больший, князь стремится подтвердить описанием деяний Ивана Васильевича, окончательно убеждающими читателя в том, что Грозный был не кто иной, как «мучитель прелютый»². Именно такое представление о первом русском царе, как отмечает Л. В. Мининкова, утверждал и внедрял Курбский в историческое сознание русского общества³.

Несмотря на то, что основополагающей целью «Истории о великом князе Московском» было изобличение истинного, греховного, образа Ивана Грозного, именно сочинение Курбского закладывает то двойственное восприятие личности Ивана Грозного в историческом сознании. В молодые годы, по утверждению князя, московский великий князь имел «добрую славу», поскольку «многожды» раз за отечество «о здравии своемъ не радящу» вступал в бой с самыми лютыми врагами «креста Христова», не боясь «труды тяжкие и беды». Однако со временем былая слава царя его покидает, а вместо нее за Иваном Грозным закрепляется образ «хороняки и бегуна»⁴.

Именно такое восприятие царя, сформированное Курбским, получит распространение в историографии. Начиная с М. Н. Карамзина, в оборот войдет представление о «двух» Иванах⁵. Один Иван, который правил до 1560 г., это главный защитник и воевода русского царства, героический образ которого неоспорим. Второй Иван – первый враг русского государства, который порицаем и ненавистен, особенно за допущения сожжения Москвы.

¹ Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 312.

² Мининкова Л. В. Великокняжеские репрессии в русской средневековой литературе // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 2. С. 129.

³ Там же.

⁴ Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 311, 422.

⁵ Пенской В. В. Святой или «Erbfeind gantzer christenheit»? Иван Грозный и его эпоха: образ и реальность // Науч. результат. Сер. : Социал. и гуманитар. исслед. 2015. Т. 1. № 3 (5). С. 114–115.

Под влиянием церкви положительный образ Ивана Грозного в народном сознании продолжал формироваться и после 1560 г.

Возвеличивание царя началось в 1563 г. в связи с взятием Полоцка, что подробным образом затем опишет летописец Лебедевского свода. Процессия прославления, как показывает летописец, была достаточно торжественной и хорошо организованной. Все действия были направлены на то, чтобы подчеркнуть значимость произошедшего события и выделить роль царя в одержанной победе. Акт праздничных мероприятий начинается со входа в городские ворота русского войска во главе с Иваном Грозным, следовавших за иерархами русской церкви. Летописец показывает, что этот вход представлял по своей сути крестный вход «с пречюднымъ образомъ пречистые богородицы Донскимъ и с ыными образы чюдотворными и с честными кресты»¹. Шествие было наполнено глубоким символическим смыслом, что должно было оказать большое воздействие на чувства и сознание средневекового русского человека. Формат такого восшествия определенно должен был сформировать представление и понимание того, что в город вступает не просто «царь-победитель», которому удалось одержать очередную победу над врагом русского государства, а «царь-спаситель» православного христианства и православной веры от поругания и гибели.

Заложенное восприятие Ивана Грозного как «царя-спасителя» во время крестного входа получит дальнейшее развитие в торжественной службе, которая пройдет в городском кафедральном соборе. По «совершении молебнов» «на оба клироса» будет оглашено многолетствование «царю государю и великому князю», во время которого местное монашество совместно с городским и посадским священством будет прославлять Ивана Васильевича государем, усердием и милостью которого «избальшеся и свободившеся от Люторскаго насилования» Полоцкий град. Служба

---

¹ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александр-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 2009. С. 314.

проходила при большом стечении народа, среди которого, как сообщает летописец, были не только священнослужители, но и бояре, воеводы и обычные воины. Весь народ, собравшийся в соборе, должен был усвоить, каким образом и за какие подвиги следует почтить царя, поскольку в последующем им отводилась роль апологетов Ивана Грозного. Под влиянием их воспоминаний, особенно воспоминаний простых воинов, у русского народа должно было сформироваться нужное представление о царе и отношении к нему.

Большое впечатление на участников службы могли оказать не только молитвы и речи духовенства, но и само поведение царя в церкви Святой Софии. Иван Грозный, «видев же» «пречюдныя и чюдотворныя образы от древних ту бывших государей крестианскихъ украшенных, и со слезами припадает и хвалу господу богу и пречистой богородицы и великимъ чюдотворцомъ воздает». Как поясняет летописец, хвала царю воздавалась за то, что «не в конецъ безбожнии Люторие церкви святыя осквернили и разорили и святымъ иконамъ поругалися»¹. Так, участники праздничной службы становятся очевидцами излияния переполнявших царя чувств и эмоций. Выражение неподдельной радости и излияние слез Иваном Васильевичем при обнаружении великих православных святынь в полной сохранности прежде всего убеждало народ в искренности помышлений и деяний царя, который завоевывает Полоцк не по причине поисков ратной славы или какой иной корысти, а ради спасения православного города, его православных святынь да и самой веры православной от страшного поругания или вовсе уничтожения безбожными лютеранами. Кроме того, столь ярким выражением своих чувств царь создавал особую атмосферу благоговения и торжественности, благодаря которой собравшийся в храме народ становился сопричастным царской радости о спасении православной веры. Возникшее чувство, повлиявшее на восприятие происходящей

---

¹ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 313.

ситуации, оказывало также воздействие на складывание представлений об Иване Грозном.

На этой же праздничной службе прославляется Иван IV и как правитель, который сумел вернуть в лоно царства древний русский град. Епископ Варлам, а вслед за ним князь Владимир Андреевич, царь казанский Семион Касаевич и все бояре с воеводами и воинством желали здравствовать царю «на своей отчине и дедине града Полотцка на многие лета»¹. Столь краткое здравствование царя, как могло бы показаться, было наделено содержательным контекстом. Царь всеобщим возгласом провозглашается достойным потомком и преемником дел великих князей династии Рюриковичей, заслуживающий такого же почтения и возвеличивания со стороны русского народа, как и его прославленные предки, среди которых значился и Александр Невский, и Дмитрий Донской, и Иван III Великий. Это же прославление утверждало в сознании русского воинства и других участников службы мысль о том, что Ивана Грозного полноправно следует почитать могущественным государем, действиями которого приумножается слава, сила и богатство русского государства, а значит и русского народа.

Полоцк стал центром торжеств по случаю одержанной победы, но, как указывает летописец, торжественные службы в честь возвращения исконной русской вотчины под державный царский скипетр были отслужены и в других храмах русской земли, и прежде всего в стольной Москве. В своем послании в Москву, цель которого состояла в извещении митрополита с царской семьей и двором об успешном окончании ратного дела, Иван Грозный велит устроить широкое празднование в честь одержанной победы согласно русским традициям того времени: «А молебны бы есте велели пети з звоном, да и по посадскимъ бы есте церквамъ и по монастыремъ звонити велели»².

---

¹ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 313.

² Там же. С. 314.

Служение торжественных молебнов в первую очередь известило народ о том, что русское войско вновь одержало большую победу. Вместе с тем молебны прославляли царское имя. Летописец не приводит каких-либо описательных сведений об этих молебнах, поэтому выяснить, как именно прославлялся Иван Грозный, невозможно. Но возможно полагать, что по смысловому содержанию и значению задравные возгласы о царе были схожи с теми, что прозвучали на торжественной службе в полоцкой Софии.

В историческом сознании положительное отношение к Ивану Грозному складывалось и посредством героических повестей, в которых прослеживается аргументированная объяснительная модель, утверждающая образ первого русского царя как истинно православного монарха, радеющего за свое государство.

В «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» автор стремится утвердить мысль о том, что Грозный является государем, активно реагирующим на внешнюю угрозу, которая была способна разрушить вверенное царю от бога государство. Согласно сюжету этой повести, в 1577 г. Иван Васильевич лично отправляется во Псков, прознав о военных действиях со стороны «вифлянских немцов». По замечанию автора, значимой причиной выступления царя к местам борьбы становится известие о том, что «чюдотворное Печерское место крепце вооружаютца, утесняют», в связи с чем автор особенно подчеркивает, что «сам царь государь за Богородицын дом на враги воополчатца и со благоверным своим царевичем со княземъ Иваном Ивановичем»¹. Вообще на протяжении всего повествования автор стремится утвердить мысль, что Иван Грозный является ярым поборником «за святые церкви и честные монастыри и за святую православную христианскую веру». Вместе с тем Иван Васильевич представляется и защитником русского народа, о чем свидетельствуют тексты приводимых

---

¹Лебедевская летопись. С. 534.

молитв. В них царь молит Бога, Богородицу и всех святых, чтобы даровали «победу на неверных враги, насилующих во Христа верующему народу»¹.

В этой же повести при описании обороны Пскова Иван Грозный предстает заботливым и мудрым правителем, радеющим «за все православное христианство», но делает это несколько иным способом. Он направляет своих лучших воевод, которым наказывает «стояти и битися с ними [врагами. – *А. Н.*] от всея душа и сердца и от всея крепости и с подручными вои даже до смерти»², но при этом сам постоянно контролирует ситуацию и управляет ею из Москвы.

В XVI в. личность Ивана Грозного оказывается не единственной исторической персоналией, за которой в историческом сознании закрепляются совершенно противоположные представления. Другой широко известной исторической личностью является Ермак.

С одной стороны, сибирские летописцы представляют Ермака с его ватагой в образе покорителей Сибири. Есиповский, Строгановский, Ремизовский летописцы подробным образом излагают ратные дела казаков, тем самым создавая объяснительную модель, согласно которой Ермак и его дружина возводятся в ранг легендарных героев русской истории. Сюжеты сибирских летописей в последующие столетия найдут отражение в художественной литературе и изобразительном искусстве, по средствам которым в историческом сознании русского общества именно за Ермаком будет закреплена слава покорителя Сибири. Значительное влияние на формирование такого представления о Ермаке окажет и историческая память о свершившихся в XVI в. событиях, о чем свидетельствуют так называемые места памяти – ландшафтные объекты, которые носят названия, связанные с этими событиями.

С другой стороны, существует образ Ермака и его дружины как разбойников с Волги, которые к завоеванию Сибири никаким образом не

---

¹ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 536.

² Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // БЛДР. Т. 13. С. 342.

причастны. Именно такая объяснительная модель излагается в московском летописании. Звание завоевателя Сибири, согласно Никоновской летописи и Лицевому летописному своду, полноправно принадлежит Ивану Грозному, который овладел Сибирским царством сразу же после присоединения Казани. О Ермаке летописцы XVI в. и вовсе не упоминают. Имя атамана появляется в московском летописании только в XVII в., где Ермак с его ватагой упоминается не как славный герой, а как разбойник, прибывший в Сибирь для поживы. Соответственно, московское летописание представляет ту объяснительную модель, под влиянием которой должно было сложиться отрицательное восприятие Ермака. Такое восприятие, как о том свидетельствуют эти же самые московские летописцы, соответствовало официальной традиции.

Таким образом, одной из существенных особенностей развития исторической науки новейшего времени стала постановка в ней проблемы исторической памяти. Это вызывалось осознанием значения исторической памяти индивида и общества в целостной структуре его сознания, прежде всего такой его части, как исторического сознания. Вместе с тем между исторической памятью и историческим сознанием существуют принципиальные отличия. Если историческая память опирается на чувственно-эмоциональную сторону личности человека, то историческое сознание предполагало включение ее рациональной стороны, поскольку предполагало формирование объяснительной модели для исторических событий, явлений и процессов, без которых оценка их была бы менее убедительна. При этом рефлексия имеет место не только в ходе научного анализа прошлого, но и на далеко не научном уровне, при формировании объяснения исторического материала. В полной мере это проявилось в ходе складывания ненаучных теорий, относящихся к войнам Ивана Грозного как при его жизни, так и в последующие столетия.

1.2. Воздействие культуры Средневековья и Нового времени на историческую память и историческое сознание: особенности исторических образов

Влияние культурных ценностей эпохи на образ прошлого в исторической памяти рассматривается как непреложный культурно-исторический факт. И для этого есть серьезные основания. Действительно, между Новым временем и эпохой Средневековья есть принципиальное различие в культурной матрице. Так, в Средние века такой матрицей была христианская религия, причем вера в конец света, во второе пришествие и в конец одной исторической эпохи и начало новой было абсолютным и не подвергалось сомнениям. Через призму этих представлений формировалось историческое мышление средневекового человека. Для Нового времени такой культурной матрицей стала Античность и критика основ христианства, шедшая еще с эпохи Возрождения.

Итак, в европейских странах историческое сознание широких слоев населения складывалось на основе моделей, данных в Священном Писании, объяснявших ход событий прошлого и настоящего в контексте борьбы христианского мира против темных сил. Этот мир, по представлениям человека со средневековым сознанием, составляли язычники и грешники, к которым относили и христианских еретиков. В этой связи объяснительная модель мировой истории, представленная Августином Блаженным еще в конце IV – начале V в. в поздней Римской империи, провозглашает историю как противостояние Града Божьего и Града земного, в котором властвует сатана. В ходе этого противостояния был предопределен оптимистический итог и конечная победа христиан и праведников.

Такая идея была вполне доступна для массового сознания средневекового европейского общества. Ее несомненной положительной чертой было объяснение общего хода истории человечества, то есть ее не

частный, но универсальный характер. Идея о противостоянии двух миров, помимо объяснительной модели, содержала обоснование борьбы европейских христианских государей с внешним нехристианским миром. Это могли быть мавры-арабы для Франкского государства при Карле Мартелле и Карле Великом, половцы для русских князей, «безбожные татары» для Московского государства. На ее основе обоснование получали крестовые походы: от Палестины (ради освобождения «гроба Господня») до Прибалтики (ради «спасения» местных варваров-язычников путем их обращения в христианство).

На базе этой идеи выстраивались другие теории частного характера, соотносимые со средневековой матрицей. Так, накануне стояния на Угре 1480 г. в Московском великокняжеском своде 1479 г. и в Ермолинской летописи появляется очень резкое именование хана Ахмата «злочестивым царем»¹. Русские книжники XVI в. объясняли победу над Казанским ханством как победу христианства над исламом. Такая идея получает обстоятельное объяснение, основанное на Священном Писании, в летописании, в сочинении князя Курбского, а также иконописи. Способствовали утверждению такой идеи и широко распространенные в русском обществе легенды о том, что еще до взятия Казани Бог посылал различные знамения, предвещавшие великую победу над «безбожными тарами» с целью обращения их в истинную веру².

Выражение этой идеи на основании факта сокрушения Казанского ханства и присоединения Казани к России нашло свое воплощение также в русском искусстве.

---

¹ Горский А. А. «Дает ли господь победити царя злочестива»: «идеологическая» подготовка войны с Ахматом // Великое стояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты / отв. ред. И. Н. Берговская, В. Д. Назаров. Калуга, 2017. С. 131.

² Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и коммент. : в 3 т. / отв. ред. : Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 2: Степени XI–XVII: с прил. и указ. / подгот. под рук. акад. Н. Н. Покровского. М., 2008. С. 363.

Подобным образом объяснялись и другие победы в годы царствования Ивана Грозного. Становятся расхожими следующие сюжеты: русское войско неоднократно одерживало победы над крымскими татарами именно благодаря помощи Бога; русскому воинству помогает в бранном деле воинство небесное или святые покровители; высшие силы неоднократно предупреждали о надвигающейся опасности. Так, например, перед нашествием крымских татар в Дедилове граде пономарю явился святой Николай, который предупредил о надвигающейся опасности, а также через пономаря дал успокоение русскому народу: «яко да граду вашему и прочему христианьству не имать быти никоего же озлобления отъ поганыхъ»¹.

Донские казаки объясняли свой успех в ходе Азовского осадного сидения 1641 г. тем, что им помогала богородица и архистратиг Михаил. Это запечатлено в Повести об Азовском осадном сидении донских казаков.

Подобное объяснение исторических событий было характерно для носителя религиозно-мифологического сознания, важной структурной составляющей которого является аксиологическая оппозиция «свой – чужой».

Но не менее значимую роль играла другая историческая теория, которая также основывалась на Священном Писании и столь же легко укладывалась в массовое сознание. Но по внешней форме она была противоположной той, которую выработал Августин, а именно велением высшей воли одновременно обеспечивалась победа бога над силами дьявола и утверждение в мире Града Божьего, а также осуществлялось наказание за впадение в грехи отдельного человека и целых сообществ, народов и государств. Эта теория имела место уже в христианской поздней Римской империи и получила известность как теория казней божьих.

Такое событие, как нашествие гуннов во главе с царем Атиллой, которое еще больше усиливало внутренний системный кризис Римской

---

¹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2: Степени XI–XVII. С. 401.

империи, рассматривалось как неминуемое наказание от бога за грехи, в которые впало римское общество за последние годы существования империи. Не случайно поэтому Атилла стал известен в истории как «бич божий», обрушившийся на государство, в котором было столько грешников, язычников и еретиков.

В русском летописании эта теория также хорошо отражена. С ее помощью объясняются такие потрясения, как нападения половцев и нашествие монголов во главе с «безбожным царем Батыем». Так, завоевание монголами объяснялось наказанием, данным русской земле за грехи, а именно за княжеские междоусобицы. Этой же теорией объяснялись и эпидемии. Не случайно в лицевой Радзивиловской летописи моровое поветрие, или эпидемия чумы, постигшая Полоцк, изображается в образах появившихся в городе бесов, нарисованных в миниатюре черной краской.

С позиции теории божьих казней русский народ воспринимал и военные неудачи в годы правления Ивана Грозного, что нашло отражение в летописании. Сожжение царственного града Москвы крымскими татарами в 1571 г. становится возможным лишь по воле Бога, который был разгневан «грехъ ради наших»¹. Подобно Атилле, крымский хан Девлет-Гирей представляется карающей силой, которую сам Господь посылает на православное царство. Согласно такой теории, только бог может предрешить судьбу государства, что и происходит в случае с событием 1571 г. Никоновская летопись подчеркивает, что не пало русское государство в тот год, потому что «не попусти» Господь крымского хана «приступати» «къ Москве», так как «не дасть бо Христось жезла на жребий свой»².

Общей чертой в объяснении, с точки зрения теории казней божьих, разных событий и явлений прошлого в массовом сознании было то, что за грехи обязательно следовало наказание со стороны бога.

---

¹ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 300.

² Там же. С. 301.

Еще одной распространенной средневековой исторической теорией, которая также могла легко усваиваться массовым сознанием, была теория, объяснявшая вечность империи, непрерывность ее существования, ее историческое бессмертие, но при возможности перехода из одной формы в другую. Это была теория, восходившая к пророчеству Даниила в Ветхом Завете. Из нее следовало, что на месте одной империи возникает другая. Эта теория вошла в политическую практику средневековой Европы. Так, Карл Великий возлагал на себя императорскую корону, однако императора не франкского, но римского¹. Идея вечности Римской империи выразилась в существовании (вплоть до начала XIX в.) конгломерата германских, славянских и итальянских земель в форме Священной Римской империи. Но и Византия идентифицировала себя с Римской империей, обосновывая это тем, что она существует с 395 г. как Восточная Римская империя. В качестве продолжения Римской империи ее видели даже в раннее Новое время. Выдающийся английский историк эпохи Просвещения Э. Гиббон, который писал о падении Римской империи, начинал свое изложение со II в., когда стали появляться предпосылки ее гибели, и закончил 1453 г., когда произошло падение Константинополя и на месте Византийской империи стала существовать Османская империя.

Не случайно поэтому в поднимавшемся в XV в. Московском государстве стала возникать идея византийского наследия, которое означало заявление на право принять на себя роль погибшей Византийской империи. В период правления Василия III претензия на роль Римской империи выразилась в формуле: «Москва – Третий Рим». Притязания на роль Третьего Рима могли давать обоснование для права на подчинение московскому великому князю и царю оставшихся на месте прежней Золотой Орды ханств и орд.

---

¹ Левандовский А. П. Через империю к Европе. М., 1995. С. 78.

В то же время всё еще существовала идея возрождения Римской империи в прежней ее форме. Во всяком случае, такой мыслитель и политический теоретик, как Н. Макиавелли, по словам Т. Н. Грановского, «республиканец в античном смысле»¹ связывал свой политический идеал с объединением Италии в составе возродившегося Римского государства, однако уже не империи, но республики.

Таким образом, христианское Священное Писание послужило основой для формирования теорий, объяснявших ход исторических событий. Такие теории хорошо принимались массовым сознанием, становились его неотъемлемой частью и широко распространялись в обществе.

С наступлением Нового времени в обществе постепенно начинает распространяться рациональное мышление, противопоставляемое средневековому провиденциализму. Сменой культурной парадигмы можно объяснить то, что уже в XVII в. исторические теории, наподобие «Москва – Третий Рим», не возникало. Однако историческое сознание широких слоев населения еще не полностью освободилось от принципа объяснения истории с точки зрения религии. Так, в XVIII в. победу над Казанским ханством продолжали рассматривать как победу над исламом, что стало возможно «при помощи божьей». Данная идея находит отражение прежде всего в живописи, например, в картине Г. И. Угрюмова «Взятие Казани Иваном Грозным 2 октября 1552 года», а также в литературе, ярким образцом которой явилась эпическая поэма М. М. Хераскова «Россиада».

Но если в сохранившихся и возникающих исторических теориях о войнах Ивана Грозного в эпоху Просвещения идеи провиденциализма так или иначе присутствовали, то в XIX в. историческое сознание уже вряд ли могло воспринимать с доверием подобные теории. Возникал запрос общества на выявление рациональных объяснений предпосылок и последствий войн Ивана Грозного. А также возникала потребность в том, чтобы представить

---

¹ Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1987. С. 60.

значение войн Ивана Грозного и его военной деятельности с точки зрения пользы для развития Российского государства и общества в целом.

Безусловно, исследованием данного вопроса в первую очередь занимались историки, но вместе с тем этот запрос общества отражен и в художественной литературе. В произведениях А. К. Толстого, А. Н. Островского, Н. И. Костомарова, посвященных периоду царствования Ивана Грозного, отсутствуют теории, которые основаны на Священном Писании. Военные действия, а также заключение мирных договоров объясняется исключительно с позиций рационализма.

Однако не следует полагать, что теории о войнах Ивана Грозного, основанные на идеях провиденциализма, были забыты и заменены на рационалистические теории. В народной среде сохранялись как предания о войнах Ивана Грозного, так и исторические песни, в основе которых лежали именно теории провиденциализма.

Примером одновременного сосуществования в историческом сознании теорий провиденциализма и рационализма может выступать история о взятии Сибири казаками, а также сама личность легендарного Ермака. Ремезовская летопись свидетельствует, что взятие Сибири казаками воспринималась как победа над «бусурманами», которая была одержана благодаря помощи божьей и покровительству мученика Дмитрия Солунского¹. Кроме того, знаменателен для исторической памяти был сам день, в который произошло взятие Сибирского царства. Ватага казаков главный город Сибири – Кашлык – занимает в день Светлого Христова Воскресения², что становится аргументом «угодности богу», а значит правомерности произошедшего события в объяснительной модели, основанной на Священном Писании.

В сформировавшейся теории провиденциализма личность Ермака представляется могущественной и таинственной. Народное сознание

---

¹ Ремезовская летопись по Мировичеву списку // Сибирские летописи. СПб. : Императорская археограф. комиссия, 1907. С. 332.

² Там же. С. 332.

наделяет атамана богатырской силой и превосходными качествами характера, что помогает ему одолеть грозную силу татар во главе с Кучумом. Доказательством тому, что это был не просто человек, а некое божие орудие, через которое Русскому государству бог дарует Сибирское царство, является нетление останков атамана – чудо, проявляющееся у святых, то есть избранных богом людей. Сообщается об этом чуде в той же Ремизовской летописи: от его «тела и отъ платья» происходит «чюдотворение», «болезненнымъ исцеление, родителницею и младенцемъ на отгнание недугомъ, на войне и в промыслехъ удача»¹. Таким образом, данный источник формирует устойчивое представление в историческом сознании о Ермаке как великом военном сподвижнике русском.

В Новое время, когда человечество начинает переоценивать историю с позиций рационализма, появляются объяснительные модели, в которых победа казаков над сибирскими татарами представляется относительно закономерным событием. Так, М. М. Щербатов обращает внимание, что влияние на успешный исход похода Ермака в Сибирь оказали внутренние распри между сибирскими ханами Кучумом и Сейдяком, вспыхнувшие из-за «нападения казаков на Сибирь». Кроме того, Карача, находившийся под властью Кучума, «оставя прежния свои селения, отошелъ со всеми своими людьми ... въ верху реки Иртыша»².

В начале XIX в. рациональное объяснение успеха Ермака давал также П. А. Словцов, считая, что одержать победу казакам в военных действиях на территории Сибири помогло использование огнестрельного оружия, которое не было доступно сибирским народам³.

В Новое время происходит и переоценка личности Ермака, а также его роли в истории. В работах историков звучит мысль о том, что присоединение Сибирского края следует признавать заслугой не только казаков. Так, П. И.

---

¹ Ремезовская летопись по Мировичеву списку // Сибирские летописи. С. 346.

² Там же. С. 306.

³ Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М., 2012. С. 88–89.

Небольсин отмечает, что «обладание этой обширной страной», безусловно, следует признать за Ермаком, который «в два месяца совершил весь свой поход, победил татар – покори́л Сибирь»¹. Однако при этом этнограф указывает, что немалую роль в этом сыграл и Иван Грозный, который «не упускал Сибири из виду и положил твердое намерение крепко держать ее в своей могучей руке»². А в работе П. А. Словцова проводится идея о том, что завоевание Сибири – заслуга не лично Ермака, а исключительно государства, которое смогло установить «возобладание не шаткое» «с 1585 г., когда первый русский городок явился на Оби...»³. Подвиг же Ермака, согласно П. А. Словцову, состоит в том, что «через посредство промышленника вооруженного, каким представляется Ермак в первоначальном намерении»⁴, Русское государство познакомилось с «промышленностью звериной ... с северною полосю Восточной Азии»⁵, которая и «заманила Россию в Сибирь»⁶.

Таким образом, для исторического сознания Нового времени было характерно сосуществование теорий провиденциализма и рационализма, что проявилось в исторической памяти о войнах эпохи Ивана Грозного и личности царя, а также о покорении Сибири и личности Ермака. Свидетельством тому могут быть основанные на преданиях исторические песни о Ермаке, которые народ знал и исполнял даже в XIX в.

Выводы по главе

Проблематика исторической памяти и исторического сознания как культурно-исторических и психологических феноменов стала одной из центральных в исторической науке Новейшего времени. Интерес к ней

---

¹ Небольсин П. И. Покорение Сибири. М., 2014. С. 108.

² Там же. С. 39.

³ Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. С. 57.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

обусловлен значительным воздействием этих понятий на культуру и общественную жизнь современности.

Отличия между *исторической памятью* и *историческим сознанием*, при существенной связи этих понятий, определяются тем, что историческая память опирается прежде всего на чувственно-эмоциональную сторону личности человека, а историческое сознание предполагает включение рациональной ее составляющей и содержит рефлексию.

Исследования, относящиеся к исторической памяти и историческому сознанию, распространились в зарубежной и отечественной исторической науке.

Историческая память и историческое сознание средневековых сообществ носило религиозный характер, а популярные объяснения истории, распространенные в сознании разных слоев населения, так или иначе связывали их с положениями из Священного Писания.

Для исторического сознания Нового времени было характерно стремление объяснять ход истории при опоре на философию рационализма. Вместе с тем в объяснении исторических событий, явлений и процессов имело место сочетание как средневековых теократических, так и новых рационалистических подходов.

К середине XIX в. в русском обществе сформировалась глубокая потребность в осмыслении причинно-следственных связей событий, явлений и процессов, а также роли личности в истории. Вместе с тем возникает потребность выделения значения произошедших событий для дальнейшего развития общества и государства.

Глава 2. Присоединение ханств Поволжья в памяти русского народа

2. 1. Взятие Казани в русской исторической памяти

В русской исторической памяти казанское завоевание сохранилось благодаря различным местам памяти. Прежде всего этому способствовал собор Покрова Пресвятой Богородицы на Рву, посвященный событиям 1552 г. – походу Ивана Грозного на Казань. Казанскому взятию также посвящена икона «Благословенно воинство Небесного Царя», известная сегодня под названием «Воинствующая Церковь» и хранящаяся в Третьяковской галерее.

Этому событию большое внимание уделили летописцы. Более того, после завоевания было составлено даже отдельное произведение, получившее название «Казанская история». Позже история взятия Казани получила отражение в литературном и художественном искусстве.

Всё это не случайно, так как взятие Казани было масштабным событием своей эпохи. Русские власти, осознавая значимость победы над казанскими татарами, стремились сохранить историческую память о событии, и увековечить его, как уже было отмечено в летописании, а затем в других письменных источниках.

В летописях война против Казани представлена богоугодным делом. Борьба велась не ради овладения чужих территорий или обогащения какими-либо земными благами, а, как подчеркивает Никоновская летопись, с целью освободить «многое христианство, томимое безбожными казанцами»¹.

Во время набегов казанцы не только уводили в полон русских людей, но и разоряли русские окраинные земли. Летописцы указывали, что такая ситуация стала серьезной причиной, по которой русское войско выступило против Казани. Автор «Казанского летописца» сообщает, что «от частых их

---

¹ Никоновская летопись. С. 186.

набегов и завоеваний до основания были разрушены многие русские города». Рядом с казанской границей «Опустошили они [казанские татары. – *А. Н.*] и все села». Поэтому царь обращался к боярам с призывом искоренить «великое зло», которое «терпим мы от одних только казанцев больше, чем от всех других врагов и супостатов»¹.

Единогласны летописцы и в том, что войну 1552 г. казанские татары спровоцировали не только своими разорительными набегами, но и «великой изменой»², как о том кратко в царской речи упоминает автор «Троицкой повести о взятии Казани». Казанские мурзы установили контакты с ногайцами и стремились создать совместно с ними антимосковскую коалицию. По словам летописи, «Казаньские люди Бибарсь з братиею и мьногие князи Казаньские ссылаются на царя въ Нагаи, а сами хотели царя убить и боярина великого князя Димитриа убити же»³.

Измена казанцев, по представлению летописцев, навлекла на татарское царство неотвратимое наказание. Казанцы, которые некогда присягнули на верность русскому царю, «забыша многие благодеяния и долготерпение благочестивого царя и, свою правду престапующе, самочинием осуетишася, не восхотеша правды держати, но лукаавствомъ ожесточишася, отъ истины же уклонишася»⁴, вызвали на себя гнев Божий. Автор «Степенной книги» подчеркивал, что казанцы были побеждены не столько силой русского царя, сколько силой и волей самого Бога, и «на них же збысться Давидово пророчество»⁵. Предсказание «вавилонского пленения» непокорному народу (Пс. 136:1–9), под которым подразумевались казанцы.

---

¹ Казанская история // БЛДР. СПб., 2000. Т. 10. 394 с. Н. Моисеева подчеркивает, что идейный смысл похода на Казань автор заключает в противостоянии и усмирении казанцев за «непокорство их, и несмирение, и за великую злобу и неправду», а священным долгом каждого русского человека являлось – сокрушить последний оплот татарской опасности на востоке Русского государства. См.: Казанская история: [историческая повесть 16-го в.] / подгот. текста, вступ. ст. и прим. Г. Н. Моисеевой; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. ; Л. 1954. С. 10.

² Троицкая повесть о взятии Казани // БЛДР. Т. 10: XVI век / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб., 2000. С. 550.

³ Там же.

⁴ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2: Степени XI–XVII. С. 359.

⁵ Там же.

«Степенная книга» была написана, как указывал В. В. Кусков, с целью прославления московской монархии и утверждения идеи о божественном происхождении самодержавной власти¹. Но, вероятно, что в ней выразилось непосредственное видение Казанского царства, которое воспринималось как уже покоренная территория, находившаяся в подданстве русского царя, и окончательное завоевание ханства было лишь вопросом времени. По этой же причине, автор летописи большое внимание уделяет описанию явлений и пророчеств, указывающих на падение Казани и овладение городом русским воинством.

Поскольку летописцы были выразителями прежде всего памяти о войне правящих кругов, то для них было важно выделить все возможные причины войны с Казанью и обосновать право русского монарха на владение казанскими землями. С этой целью автор «Казанской истории» напоминает, что территория, «где стоит теперь город Казань», истари входила в состав русских земель, «и все это была держава и область Киевская и Владимирская»². Следовательно, покорение Казани должно восприниматься как возвращение той территории, которая по историческому праву принадлежала русским князьям.

Летописцы отмечают, что война велась также и за «православную веру». В летописном повествовании, а особенно в царских речах, неоднократно упоминается, что царь ведет войско против «нечестивых варваров», чтобы «страдати за православную веру и за святые церкви не токмо до крови, но и до последняго издыхания»³.

Борьба с казанцами за православную веру для русского народа имела большую значимость, поскольку татары во время набегов глумились над святыми образами и святынями, используемыми во время самого главного таинства церкви – Евхаристии. В «Казанской истории» на этот факт

---

¹ Кусков В. В. История древнерусской литературы. М, 2003. С. 221.

² Казанская история // БЛДР. Т. 10. С. 252.

³ Никоновская летопись. С. 185.

обращается особое внимание. Говорилось, что казанцы, «раскалывая секирами честные святые образы, предавали их огню-всеядцу, и святые служебные сосуды в простую посуду превращали». Они «снимали честные кресты, серебряные и золотые, и, обдирая оклады с икон, переливали все это на серебряники и золотые и делали женам и дочерям своим серьги, ожерелья и мониста»¹.

Значительное влияние на сознание современников должно было оказать «Послание к благоверному царю и великому князю государю Ивану Василиевичю самодръжцу всея Руси отъ святейшего Макариа митрополита всея Руси». Иван Грозный будто бы не только его прочитал, но и повелел «прочитати брату своему князю Владимиру Андреевичю, такоже и всемъ бояромъ и воеводамъ»². В своем послании митрополит на ратный подвиг пытался вдохновить царя, бояр, воевод и воинов. По свидетельству летописца, речь митрополита была воспринята «благопотребно». Митрополит оказался выразителем воззрений русского общества того времени на войну с Казанью, а одобрение слова митрополита со стороны боярства и воевод подчеркнуло готовность русского общества к этой войне.

Послание митрополита способствовало тому, что в сознании современников борьба с Казанским ханством приобретала глубокий религиозный смысл. Он представлял Казанское ханство как царство безбожников, отступивших и изменивших великому царю, посрамляющих христианские святыни и издевающихся над православными. Применяя библейские аналогии, митрополит давал поучение Ивану IV о необходимости соблюдения догматов православной веры, убеждал царя в том, что он с божьей помощью через посредничество архистратига Михаила сможет овладеть Казанью. Он приводил ветхозаветную историю о взятии Иерихона.

В послании содержится прямое указание на восприятие предстоящих сражений не только как борьбы за освобождение плененного православного

---

¹ Казанская история. С. 314.

² Никоновская летопись. С. 192.

народа, но и как «священной войны» с иноверцами. Макарий писал, что «а иже случитца кому ныне отъ православныхъ христианъ на томъ вашемъ царскомъ ополчении не токмо кровь свою пролиати, но и до смерти пострадати за святыя церкви и за православную веру христианскую, и за множества народа людей православныхъ, ихъ же Христось искупи отъ мучительства честною своею кровию»¹.

Глубокое влияние на формирование представления о Казанской войне как о религиозной оказали события, последовавшие после взятия города². Автор «Казанской истории» сообщает, что после вхождения в Казань Иван Грозный отдал духовенству «и всемъ воемъ» наказ «воду святити, и со кресты и с литиею окрестъ всего града ходити»³. Совершение обряда имело сакральный смысл для участников и очевидцев. Действие означало торжество православной веры. Следствием победы православного воинства стало просвещение нечестивой земли светом истиной веры. Для этого сразу же после овладения Казанью были возведены храмы. Кроме того, значительное влияние должно было оказать крещение казанцев, после чего, как отмечает автор «Степенной книги», они с «радостными душами отхожаху въ дома своя»⁴.

Летописные тексты представляют большую ценность не только потому, что позволяют выявить отношение русского народа к казанским татарам и к войне с Казанью. Благодаря повествованию о подготовке к походу и подробному описанию военных действий, летописцам удалось сохранить событийную историю в исторической памяти русского народа.

¹ Никоновская летопись. С. 196.

² В исторической науке наших дней заметно переосмысление восприятия войн Средневековья современниками. Историки обратили внимание, что средневековые войны в преимущественном большинстве были облечены религиозными концепциями. Так, например, в современной историографии стал активно обсуждаться вопрос «квалификации восстания под руководством Б. Хмельницкого как акта религиозной войны». См.: Дмитриев М. В. Конфессиональные и «этнические» факторы в религиозном насилии времени восстания Богдана Хмельницкого (1648–1649 гг.) // Три даты трагического противостояния Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 119–132.

³ Казанская история // БЛДР. Т. 10. С. 480.

⁴ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. С. 371.

Восприятие Казанского похода содержится также в переписке Андрея Курбского и Ивана Грозного, в которой эти события упоминаются как аргумент для обоснования собственной точки зрения авторов. Переписка показывает, что память о борьбе с Казанским ханством осознается авторами переписки как война с остатками Золотой Орды. Данное восприятие прослеживается в письме князя Курбского, который спрашивает царя в связи с репрессиями против бояр. «Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всем, у которых прежде в рабстве были предки наши?»¹, – писал он, обличая опалу Ивана Грозного против бояр. Такое же видение событий взятия Казани представляет и сам царь: «А что ты писал, будто эти предстатели покорили и подчинили прегордые царства, под властью которых были ваши предки, то это справедливо, если речь идет об одном Казанском царстве; под Астраханью же вы не только не воевали, но и в мыслях не были»².

В переписке Иван Грозный называет и другую причину похода против казанцев: «Всем ведь известно, как жестоко пострадали православные от варваров — и от Крыма, и от Казани: почти половина земли пустовала»³. В переписке царь также излагает собственные воспоминания о взятии Казани, где характеризует собственное войско, которым, как оказывается, он был не доволен. Царь обвиняет Курбского и остальных воевод в нежелании воевать против «варваров», укоряет из-за постоянных жалоб и необходимости всё время понуждать воевод к боевым действиям. Воеводы будто бы чуть не погубили православное воинство, хотя «не в подобно время брань начати»⁴. Царь писал, что из-за Курбского и Адашева боевые столкновения между «подчиненными царствами» и Русью продолжались более семи лет. А как только «кончилась ваша с Алексеем собачья власть, тогда и эти царства нам

---

¹ Первое послание Курбского Ивану Грозному. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подг. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков // БЛДР. СПб., 2005. Т. 13: XVI век. С. 41.

² Первое послание Курбского Ивану Грозному. Переписка Ивана Грозного ... С. 63.

³ Там же. С. 62.

⁴ Там же. С. 64.

во всем подчинились, и теперь оттуда приходит на помощь православию больше тридцати тысяч воинов»¹.

Память о взятии Казани сохранилась в «Истории о великом князе Московском» князя А. М. Курбского, который являлся непосредственным участником и воеводой казанского похода. Долгое время сочинение было распространено лишь среди дворян и духовенства². К. Ю. Ерусалимский писал, что интерес к сочинению Курбского возник на рубеже XVIII-XIX вв.³. В тот же период сочинение князя о казанской войне и молодом царе для широкой публики в художественной интерпретации открывает творение Хераскова «Россиада», поскольку поэт во многом следует за «Историей» Курбского⁴.

В «Истории» война с Казанским ханством Курбским представляется следствием божьей кары из-за грехов царя. По мнению князя, Иван Васильевич был младенцем, рожденным от великого греха, а поэтому «родилася в законопреступлению и во сладострастию лютость»⁵. Приумножение и накопление «лютости» царя началось с издевательств над животными и переросла затем в насилие над людьми, что впоследствии стало причиной, как считал Курбский, разорения русских земель от набегов крымских, ногайских, в особенности казанских татар, поскольку бедствия эти были посланы богом за прегрешения Ивана Васильевича. Так, князь Курбский закрепляет грех только за царем, поскольку он «началь всякими безчисленными злостями превосходити», за что русская земля и подверглась наказанию божию.

Несмотря на то, что причиной войны с казанскими татарами князь называет греховную природу и деяния царя, такие употребляемые обороты,

¹ Первое послание Курбского Ивану Грозному. Переписка Ивана Грозного ... С. 64

² Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского и его читатели // Вестн. РГГУ. Сер. : История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2008. № 10/08. С. 83.

³ Там же. С. 93.

⁴ Серман И. З. Херасков и Курбский // Тр. Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1969. Т. 24: Литература и общественная мысль Древней Руси. К 80-летию со дня рождения чл. -кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. С. 354–355.

⁵ Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 312.

как ‘боролись «за отечество правовернаго христианства сопровтив врагов креста Христова»¹, «воистинну с поощрениемъ сердца и со радостию бишася з босурманы за православное христианство...»², свидетельствуют о восприятии войны с казанцами прежде всего, как борьбы с потомками татаро-монголов. В XVI в. прозвища «безбожные», «беззаконные», «слуги дьявола» в сознании русского человека были закреплены в том числе за потомками татаро-монголов, с которыми русский царь вел борьбу за христианскую веру³.

Победу над царствами, которые доставляли большие беды русскому государству, Курбский видит в даровании Ивану Грозному умных и талантливых людей, вошедших в Избранную раду, которые смогли прежде всего обуздать нрав царя, а также усмирить крымского, ногайского и казанского властителей. Курбский указывает, что военная деятельность Избранной рады благотворно повлияла на Ивана Васильевича, и «царь возревновал ревностию, начал противъ врагов самъ ополчаться своею главою и собирати себе воинство множайшее и храбрейшее»⁴.

Курбский достаточно подробно описывает боевые действия с казанцами, что позволяет составить представление об образе войны, а также сообщает о тех хитростях, к которым прибегал русский царь с целью оказания психологического воздействия на казанцев. Иван Грозный приказал «привезати ихъ [казанских пленников. – *А. Н.*] х колю», чтобы «во граде сущихъ своихъ молять и напоминають, да подадут Казанское место цареви христианскому»⁵. Однако главными средствами войны были прежде всего мужество и героизм воинов, а также мушкеты и пушки, которые охранялись «паче же живота и чести своей»⁶.

¹ Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Рудаков В. Н. В поисках героев: к вопросу о переосмыслении прошлого русскими книжниками XV–XVI вв. // Вестн. славянских культур. 2012. №1 (XXIII). С. 60.

⁴ Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 320.

⁵ Там же. С. 334.

⁶ Там же. С. 332.

Кроме того, Курбский дает характеристику некоторым воеводам, возглавлявшим вместе с ним поход на Казань. Эти свидетельства способствовали сохранению имен героев войны, а также их образов в исторической памяти. Он не забывал рассказать и о своих заслугах, стремясь определить значение своего участия в войне, показать свое место в истории покорения Казани.

Сочинение князя о том, что он имел «пред очима» и в чем непосредственно участвовал, могли оказывать глубокое чувственно-эмоциональное воздействие на сознание, позволяли воссоздать живую картину происходивших событий. Это, в свою очередь, способствовало формированию и сохранению исторической памяти о покорении Казани.

Примером такой картины было повествование о штурме крепостных стен и «той великой башне, яже пред враты стояла на горе». Князь вспоминает, что его войску сначала приходилось двигаться сквозь «многоогненный бой» и град стрел и камней, а когда пробились к стенам, то «тогда вары кипящими начаша на нас лити и целыми бревны метати»¹. Запоминающимся является повествование Курбского и о его сражениях с татарами после взятия города. В сражении князь получил тяжелые раны, которые оказались едва ли не смертельными, о чем свидетельствует реакция двух слуг и двух воинов царских, рыдавших над телом Курбского, «аки над мертвецом». Но в этом же сражении, как подчеркивал Курбский, ему удалось прославиться подвигом. Он будто бы «всех первие вразихся во весь полкъ ... бусурманский». Себя князь характеризовал как человека «дарования духа храбрости», которая была «от бога данна»².

Очень прочно и надолго взятие Казани сохранилось в исторической памяти донских казаков. Выражением ее стали слова донских казаков во время движения на Дону 1792-1794 гг. против нарушений властями казачьих традиций при переселении с Дона на Кубанскую линию. В ответ на

---

¹ Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 340.

² Там же. С. 346.

требования составить списки казачьих семей на переселение они заявляли о своем несогласии. Они обосновывали его тем, что «блаженной и вечнодостоинной памяти царь Иван Васильевич по заслугам предьков их жаловал неперменным жителством на Дону»¹. Такими заслугами «предьков» донских казаков конца XVIII в. была их «служба» при взятии русскими войсками Казани. Своеобразным отражением исторической памяти донских казаков о событиях борьбы с Казанским ханством времени Ивана Грозного было внимательное отношение основателя Донского музея Х. И. Попова к известиям о казаках во взятии Казани. Видя в мещерских казаках татарского и мордовского происхождения предков донского казачества, он указывал на выступление пяти тысяч этих казаков к Казани в 1551 г. с ополчением в помощь царским войскам².

В XVI в. сформировался новый жанр народных сказаний – историческая песня, который, в отличие от былин, как подчеркивал В. И. Чичеров, отражал конкретные события с целью сохранения точной памяти о них³. В исторических песнях запечатлена память о тех событиях, которые произвели глубокое впечатление на сознание народа. В XVI в. одним из таких событий было покорение Казани и Астрахани.

Как отмечал Б. Н. Путилов, историческая песня «Взятие Казани» являлась самой популярной в XVI в., она была наиболее широко распространена в районе Поволжья⁴. В этом произведении отчетливо прослеживается восприятие казанцев русскими. Во всех дошедших вариантах этой песни жители Казани именуется «татарами», то есть определяются как потомки Золотой Орды. Используя данное определение, сочинители тем самым подчеркивают, что казанский народ русским

---

¹ ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 165. Л. 10.

² ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

³ Чичеров В. И. Русское народное творчество. М., 1959. С. 5.

⁴ Б. Н. Путилов обращает внимание, что в структуре и форме песни прослеживается разрыв с традициями эпоса. Такое новаторство автор объясняет произошедшими изменениями в сознании народа после взятия Казани, поскольку событие воспринималось как переломный момент в отношениях между русскими и татарами, как подведение итогов в их многовековой борьбе, как новый этап развития русского государства. См.: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. С. 178.

населением воспринимается как вражеская сила, борьба с которой являлась священной обязанностью, долгом перед предками, претерпевшими лишения и страдания из-за нашествия татаро-монголов. О восприятии казанцев как заклятых врагов, а войны против Казанского ханства как продолжения дел предков по борьбе с остатками татаро-монголов подтверждают и следующие строки песни: «Как он Грозен, царь Иван Васильевич, // Скоплял силушку ровно тридцать лет. // Ровно тридцать лет еще три года. // Сокоплёмши свою силушку, воевать пошел // Он под славное царство Казанское»¹. Б. Н. Путилов отмечал, что в этом фрагменте обнаруживается полемическое противопоставление картинам былин. В нем не враг привел свои войска на Русь, а сам русский царь выступил против татар². Представляется, что это не просто «традиционное былинное начало», как пишет Б. Н. Путилов, а метафора. Под образом Ивана Васильевича автор песни подразумевает Русь, а под «тридцать лет еще три года» – двухсотлетнюю зависимость Руси от Золотой Орды. Это традиционный обобщающий образ времени, в течение которого русское государство копило силы для борьбы³. Однако применение таких художественных приемов подчеркивает важность борьбы с Казанским ханством, которое воспринимается как грозная сила.

Посредством таких оборотов, как «сокоплемши свою силушку, воевать пошел»⁴, «А из сильного Московского царства // Подымался великий князь Московский»⁵, показывается, что Россия не только смогла дать отпор, но и восстала для того, чтобы разгромить последние остатки Золотой Орды.

---

¹ Взятие Казани // Исторические песни XIII–XVI веков / изд. подгот. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М. ; Л., 1960. С. 6.

² Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. С. 171.

³ Фраза «тридцать лет еще три года» метафорична. Генезис ее уходит в былинное время. Русской народ достаточно хорошо помнил былинного героя Илью Муромца, который на печи лежал тридцать три года, а затем уже совершал свои подвиги. Как отметил Д. В. Колосов, тридцатитрехлетний период в былинах об Илье Муромце выражает наличие потенциально огромной силы, которой богатырь обладал с рождения, но не пускал ее в дело, пока не настало время. Тридцатитрехлетний период стал символом в сознании русского общества и перешел из быliny в песню, не меняя своего смысла. С помощью данного параллелизма в метафоричном образе указывался исторический период, когда русский народ накапливал силу для расправы с врагом государства. См.: Колосов Д. В. «Сквозной герой» былинного эпоса // Изв. Тульск. государств. ун-та. Сер. : Гуманит. науки. 2013. № 3–1. С. 68.

⁴ Взятие Казани // Исторические песни XIII–XVI веков. С. 6.

⁵ Там же.

Вероятнее всего, с этой же целью автор песни, повествуя о Московском государстве, использует эпитет «сильное», а при описании царя Ивана Васильевича применяет художественное приложение «прозритель».

Центральным местом в песне является повествование о подкопе под вражеские стены и их взрыве¹: «С черным порохом бочки закатали, // А и под гору их становили, // Подводили под Казанское царство»². Народная память не только отражает в песне эпизод, связанный с подрывом городских стен. В ней нашел свое место также сам подкоп и момент взрыва. В песне говорится о смятении в русском лагере, возникшем из-за разницы во времени сгорания свечей под и над землей, вследствие чего Иван Грозный хотел казнить канониров за измену. Такое детализированное повествование способствует сохранению в народной памяти перелома во взятии Казани.

В песне приводится указание на значимость покорения Казани, что находит выражение в следующем фрагменте песни: «Он и взял с него царскую корону, // И снял царскую перфицу (порфиру), // Он царской костыль в руки принял, // И в то время князь воцарился // И насел в Московское царство, // Что тогда-де Москва основалася, // И с тех пор великая слава»³. Таким образом, покорение Казанского царства в песне воспринимается наравне с тем, как «Москва основалася». Из текста песни «Взятие Казани» ясно, что это событие осознавалось современниками как «великая слава».

В песне «Казань-город»⁴ выразилось представление русского народа о казанской стороне. Юноша предлагает уехать девушке в Казань, где «На горах, горах, горах высокиих // Лежат головы да сахарные; // На полях, полях

---

¹ Б. Н. Путилов поясняет, что под стенами Казани впервые в русской военной истории с таким размахом был применен порох, что и нашло отражение в песне. См.: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. С. 172–173.

² Взятие Казани // Исторические песни XIII–XVI веков. С. 6.

³ Там же.

⁴ Б. Н. Путилов приходит к выводу, что эта песня стала выражением раздумья народа о войне, которая несет не только победу и осуществление важных государственных целей, но и гибель простых людей, разорение, слезы, крушение многих надежд. См.: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. С. 184–185.

хлебородных // Растут хлебушки да пшаничные; // Во садах, садах во зеленых // Растут вишенья разнородные; // На лугах, лугах сенокосных // А и травы растут да й муравые, // А цветы цветут да й лазуревы; // Во лесах, лесах, лесах темных // А растут древа разны чудные, // Кипарисные, виноградные; // На реках, реках у нас то быстрых // Ручеечки бежат чистые, // Бежат чистые, подземельные; // Быстры реченьки у нас медом залиты, // Ручеечки да зеленым вином!»¹. Из этих слов видно, что русский народ воспринимал казанскую сторону «подрайской землицей» как желанный трофей. Вероятно, в песне «Казань-город» отражены первые послевоенные годы, когда казанские земли были переданы московскому дворянству, и они искали жен, чтобы вести хозяйство в новых поместьях².

В песне «Казань-город» находит отражение память и о цене, которую ради покорения Казанского ханства пришлось заплатить обеим сторонам. В ответ на предложение парня уехать вместе с ним в покоренное царство девушка отвечает, что «в Казань-городе» кругом на полях «одна мертвечина», а на реках «Не ручьи бежат там чистые – // Быстра кровь бежит да христианская!»³. В ответе девушки через художественное преломление получает отражение народная память о горечи и боли, которые пришли совместно с победой и славой. Автор «Казанской истории» приводит подсчет погибших во время взятия Казани – «пятнадцать тысяч триста пятьдесят пять» русских ратников⁴.

Несмотря на столь большие потери и разруху города, как показывает в сравнении с ответом девушки призыв парня, Казань для русского населения не перестала быть краем «подрайской землицы». Безусловно, в отличие от русских, казанские татары свой родной город после его падения воспринимали совершенно иначе, о чем и повествует девушка. По представлению покоренных татар, процветающая Казань превратилась в

¹ Казань-город // Азбелев С. Н. Исторические песни. Баллады. М., 1986. С. 30

² Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1991. С. 161–163.

³ Казань-город // Азбелев С. Н. Указ. соч. С. 30.

⁴ Казанская история // БЛДР. Т. 10. С. 478.

город-некрополь, где «не трава растет муравая», «не цветы цветут да лазуревы», а «кусты» «растут ракитовы», «воют волкушки всё серьи», «да живут-ходят там разбойнички», «подорожнички»¹.

Находит отражение в исторических песнях и факт участия казаков во взятии Казани. Курбский в своей «Истории» пишет: «И было в нашемъ полку вящей, нежели двенадесять тысящей, и пеших стрелцов, и казаков аки шесть тысящей»². Такими песнями являются «Ермак в казачьем кругу» и «Взятие Ермаком Казани». Несмотря на искажение исторической реальности в названных песнях³, они выражают историческую память казаков о взятии Казани. Из песен видно, насколько важным для казаков было их участие в походе. Так, множество вариантов данных песен, получивших широкое распространение среди донского казачества, оканчивается сведением о том, что за подвиги донцов, благодаря силе, отваге и хитрости которых и был взят город, Иван Грозный по просьбе Ермака жалует их «тихим Доном»: «Со вершины до низу, со всеми реками, потоками, // Со всеми лугами зелеными // И с теми лесами темными!»⁴.

Формой выражения исторической памяти о взятии Казани в фольклоре были, помимо народных песен, исторические предания. Такие предания сохранились в Нижегородской земле и были записаны В. Н. Морохиным. Согласно одному из преданий, вместе с русским войском в походе на Казань участвовала мордва, «потому, что татары мордву притесняли»⁵. Свою версию похода на Казань излагали в предании жители города Ардатова. В нем говорилось, что царское войско вел к Казани мордвин-проводник Кужендей. За эту службу после взятия Казани царь «пожаловал его вместе с потомством

¹ Казань-город... С. 30.

² Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 328.

³ Как указывает Я. Г. Солодкин, историческому Ермаку в это время было не больше 10–12 лет. См.: Солодкин Я. Г. К спорам о происхождении Ермака // Западная Сибирь: история и современность: краеведч. записки. Вып. II. Екатеринбург, 1999. С. 128–131. Согласно Е. П. Савельеву, донскими казаками в 1552 г. руководил атаман Сусар Федоров. См.: Савельев Е. П. Древняя история казачества. М., 2007. С. 226. Кроме того, в этих песнях сочинители синтезируют историю о покорении Сибири и историю о покорении Казани в единое сообщение о том, как Ермак со своими казаками овладел Казанью для русского царя.

⁴ Азбелев С. Н. Исторические песни. Баллады. С. 104.

⁵ Легенды и предания Волги-реки: сборник. С. 211.

землею и лесами»¹. Предания о помощи своих предков Ивану Грозному в борьбе за Казань сложились также среди чувашского и марийского населения. Чуваши Иван и Андрей Матвеевы-Торхановы рассказывали, что за помощь со стороны их предка Кинера царь «пожаловал» его «тарханским званием», он также получил «свободу от платежей податей и повинностей» и «грамоту на землю»². Марийский старшина в другом предании помог царским войскам взять город Сунырь. За это царь его «щедро наградил»³. Таким образом, в преданиях заметен общий алгоритм в изложении событий. За службу царю и за помощь русскому войску герои преданий получали вознаграждение, в том числе земельные пожалования. Такой алгоритм напоминает устойчивую версию, распространенную среди донских казаков, о пожаловании казакам «реки Дон» за «казанскую службу» «царю Ивану Васильевичу». Такое представление находится в соответствии со средневековым принципом наделения землей за службу, известным не только среди донских казаков, но и среди населения Среднего Поволжья.

В XVIII–XIX вв. сохранению памяти о покорении Казани и Астрахани содействовали прежде всего художественные произведения, которые оказывали эмоционально-чувственное воздействие на историческое сознание и способствовали сохранению исторической памяти.

К теме покорения Казани в конце XVIII в. обращается М. М. Херасков, прославивший победу русского воинства и царя над крымскими татарами в эпической поэме «Россиада».

Обращение Хераскова к теме покорения Казани было не случайным, поскольку поэт приступает к работе над поэмой в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Кроме того, именно в эти годы как правительственные, так и общественные умы волновал вопрос о присоединении Крыма к Российской империи. Соответственно, существовавшее внешнеполитическое

---

¹ Легенды и предания Волги-реки: сборник. С. 214.

² Там же. С. 215.

³ Там же. С. 216.

состояние России не могло не найти отклика у деятелей зарождавшегося литературного искусства. Поэма, по замечанию Г. А. Гуковского, «в образах прошлого пропагандирует и прославляет политику русского государства»¹.

«Россиада» оказала глубокое влияние на сохранение исторической памяти о покорении Казанского царства и его значения для истории России, поскольку «образы и строки «Россиады» находили отклик у читающей публики вплоть до середины XIX в.»².

Поэма Хераскова прежде всего дает возможность сформировать представление об исторических народах и их мирах, что производит на сознание читателя эффект погружения в пространство разворачивавшихся исторических событий и способствует осознанию значимости этих событий для исторического развития русского государства. Крымские татары представлены «божьими врагами», «кичливыми», «грабителями», целью которых является «корысть». Для них «смерть людей забава»³. Русские же в контексте поэмы представлены божьим народом, находящимся под опекой «миролюбивого царя».

Не менее яркими характеристиками наделяет автор героев поэмы, среди которых звучат имена золотоордынских и казанских ханов от Батыея до последнего казанского хана Едигера, и русских правителей от Рюрика до Екатериной Великой. Особое внимание автор уделяет созданию образов и описанию подвигов героев взятия Казани: Адашеву, Курбскому, Микулинскому, Палецкому, Пронскому, Щенятеву и другим воеводам, принимавшим участие в казанском взятии.

В поэме подробно отражены события 1552 г. Херасков напоминает читателю и о нашествии татар на Тулу, и об участии казаков в битвах. По словам поэмы, «приходят ратники с извившегося Дона». Но Херасков не забыл упомянуть и о таком эпизоде после взятия города, когда русские

---

¹ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. М., 1999. С. 198.

² Русская историческая поэма конца XVIII – начала XX века / [вступ. ст., с. 3–21, сост. и примеч. Ю. А. Беляева]. М., 1984. С. 5.

³ Херасков М. М. Россиада. СПб., 1895. С. 107, 129.

ратные люди «к добыче устремились». Это, по его словам, привело к тому, что русские воины, будучи при взятии Казани «единодушные», при виде добычи «противниками стали»¹.

Херасков обосновывал правомерность войны русского народа против Казани тем, что город «ко северу вратами», то есть в сторону русского государства, был «поставлен» еще Батыем, и борьба с казанцами велась как с потомками якобы монгольских завоевателей. Об этом же свидетельствуют и речи казанской царицы Сумбеки о русских: «то наши данники, то слабые народы», «которых жизни мы лишали и свободы»². Покорение Казани в поэме Хераскова представляется как борьба с исламом. Об этом свидетельствуют пророчества самих татар, что «такое Бог нас в гневе покарает!», и на казанской земле «вскоре новый здесь сияти будет свет», «и водрузится крест, где наш пророк живет»³.

Покорение Казанского царства Херасков рассматривает как окончательное освобождение России от татаро-монгольской власти⁴, когда русское «государство перешло из слабости в силу, из уничтожения в славу, из порабощения в господство»⁵.

В начале XIX в. память о покорении Казани находит отражение в трагедии А. Н. Грузинцева, которая посвящена событиям после взятия Казани и является, как отметила М. С. Жбанкова, «своеобразным продолжением героической поэмы»⁶ Хераскова. Центральной темой трагедии является история жизненной драмы казанской царицы Сумбеки, стремившейся вернуть ханский престол и былую власть. Выход из сложившейся ситуации Сумбека находит в смерти своего «тирана» – Ивана Грозного. Ради своей задумки Сумбека прельщает любовными чарами друга

¹ Херасков М. М. *Россиада*. СПб., 1895. С. 257.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 73.

⁴ Западов А. В. *Поэты XVIII века: А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков: литературные очерки*. М., 1984. С. 203.

⁵ Херасков М. М. *Россиада*. С. 2–3.

⁶ Жбанкова М. С. Два завоевателя Казани: Иван IV в поэме М. М. Хераскова «Россиада» и опере Г. Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани» // *Изв. Воронежского ун-та*. 2017. № 3. С. 174–175.

царя, ордынского князя Алея, руками которого и задумывала свершить свое намерение. Так, в трагедии находит место память о жизни казанской правительницы после падения ханства, но вместе с тем в произведении отражена память и о жизни казанских татар после покорения Казани. В полной мере проводимую политику по отношению к покоренным казанским татарам отражает речь Ивана IV: «Ордынцев я хочу щедротой оковать // И с радостью ту цепь заставить их лобзать»¹.

Грузинцев рассматривает покорение Казанского ханства как окончательную победу над татаро-монголами, что нашло выражение в речах Ивана Грозного: «Ордынский рушен трон», «обида двух веков и кровь славян отмщенна!», теперь же, «оградив Москву от дерзостных племен», утвердится «блаженство» и процветание «для будущих времен»². Автор повторяет мысль своих предшественников о неизбежности покорения Казани. В диалоге с Сумбекой Алей указывает, что падение Казани явилось «должным наказанием» от Бога. Среди причин завоевания ханства также называются бесчинства казанских татар по отношению к русскому народу в казанском плену. Глубокое влияние на формирование представлений об исторических личностях в народном сознании оказали герои трагедии, среди которых Сумбека, Алей, Иван Грозный, а также князь Курбский и Троекуров, сестра Сумбеки – Эмира, Шемякин и Палецкий.

Грузинцев, находясь под влиянием «Россиады» Хераскова, представил победу над Казанью общенародным подвигом, в связи с чем в рассказе вестника о борьбе с крымскими татарами, пришедших «со помощью» «восстановить власть колеблема востока», «и падшую Казань создать из пепла вновь», автор и упоминает имена воевод. Кроме того, с этой же целью в монологе Ивана Грозного автор выделяет, что «среди Российских строев //

---

¹ Грузинцев Л. Н. Покоренная Казань, или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV, проименованного Грозным. С. 83.

² Там же. С. 80–81.

такое множество находится героев», кому по праву принадлежит «похвала» за покорение Казани.

События взятия Казани отражены и в творчестве Г. Р. Державина. Желая, как свидетельствует автор, представить «новейшей вкус» отечественной героической оперы, он «для некоторого слабого примера» написал оперу¹ в трех действиях «Грозный, или Покорение Казани»². Обращение к сюжету событий правления Ивана Грозного, как разъяснял Державин, было не случайным. Он прилагал сюжет «к нынешним военным обстоятельствам», поскольку опера была написана в 1814 г., и автор считал «оное приличным». Он рассматривал победу русского войска над Наполеоном и победу царского войска над Казанью как равнозначные события. «Ничего, кажется, нет подобнее кровожаждущим варварским ордам нынешних французов»³, – пишет Державин. Наполеона поэт сравнивает с татарским волшебником Нигрином, который «более обманом, обаянием и хитростями своими, нежели истинным мужеством хотел устрашить своих противников», а Ивана Грозного с Александром I, победившим «врагов всей вселенной» и утвердившим «свободу и блаженство не токмо России, но и всей Европы»⁴.

---

¹ Во второй половине XIX в. память о покорении Казани также нашла отражение в опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов». Один из героев, бродяга-чернец Варлаам, исполняет песню «Как во городе было во Казани». За основу текста песни Варлаама, по свидетельству С. Р. Федякина, были взяты слова песни «Про Казань» из сборника Худякова «Древних русских стихотворений». См.: Федякин С. Р. Мусоргский. М.; 2009. С. 108.

В песне дается представление о событиях 1552 года. Варлаам называет и причину, по которой «Грозный царь» был вынужден воевать с казанскими татарами: «Он татарей бил нещадно, // Чтоб им было неповадно // Вдоль по Руси гулять». Монах характеризует и восприятие русскими казанских татар, которые в песне неоднократно характеризуются как «зли». Вспоминает черноризец и о ключевом событии взятия Казани, когда «с порохом-то бочка закружилася, // Ой, по подкопам покатилося // Да и хлопнула», положив татар «тьму-тьмушую». См.: Мусоргский М. П. Борис Годунов: опера в четырех действиях с прологом. Клавир / ред. П. Лама. СПб.: Композитор, 2012.

Историческая песня, в которой находит выражение память о покорении Казани, приводится А. К. Толстым в историческом романе «Князь Серебряный»: «Когда зачиналась каменна Москва, // Зачинался царь Иван, государь Васильевич. // Как ходил он под Казань-город, // Под Казань-город, под Астрахань; // Он Казань-город мимоходом взял, // Полонил царя и с царицею». См.: Толстой А. К. Князь Серебряный. М., 2014. С. 159.

² Державин Г. Р. Грозный, или покорение Казани // Собр. соч. : в 10 т. М., 2016. Т. 7. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 11–12.

Постановка оказала на общественное сознание большое влияние, усиленное чувством патриотических настроений после победы в Отечественной войне 1812 г. Всё это в совокупности способствовало сохранению памяти о покорении Казани.

В опере Державин акцентирует внимание на ключевом событии истории взятия Казани, подрыве городских стен, позволившем решить исход битвы. Картина взрыва подкопа, выступающая кульминационной точкой сюжета оперы, не сопровождается монологами или диалогами. Она представлена динамичным развитием действия с применением различных сценических спецэффектов, что формировало визуальный образ события.

Образ ханства Державин формирует посредством художественного сравнения: Казань – это «град», который был «Построен, ведаем Саином, // Батыя сыном, // Чтоб быть с Россией рубежом, // И прозван для того змеиным он гнездом, // Чтоб из него удобней нападать, // Вдруг на Россию огонь и меч и смерть бросать»¹.

Державин указывал на сохранившиеся к XIX в. «места памяти» о покорении Казани. Одним из таковых мест был Свияжск, который «построен Грозным, дабы иметь в нем твердую опору против Татар»². О другом, Зилантове монастыре, рассказывает в произведении сам Иван Грозный: «Зилантов холм // Под храмом Богу брани // Да будет вечный мавзолей // Моих здесь кровию венчавшихся вождей»³. Памятен и герб Казани, в который по указанию Ивана Грозного вносится «зрак змеин». По словам Державина, такой герб царь приказывает создать «Для памяти моих торжеств // Над тьмой татар и суеверств»⁴.

История присоединения Казанского ханства получит отражение в сценической поэме «Взятие Казани» В. И. Лапина, которая была поставлена 27 октября 1854 г. на сцене Александровского театра, в самый разгар

---

¹ Державин Г. Р. Грозный, или покорение Казани. С. 109.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 143.

⁴ Там же.

Крымской войны. Покорение Казани под скипетр московского царя в поэме представляется как благо для ханства. После взятия города и восшествия в него русского воинства самый лютей враг русского царя, глава казанских мулл Кульшериф, признает, что это не «кончина» ханства, а начало его расцвета. «Будет тот тобой владеть», – провозглашает Кульшериф, – «Кто вполне того достоин»¹. Свою речь глава казанских мулл завершает словами, что после многих лет томления «в смутах» над Казанью видна «счастья заря», которую принес русский царь.

Причины войны с казанскими татарами в поэме озвучиваются в речи русского пленника Василия: «наехали Казанцы // На наши села невзначай». Его село, вероятно, находилось на территории, подвергаемой разорениям от казанцев, что, как показывал Лапин, было одной из причин похода. Другим пленникам Василий говорит: «Обороняться было поздно // И несподручно. По пяти Татар // На каждого из наших было. // Ну вот нас забрали в полон // И стали тешиться, собаки. // Срамили женщин, били стариков, // Грудных младенцев не щадили, // И над святынею ругались, // И Божий оскверняли храм! // Была великая беда // Нам от поганых нехристей»². В поэме находит место и память о походе Девлет-Гирея на Тулу. Говорится о подвиге горожан, отражавших натиск, «будто львы», пока хан не стал «во свояси утекать» из-за надвигающейся на «вспоможение» «большой рати».

Память о взятии Казани получила отражение в художественно-изобразительном искусстве³, которое, по мнению Л. Н. Мазур, выполняет задачу формирования долговременной памяти в обществе⁴.

Визуальное отображение события начинается в XVI в., когда по заказу Ивана Грозного издается Лицевой летописный свод. История о покорении

¹ Лапин В. И. Взятие Казани. СПб., 1855. С. 85.

² Там же. С. 14–15.

³ См.: История русского искусства: в 13 т. – Т. III: Искусство среднерусских княжеств XIII–XV веков. Искусство великокняжеской Москвы. Искусство русского централизованного государства. – М., 1955. С. 542–583.

⁴ Мазур Л. Н. Событие в исторической памяти: механизмы формирования, сохранения и трансформации // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: мат-лы Междунар. науч. конф. М., 2016. С. 251–252.

Казанского ханства освещается в последнем томе свода, целью которого, как отмечает А. В. Арциховский, было «всяческое прославление Ивана IV и, прежде всего, военное»¹. Более ста миниатюр посвящено описанию похода на Казань от принятия решения и до взятия города русским воинством.

Миниатюрист вслед за текстом иллюстрирует события взятия Казани. Он создавал, как отмечал А. А. Амосов, «повествование словесное и повествование изобразительное», которые «как бы дублируют друг друга, являясь, следственно, взаимозаменяемыми»². На одной из миниатюр изображен царский совет. На переднем плане представлен царь, обсуждающий грядущий военный поход против Казани, как поясняет текстовая часть свода, совместно со своим братом князем Юрием Васильевичем, князем Владимиром Андреевичем, с боярами и воеводами. На другой представлен сюжет отправки воевод, на следующем – выступление в поход самого царя, затем миниатюрист представляет и развернувшуюся борьбу с казанцами.

На миниатюре, изображающей текстовое сообщение о царской подготовке к походу, при помощи фигур и символов, а также пространственно-окружающей среды, выражено официальное идеологическое обоснование похода против казанцев. Так, уже в первой миниатюре утверждается правомерность и богоугодность задуманного предприятия. Изображая царский совет, на котором Иван Грозный взывает к боярам и воеводам ополчиться против «безбожных и злых изменников казанских татар», над царской фигурой изображены образы Пресвятой Богородицы, Спасителя и, насколько позволяет очертание, Иоанна Крестителя. Такое расположение должно было стать свидетельством чистоты помыслов и искренности желаний царя принять страдания за «порученное христианство». Выражается также религиозное обоснование похода,

---

¹ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 152.

² Амосов А. А. Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом летописном своде // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 53.

направленного против «врага креста» Христова, грозившего русскому богоспасаемому царству¹.

Однако в идеологическом обосновании предстоящей войны миниатюрист пошел дальше, чем летописец. На заднем плане, на фоне кремлевских стен, изображается два гроба. В одном гробе изображен мужчина, в другом – женщина. Главы обоих почивших обрамлены нимбами. Предположительно, это изображены отец и мать Ивана Грозного, которые так же, как и их сын, вели борьбу с казанскими татарами. В таком случае образы отца и матери царя символизируют идею преемственности, согласно которой Иван Грозный продолжал политику московских князей.

Миниатюры, изображавшие противостояние русской стороны с казанской, информативны. В них акцентируется внимание не только на исторических персоналиях, но и на орудиях борьбы, а также на месте дислокации войск и других значимых деталях, способствующих восстановлению целостности событийной картины. Так, в миниатюре, относящейся к тексту о походе государя на Казань «в августе в 23 (день)» передается расположение войск². На этой же миниатюре изображен стяг с образом «Спаса Нерукотворного», который располагался около ставки Ивана Грозного, а затем на этом месте была построена первая православная церковь в казанской земле. В последующем повествовании на данный стяг обращает внимание и летописец. Так, хоругвь, именуемая летописцем «знаменем», с Нерукотворным образом Иисуса Христа, сверху которого был «водружен животворящий крест, который был у прародителя его, государя нашего, достохвального великого князя Дмитрия, на Дону», становится символом казанского похода 1552 г. и знаменем победы над «безбожными» казанцами.

В отдельных случаях миниатюры дополняли и поясняли текстовые фрагменты. Так, в эпизоде с переправкой войска к Казани летописец

---

¹ Лицевой летописный свод XVI в. Русская летописная история. М., 2014. Кн. 21: 1551–1553 гг. С. 68–69.

² Там же. С. 268.

указывает, что Грозный отпустил своих воевод «с нарядом» в поход к казанской стороне. Миниатюрист с помощью изображения поясняет, что под «нарядом» подразумевается артиллерийское оружие, символом чего на миниатюре выступает образ пушки¹.

В честь победы над Казанью Иван Грозный заказывает написать икону «Благословенно воинство Небесного Царя». Она известна сегодня под названием «Воинствующая Церковь»². По мнению И. А. Кочеткова, икона представляла собой картину «исторического содержания», которая создавалась с целью сохранения памяти о «павших воинах» в битве за Казань. Она должна была «воздать славу победителям и хранить память о тех, кто отдал жизнь за всенародное дело»³. Сюжет иконы представляет шествие воинства от пылающего и покоренного «Казань-города» в сторону Московского царства. Казанское царство на иконе изображено в темном сине-зеленом круге в левом крае иконы в виде объятого пламенем города, укрепленного массивными стенами и башнями. Московское царство изображено на иконе справа в образе «горнего Иерусалима». Вблизи городских стен располагается образ Божией Матери с Сыном Божиим, а на подступах к «горнему месту» – стража ангелов. Такое символическое изображение двух царств не случайно. Царство «безбожных татар» противопоставлялось православному царству царя Ивана Васильевича,

¹ Лицевой летописный свод XVI в. Кн. 21. С. 257.

² Н. В. Квливидзе, В. М. Сорокатый отвергают причастность сюжета иконы к историческим событиям 1552 г. и доказывают, что икона является художественным выражением идеи библейских сюжетов, восходящих в своей основе к иконографической теме «Страшного Суда». См.: Квливидзе Н. В. Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» и ее литературные параллели // Искусство христианского мира. Вып. 2. М., 1998. С. 49–56; Сорокатый В. М. Икона «Благословенно воинство Небесного Царя». Некоторые аспекты содержания // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь: к 100-летию А. Н. Грабара. СПб., 1999. С. 399–417.

Однако несмотря на обоснованность доводов исследователей, значимость иконы «Благословенно воинство Небесного Царя» как инструмента формирования и сохранения исторической памяти о покорении Казани Иваном Грозным отвергать нельзя. Как известно, икона находилась в кафедральном Успенском соборе Московского кремля и располагалась перед царским местом Иоанна IV Грозного. Соответственно, народное сознание непроизвольно воспринимало изначально объективную сторону истории иконы, выражавшуюся в предании о том, что икона была написана в эпоху царствования Ивана Грозного по случаю присоединения Казанского ханства. И лишь затем народное сознание было обращено к субъективной стороне, заключающейся в смысловой нагрузке сюжетного изображения иконы.

³ Кочетков И. А. К истолкованию иконы «Церковь Воинствующая» («Благословенно воинство Небесного Царя») // ТОДРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1985. С. 206–207.

который, покорив Казань, «мечети поганья раскопати и святыя церкви воздвизати на мѣстех их» «в славу небесному царю и Богу и пречистой его матери Богородицы»¹.

Таким образом, сюжетное повествование иконы утверждает мысль о том, что покорение Казанского ханства царя было не случайно. Русское православное воинство не просто разгромило вражеское царство, но победило оплот «нечестивых агарян», чтобы просветить их истинной верой.

В иконописном сюжете выражена мысль о правомерности завоевания Казанского ханства. Как было отмечено, в центральной части иконы изображено шествие русского воинства. Среди них, кроме Ивана Грозного, находятся князь Владимир Святославич с его сыновьями Борисом и Глебом, Владимир Мономах, Михаил Черниговский с его боярином Феодором, Александр Невский, Дмитрий Донской с боярином Бренком². Все они прославились ратными подвигами. Поэтому в XVI в. в народном сознании они воспринимались небесными покровителями русской земли от вражеских сил, коими были и при жизни. Соответственно, они являлись помощниками молодому царю Ивану в борьбе с грозной силой казанских татар, беспрестанные набеги которых наносили разорение и «пагубу» русскому царству. Сам же Иван Грозный, разгромивший казанцев, в рамках такой концепции выступает последователем своих великих предков. Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» для современников и потомков стала реликвией, выражающей и хранящей историческую память о событии 1552 г.

Хранительницей памяти о покорении Казани стала также Великорецкая икона Николая Чудотворца, привезенная в Москву из вятской стороны. Икона, по сообщению летописцев, «на Вятке ... чудеса творит». Церковь, в которой находилась икона, «горела многожды», «а образ невредимо

---

¹ История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. 19. М., 2000. С. 482. (далее – Казанский летописец).

² Антонова В. И., Мнёва Н. Е. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. XI – начало XVI века. Т. 1. М., 1963. С. 128–129.

пребысть»¹. А. Л. Баталов и Л. С. Успенская обращают внимание, что чудо обретения после пожара иконы Николая Чудотворца, за помощью к которому неоднократно во время похода Иван IV обращался с молитвами, считалось не случайным. Она воспринималась «современниками как благословление святителем подвига русского государя – установления православия в агарянских землях»². По наказу Ивана Грозного икона была доставлена по водному волжскому пути через новоприсоединенную Казань, затем Нижний Новгород и Коломну в Успенский собор Московского Кремля для обновления. Вероятно, такой путь имел своей целью освящение чудотворной иконой Николая Волги и Казани, что в свою очередь делало икону «местом памяти» о событиях 1552 г.

Память о покорении Казанского и Астраханского ханств в XVI в. находит выражение и в архитектурных памятниках. Первыми памятниками стали храмы, возведенные в Казани после овладения городом. По свидетельству «Казанской истории», царь перед началом похода, прося помощи и заступничества бога в предстоящих ратных делах, дает обет в случае победы построить в земле «безверных» татар православные храмы. Как сообщается в «Казанской истории», первая церковь была воздвигнута за городом у Арских ворот «во имя Нерукотворного Образа Господня», которая «единым же днем поставлена бысть и освещена»³. Летописец подчеркивает, что храм был воздвигнут на том месте, где во время приступа Казани стояла царская хоругвь с изображением Нерукотворного образа Спасителя. Эта хоругвь почиталась как «великое знамя скипетра преславные России»⁴. Она также явилась «местом памяти» о событиях покорения Казани. В народной памяти стяг имел сакральный смысл, поскольку под ним Иван Грозный находился во время штурма Казани. На месте стяга был поставлен первый храм в Казани. В связи с этим хоругвь с изображением Спаса

---

¹ Никоновская летопись. С. 254.

² Баталов А. Л., Успенская Л. С. Собор Покрова на Рву (Храм Василия Блаженного). М., 2002. С. 10.

³ Казанский летописец. С. 469.

⁴ Там же. Стл. 469–450.

Нерукотворного воспринималась как прославленная святыня, с которой Иван Васильевич покорил Казанское ханство и привел под свой скипетр многие другие нерусские народы.

Вступив в Казань и «обрете место велми красно», Иван Грозный заложил соборную церковь «во имя пречистыя Богородицы, честнаго ея Благовещения», которая вскоре была построена и освящена. Освящение кафедрального городского собора в честь Благовещения пресвятой Богородицы имело глубоко сакральный смысл, выражающий идею о правомерности покорения Казани. Как известно, Благовещению Богородицы была посвящена еще одна из двух походных церквей, установленных Иваном Грозным по пришествию к Казани. А. Л. Баталов поясняет, что поскольку царь «пришел под стены Казани не только для захвата враждебного государства». Он, пришел также, «в соответствии с представлениями того времени, для возвращения своей отчины и дедины, для просвещения ее светом Истины»¹, то освящение походного храма во имя Благовещения Богородицы позволяло обосновать цели и задачи борьбы с казанскими татарами. «Благовещение Богородицы, – как пишет историк, – есть обетование спасения роду человеческому, начало исполнения плана Божественного домостроительства»². После покорения Казани мысль о возвращении русской территории и распространении на этой территории истиной веры находит выражение уже не в сооружении походной церкви, а в воздвижении кафедрального городского собора.

По сообщению «Казанской истории», в Казани были «и иные церкви поставлены», которые были призваны «увековечить память о деяниях Промысла», а также «создать пространственное повествование о взятии Казани»³. Особое место среди них занимал Зилантов монастырь, который Н. К. Баженова даже называет «первой святыней» города. Столь большое

---

¹ Баталов А. Л. Казанский Благовещенский собор и обетное строительство в Казани после 1552 года // Вестн. ПСТГУ. Сер. 5: Вопр. истории и теории христианского искусства. 2012. № 3(9). С. 89.

² Там же.

³ Там же. С. 91.

значение монастырь имел потому, что был построен на месте захоронения павших русских воинов при взятии Казани. В 1560 г. по причине подтопления монастыря во время паводков, он был перенесен на Зилантову горку. Позже, в годы царствования Александра I, на месте монастыря, где продолжала находиться братская могила русских воинов, погибших во время штурма Казани, была построена новая церковь. Закладка храма-памятника состоялась 29 июня 1813 г. Новый храм был спроектирован Н. Ф. Алферовым в виде египетской пирамиды-усыпальницы, внутри которой располагался православный храм. Как отмечает А. И. Филюшкин, «в контексте патриотического подъема Отечественной войной 1812 г. » воздвижение храма на братской могиле имело «особое значение», но более «перекликающееся с мемориальной политикой в отношении павших воинов», нежели «связанное с памятью об Иване Грозном»¹.

Открытие храма-памятника заложило и новую традицию – ежегодные торжества 2 октября по случаю покорения Казани. «Именины казанские» - так в народе назывался праздник, который в основном заключался в служении праздничной литургии. Перед службой, как сообщал Григорий, архиепископ Казанский и Свияжский, «совершается панихида по царю Иоанну IV Васильевичу и по воинам, при взятии Казани за веру и отечество живот свой положивших». После нее «бывает сход в подземелье памятника, и там возглашается вечная память только уже православному воинству при взятии Казани». Совершается «благородный Господу молебен с возглашением многолетия Его величеству государю императору со всей Его августейшей фамилией, потом – вечной памяти Иоанна Васильевича, победителя Казани»².

Храмы в честь покорения Казани были также возведены в Свияжске и Москве. Самым известным из них является Московский собор Покрова

¹ Филюшкин А. И. Завоевания Ивана Грозного в памяти потомков. 2016. Вып. 5. С. 214.

² Загидуллин И. «Во воспоминание покорения Казанского царства Государству Русскому» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2000. № 1–2. С. 187–190.

Пресвятой Богородицы на Рву, или, как его нарекли в народе, храм Василия Блаженного. Согласно Никоновской летописи, царь повелел начать строительство собора «пречистой Царицы Богородицы честнаго и славнаго Ея Покрова с приделы о Казаньской победе» в 7063 г. (1554 г.). Изначально была воздвигнута деревянная церковь. Затем ее сменила каменная церковь, о чем повествует Никоновская летопись, когда царь «велел заложити церковь Покров каменну о девяти верхех, который был прежде древян»¹.

Возведение собора Покрова Пресвятой Богородицы имело глубокий духовный смысл и исторический контекст. Московские князья на протяжении уже нескольких веков увековечивали славу победы русского оружия над врагами через строительство храмов и соборов, посвященных святому или празднику, в день которых случалось победное сражение. И хотя окончательное взятие Казани пришлось на 2 октября, день поминовения Киприана и Иустины, по сообщению летописцев, штурм города начался 1 октября 1552 г., то есть в тот день, когда православная церковь отмечает праздник Покрова, в честь чего и был освящен центральный престол. Безусловно, большое влияние на решение Ивана Грозного о строительстве собора в честь покорения Казани с центральным Богородицким пределом имело представление о том, что Матерь Божия является первой ходательницей перед сыном своим Иисусом Христом за русский народ и царя, без помощи которой одержать победу было бы невозможно. Свидетельством тому являются слова летописи о возведении храма «пречистой Царицы Богородицы честнаго и славнаго Ея Покрова... что милостию Ея и молением к Сыну своему и Богу нашему Иисусу Христу о роде христианьском молится, и помощию Ея... всемилостивый Бог покорил безсерменьский родъ Казаньскихъ Татаръ»².

В храме имелись и другие «приделы о Казаньской победе». Они были «ставлены на возвещение чудес Божиих о Казанском взятъе, в которые дни

---

¹ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 251.

² Там же.

Божиа помочь и победа была православному царю над бусурманы»¹. Летописец сообщает, что приделы были освящены в честь «Живоначальной Троицы», «Входа в Иерусалим», «Николая Великорецкого», «Киприаны и Устины», «Варлама Хутыньского», «Олександра Свирского» и «Григоря Великия Арменеи». Однако А. Л. Баталов и Л. С. Успенская считают, что непосредственную связь с историческими событиями казанского похода возможно установить только для четырех приделов: «святых Киприана и Иустины, память которых празднуется 2 октября, т. е. в день взятия Казани; святителя Григория Армянского, поминаемого 30 сентября, когда была взорвана Арская башня Казани и одержана победа на Арском поле, а также преподобного Александра Свирского и святителей Александра, Иоанна и Павла Нового, поминаемых 30 августа, когда произошла битва с войсками царевича Епанчи»².

Другим «местом памяти» о покорении Казани в годы правления Ивана Грозного становится Казанская шапка, которая в народном сознании стала символически отождествляться с победой над Казанским ханством³. Упоминание о ней встречается в сюжете о наказании «царя Симеона» в исторической песни. После вхождения в город Ивана Васильевич за «гордость царя Симеона», «что не встретил великого князя», «вынял ясны

¹ Никоновская летопись. С. 320.

² Баталов А. Л., Успенская Л. С. Собор Покрова на Рву ... С. 14.

³ По предположению И. С. Ненарокомовой, шапка-корона была создана в честь покорения Казанского ханского по царскому указу казанскими ювелирами, вывезенными Иваном IV в Москву. См.: Ненарокова И. С. Государственные музеи Московского Кремля. М., 1992. С. 46. Существует и другая версия предназначения Казанской шапки. Так, Н. А. Надеждин считает, что шапка была создана по приказу Ивана Грозного, но для низвергнутого хана Едигера, который по взятии Казани принял православие, за что получил титул царя Казанского. См.: Надеждин Н. А. Оружейная палата в Москве. С автотипическими репродукциями. СПб., 1902. С. 8.

Подобное мнение было высказано И. Грабарем: «Предания, связывающие этот венец с Казанским царем Эдигером-Махметом, в крещении Симеоном, или Касимовским царем, получившим при крещении также имя Симеона, не имеют никаких документальных оснований». См.: История русского искусства: в 13 т. / под. ред. И. Э. Грабаря. М., 1959. Т. IV. С. 564.

Современный исследователь Г. Ф. Валеева-Сулейманова выдвигает предположение, что шапка-корона была создана до завоевания Казани и была привезена Иваном Грозным в Москву как трофеей победы Москвы над Казанским ханством. См.: Валеева-Сулейманова Г. Ф. Короны русских царей – памятники татарской культуры // Казань. Москва. Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997.

очи косицами, // Он и взял с него царскую корону // И снял царскую перфиду»¹.

На картине «Взятие Казани Иваном Грозным» Г. И. Угрюмова Казанская шапка изображается как трофей. Этим художник подчеркивает торжество победы над казанским ханом. Она же изображена А. П. Антроповым на портрете Екатерины II, где представлена в образе важнейшего государственного символа. Изображение шапки-короны на этой картине подтверждает право императрицы на именование «царица Казанская». Они так же, как и две другие изображенные шапки, Мономаха и Астраханская, являются напоминанием об истории развития и становления Российского государства в прежние времена.

Важное место в исторической памяти занимают творения художников², посредством которых сохранялась, а главным образом утверждалась содержательная сторона исторической памяти событий 1552 г.

На рубеже XVIII–XIX вв. Г. И. Угрюмовым по заказу Павла I была написана картина «Взятие Казани Иваном Грозным», композиция которой насыщена продуманными символическими изображениями. В центральной части картины художник создает визуальный образ победы русского государства над Казанью, символами которого выступают фигуры казанского и русского царей. Так, последний казанский царь Едигер преклоняется перед своим покорителем Иваном Грозным. Другим символом победы является казанский пленник, изображенный в полуобнаженном виде рядом с семейством Едигера. Примечательно, что это единственная фигура человека во всей композиции картины, которая получает столь неординарное изображение. Художник, изображая могущественный мужской торс казанского исполина, окованного в цепи, тем самым стремится показать крепость и мощь русского государства, которое сумело победить достаточно

¹ Исторические песни XIII–XVI веков / изд. подгот. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М. ; Л., 1960. С. 91.

² Мутья Н. Н. Иван Грозный. Историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб., 2010. С. 15.

сильного врага. Изображает на картине Угрюмов и действительные исторические символы победы над Казанью. Например, корону с мечом хана Едигера, которая в виде трофеев преподносится Палецким Ивану Грозному.

В книге «Живописный Карамзин или русская история в картинках» покорение Казани иллюстрируется работой Б. А. Чорикова «Взятие Казани Иоанном Грозным, 1552 г.»¹. На центральной части литографии изображается молодой царь, перед которым на коленях склоняются казанские пленники во главе с Едигером, который протягивает Ивану IV царский венец – Казанскую шапку. В этом просматривается сакральная символика, которую использовал в своей картине Угрюмов, но Чориков изображает и другие сакральные элементы, передающие значимость произошедшего события. Художник в виде трофея изображает низвергнутый казанский стяг, который русский воин держит над казанскими пленниками, преклонившими колена перед русским царем. Стремясь изобразить победу истиной веры над неправедной магометанской, Чориков подле царя располагает православное духовенство и духовный клир. Они воздымают православный крест и хоругви с изображением святых, в то время как поверженный символ магометанской веры изображен расположенным на том же низвергнутом казанском стяге.

Сюжеты преклонения казанских мурз и Едигера перед Иваном IV или восшествие Грозного в Казань отображены в акварели А. Д. Кившенко, которая входит в состав альбома «Русская история в картинах», в работах П. М. Шамшина «Вступление Иоанна IV в Казань», В. Г. Шварца «Иван Грозный под Казанью». На картине Шварца представлена битва после пролома городской стены и вхождения русского воинства в Казань. Как отмечает О. А. Никологорская, «воспроизводя один из самых победных

---

¹ Карамзин Н. М. Живописный Карамзин, или Русская история в картинах. Ч. 2. СПб., 1838. С. 190.

эпизодов царствования Ивана Грозного, художник не задумывается о внешнем сходстве, передавая лишь сам “дух” горячей битвы»¹.

Значительное место в исторической памяти занимает картина Н. Д. Дмитриева-Оренбургского «Взятие Казани Иоанном Грозным в 1552 г. », размещенная в журнале «Всемирные иллюстрации» за 1893 г. Основная идея художника состоит в запечатлении взрыва городской стены. Пролом стены позволил русскому войску после долгой осады войти в город. В центре литографии расположены фигуры бояр и священнослужителей, стоящие на паперти походной церкви, во главе с молодым царем. Они наблюдают за взрывом. Сам взрыв изображен в виде столпов черного дыма, осколков от снаряда и пробоины в стене. В дальнейшем сохранившаяся пробоина в стене станет «местом памяти» о взятии Казани, и даже появится улица с названием «Проломная». Она, как указывал А. И. Филюшкин, вела «к месту пролома крепостной стены при осаде 1552 г.»².

Таким образом, сохранению исторической памяти о покорении Казанского ханства в годы царствования Ивана Грозного придавалось большое значение. История событий была зафиксирована летописцами, а также миниатюристами. Историческая память о покорении Казани сохранялась и посредством возведения храмов и монастыря, а также создания иконы. Народная память о покорении Казани нашла отражение в исторических песнях.

После XVI в. историческая память о взятии Казани не угасла. Она продолжала сохраняться и приумножаться. Значительное влияние на ее сохранение оказали литературные произведения. Они представляли взятие Казани как знаковое событие в развитии Российского государства.

Утверждению такого представления о событиях 1552 г. способствовали творения художников, которые визуализировали в сознании русского народа историю войны. Репродукции картин, литографии и иные графическо-

---

¹ Никологорская О. А. Дух эпохи в складках платья // Родина. 2004. № 11. С. 25.

² Филюшкин А. И. Завоевания Ивана Грозного в памяти потомков. 2016. Вып. 5. С. 214.

художественные материалы создавали запоминаемый образ войны, демонстрировавший превосходство русского воинства над казанскими татарами.

2. 2. Взятие Астрахани в русской исторической памяти

Правление Ивана Грозного было ознаменовано не только покорением Казани, но и взятием Астрахани. Присоединение обоих «прегордых царств» нашло отражение в летописании. Однако летописцы довольно лаконично приводят сведения о вхождении в состав русского государства Астраханского ханства. Сообщения представляют собой справку об указах русского царя и рапорты о событиях и положении в ханстве. Эти информативные сообщения и позволяют выстроить сюжет истории о присоединении Астрахани, который, в свою очередь, и является основой исторической памяти о событиях 1556 г.

Летописные сведения позволяют установить, что территория Астраханского ханства (как и Казанского ханства) воспринималась в Москве исконно русской землей, на владение которой имелись законные основания. В «Степенной книге» отмечается, что прежде Астрахань именовалась «Тмуторохань» и управлял ею сын равноапостольного Владимира, князь Мстислав, воздвигнувший здесь «церковь въ имя Пречистыя Богородици»¹. Это обоснование, хотя и является ошибочным², все же стойко укрепилось в сознании русского общества, о чем свидетельствуют А. Н. Щерба и В. И. Яковенко³.

¹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 377.

² В XVIII в. В. Н. Татищев обратил внимание, что летописцы путают местонахождение Астрахани и Тмутаракани, которые вовсе не тождественны. Историк пишет: «О княжении Тмутараканском, так как в историях русских обстоятельно мест или урочищ не описано, а в давние времена не знающие пользы исторической, имена народов и земель оставив, по новопостроенным городам пределы именовали, прежние в забвенье предали, что и с сим учинилось; а потом писатели, не зная, где его сыскать, в неприличных местах сыскивали, а именно: в истории Новгородской и Степенной книге кладут Астрахань вместо Тмутаракань». См.: Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. М., 2005. С. 531.

³ Щерба А. Н., Яковенко В. И. Еще одно свидетельство места нахождения русской Тмутаракани // Клио. 2012. № 5. С. 54.

Примечательно в приводимом летописцем обосновании и указание на церковь Пресвятой Богородицы, которую Мстислав построил по обету в честь победы над Редедей¹. Как следует понимать в контексте летописного текста и истории воздвижения церкви, церковь выступает символом легитимности владения русскими князьями территориями Нижнего Поволжья и Прикаспия. Кроме того, построение церкви свидетельствует о просвещении этой земли истинной верой. Отсюда обоснование для возвращения ее православному государству. Такое понимание взятия Астрахани особенно четко выражено в Никоновской летописи: «Великий князь Владимиръ, просветивый Русскую землю святым крещением, разделяя области на части детемъ своимъ. И ту Азтороханъ, тогда именовалася Тмутороканъ, и да ее сыну своему Мстиславу, въ нейже храмъ Пречистые сътворень былъ»². Возможно, что летописец выстраивает определенную логическую связь между крещением русской земли Владимиром и последующей отсылкой князем-крестителем в Тмутараканское княжество Мстислава. В данном случае Мстислав выступает не только в роли наместника, но и в роли миссионера. Подобно своему отцу, Мстислав распространял христианство на вверенной ему территории.

В обосновании летописцы приводят и другую причину, позволившую Ивану Грозному выступить против Астраханского ханства. Виной тому стала царская обида на «нечестивого царя» Ямгурчя, который «обеты своя измени и царева великаго князя посла ограбилъ»³. Кроме того, к принятию решения о походе на Астрахань, согласно летописи, подтолкнуло и ногайское посольство. Ногаи били «челомъ царю», «дабы ихъ оборонилъ отъ Емгурчя, царя Азьтороханьскаго»⁴.

Летописцы, отражая взгляд власти на события, отмечают, что Иван IV действовал как «истинный поборникъ по отеческомъ достоянии». Он

¹ Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 2008. С. 10–11.

² Никоновская летопись. С. 236.

³ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 378.

⁴ Там же.

принимал решение «Азтороханское царство, паки къ своему Русьскому царству приобрести»¹ после совета «з боляры»².

Борьба за Астрахань летописцами представляется как череда войн с наследниками Золотой Орды. После падения Большой Орды, согласно Никоновской летописи, «почали те цари Ординские жити въ Азторохани». От этих царей многие «православные государи» «многие беды» имели и «крови» пролили, да и «мученически венчашася»³. Тем самым летописец подходит к мысли, что Иван Грозный, будучи достойным потомком своих предков, обязан был выступить против Астрахани, чтобы отомстить за них.

Согласно летописным сведениям, взятие Астрахани означало завершение Иваном Грозным дела, которое было начато его дедом. От великого князя Ивана Васильевича всея Руси Большая Орда «порушилася», вследствие чего цари Большой Орды и перебрались в «Азторохань»⁴. Ивану Васильевичу предстояло окончательно разгромить этих ордынских царей, а вместе с тем освободить «христианство», то есть русских пленных в Астрахани.

Летописцы отразили официальную точку зрения на право владения Астраханью, но о праздновании и прославлении взятия ханства русскими войсками они ничего не говорили. Однако присоединение нового царства не могло быть не отмечено согласно традициям. С момента распространения христианства установилась практика служения благодарственных молебнов и литургий в честь победы русского войска⁵. Кроме того, в царском титуле появляется дополнение. Этому должна была предшествовать церемония, в

---

¹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. С. 378.

² Никоновская летопись. С. 235.

³ Там же. С. 236.

⁴ Там же. С. 236.

⁵ Демина В. Н. Службы благодарственные «викториальных дней» в отечественной богослужбной практике // Богослужбные практики и культовые искусства в полиэтническом регионе: сб. мат-лов Междунар. конф. / ред. -сост. С. И. Хватова. Майкоп: 2016. С. 114–127.

ходе которой состоялось бы провозглашение Ивана IV «царем Астраханским», как и в случае с «царем Казанским»¹.

Вместе с тем П. Х. Хлебников утверждал, что первая церковь в Казани в XVI в. появилась благодаря усилиям И. С. Черемисинова, который был назначен воеводой в Астрахань². Это церковь была освящена в честь Николая Мирликийского. Одним из первых храмов была и церковь Рождества Пресвятой Богородицы, строительство которой датируется 1560 г.³ Однако в летописях ничего не сообщается о строительстве этих церквей.

Нет каких-либо непосредственных летописных оценок значения покорения Астрахани и о вхождении ее в состав русского государства. Однако в сообщениях «О присылке изъ Асторохани» летописцы показывают, какую роль играло вновь присоединенное ханство для Русского государства. Прежде всего, Астрахань способствовала развитию торговли с Востоком. В этот город прибывали люди «изъ Шамахеи, изъ Дербени, изъ Шевкаль, ис Тюмени, изъ Юргача, изъ Зарайчика со всякими товары»⁴. Вместе с тем, как свидетельствует летописец, взятие Астрахани способствовало присяге русскому царю ряда соседних народов. После взятия Астрахани «пришли послы отъ Крымшевкала и отъ всей земли Шевкальские да отъ Тюменского князя съ поминки бити челомъ, чобъ государь пожаловаль ихъ и велель быти въ своемъ имени и въ холопстве у себя учиниль»⁵. В дальнейшем эти сведения станут частью объяснительной модели события и укоренятся в историческом сознании. О значении присоединения Астрахани писал Н. М. Карамзин: «Кроме славы и блеска, Россия, примкнув свои владения к морю

---

¹ В Никоновской летописи содержится прямое указание на то, как «здравствуют царю государю на царстве Казанскомъ» сначала «князь Владимиръ Андреевичъ и вси бояре и воеводы», а затем народ и высшее духовенство. См.: Никоновская летопись. С. 219, 220, 225–226.

² Хлебников П. Х. Астрахань в старые годы. СПб., 1907. С. 55.

³ Савинский И. И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 год). Астрахань, 1903. С. 28.

⁴ Никоновская летопись С. 284.

⁵ Там же.

Каспийскому, открыла для себя новые источники богатства и силы; ее торговля и политическое влияние распространились»¹.

Если в летописных сводах взятие Астрахани представлено, хотя по сравнению с взятием Казани менее подробно, то в народном творчестве это событие отражения практически не получило. Причин этому может быть несколько.

Во-первых, астраханские татары не тревожили окраины Русского государства, не доставляли беспокойств и бед русскому народу, а потому и не было реакции на событие, развернувшееся после взятия Казани. Между взятием Казани и Астрахани незначительный временной промежуток, из-за чего одно событие несколько затмило другое. Падение Казанского ханства слишком много значило для обычного русского человека. Присоединение Казани давало более спокойную жизнь народу. Взятие же Астраханского ханства имело большое политическое значение, но практически ничего не изменяло в жизни русского населения.

Во-вторых, причина может крыться в масштабности происшедшего события. Поход на Казань возглавлял лично Иван Васильевич. В Казани развернулись военные действия, в ходе которых русское войско вынуждено было проявить свою боевую подготовку, упорство, инициативу. Итогом военных действий явилась не только победа над татарским ханством, но и гибель многих воинов, которых церковь стала прославлять в образе героев и защитников православного царя и православного государства.

Среди причин необходимо выделить также особое отношение властей к обоснованию взятия Казани и Астрахани. Летописцы подробно показали тщательную подготовку к походу на Казань, внимание правительства к положению в Казанском крае после его завоевания. Этого по летописям не наблюдается по отношению к завоеванию Астрахани. Однако присоединение Астрахани не осталось вовсе незамеченным русским народом. В народе

---

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. С. 133.

сложились предания о событии, которые затем легли в основу «Сказания о взятии Астрахани»¹. Произведение отражает историческую память об этом событии. Имеющиеся списки «Сказания» восходят к тексту официального летописания, что позволяет сделать вывод, что память о присоединении Астрахани сохранилась в обществе.

Так, в списке «Сказания» из собрания Погодина XVIII в. Иван Грозный изображается собирателем русских земель. Царь правомерно возвращает землю «прародителей своих царских, великих российских князей», которую князь Владимир «далъ сыну своему в уделъ великому князю Мстиславу Владимировичю». Землей же этой была Астрахань – город, который только «именовался тогда не Астрахань»².

Как и в московском летописании, символом овладения Астраханью стал храм, о котором также упоминается в «Сказании», каменный храм Рождества Пресвятыя Богородицы»³. Не отличается в «Сказании» от московского летописания и повод, который заставил русского царя выступить против Астрахани. В «Сказании» говорилось: «вспоминая и некоторыя своя царския обиды от татарь, ханского Ямгурчя царя и брата ево от аганские мурзы Смайла с товарищи, к себе многого их челобитья, а, призвав господа бога на помощь, изволил он, великий государь, собрать в Российском царстве ратныхъ людей»⁴.

Между списками «Сказания» и московскими летописями содержатся разночтения. Они подробно изучены О. С. Шмидтом⁵ и И. В. Зайцевым⁶. Особенно существенны разночтения, согласно И. В. Зайцеву, между именами участников похода. Историк также отметил, что «Сказание» «в большинстве случаев приводит верные “астраханские” названия рек и местностей»⁷.

¹ Зайцев И. В. Астраханское ханство / 2 изд, испр. М., 2006.

² Астраханская летопись. Рукопись // ОР РНБ. Собр. Погодина. №1490. Л. 77.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 78.

⁵ Шмидт С. О. «Сказание о взятии Астрахани» в летописной традиции XVII – начала XVIII в. // Тр. МГИАИ. 1963. Т. 17. С. 393–398.

⁶ Зайцев И. В. Астраханское ханство. С. 155–160.

⁷ Там же. С. 158.

Обнаружить разночтения возможно и в описании деталей событий. В «Сказании» из собрания Погодина казачий атаман Ф. Павлов взял «ушкур¹, с царевыми *древки* и знаменны, и с набаты, и с пищальми, и людей тут астраханских многих побрали, а иныхъ из нихъ многих живыхъ побрали»². Согласно же летописным сведениям, казачий атаман захватил «ушкул с *девками* царевыми, да и набаты царевы и пищали в нем были многие, и то все поимали и людей побили»³.

Все эти разночтения выступают несомненным свидетельством того, что историческая память о «взятии Астрахани» не угасла после Ивана Грозного. История присоединения ханства вызывала интерес. К такому заключению приходит И. В. Зайцев, который возникшие разночтения между различными списками «Сказаний» и между «Сказанием» и летописями объясняет народными преданиями, положенными составителями и переписчиками в основу этого литературного памятника. Следует добавить, что вероятно в основу сказаний легли народные предания, которые бытовали во время составления списков, то есть в XVI–XVIII вв.

Кроме того, обращение к истории присоединения Астрахани и составления списков «Сказаний» в XVI–XVIII было свидетельством интереса к истории освоения Нижнего Поволжья у современников массовых восстаний в Астрахани и русско-турецких войн при Петре I⁴. Влияние на историческую память «Сказание» оказывало в дальнейшем. Текст этого произведения был положен П. Хлебниковым в основу своей книги, которая стала одной из самых популярных работ по краеведению «Астрахань в старые годы»⁵.

Сохранению исторической памяти о присоединении Астрахани способствовал архитектурный комплекс, который был заложен еще при

¹ Здесь и далее в цитате курсив наш.

² Астраханская летопись. Рукопись. Л. 79.

³ Никоновская летопись. С. 242.

⁴ Шмидт С. О. «Сказание о взятии Астрахани» в летописной традиции XVII – начала XVIII в. // Тр. МГИАИ. 1963, Т. 17. С. 398.

⁵ Хлебников П. Х. Астрахань в старые годы. Ч. I. Вторая пол. XVI в. СПб., 1906. С. V.

жизни современников событий. Как было ранее отмечено, практически сразу после овладения ханством в Астрахани появилось две церкви – Николая Мирликийского и Рождества Пресвятой Богородицы.

Особый интерес представляет церковь Рождества Пресвятой Богородицы, которая, претерпев некоторые изменения, существует до сих пор. По верному замечанию И. Марьяна, воздвижение церкви в честь Рождества Богородицы было не случайным. Церковь должна была утвердить обоснование принадлежности Астрахани русскому скипетру, согласно которому город почитался владением русских государей. Так, заключает исследователь, храм призван был стать символом духовной преемственности между прежней Тмутараканью и новоустроенной Астраханью¹.

Непродолжительное время Рождественский храм был кафедральным собором². Поэтому, являясь первой главной святыней астраханской земли, хотя и достаточно короткий срок, Рождественская церковь играет важную роль в сохранении памяти местного населения о событиях царствования Ивана Грозного. И когда в XVIII в. вместо деревянной церкви Рождества Богородицы была построена каменная, то она также оставалась местом памяти о событиях XVI в.

Важное место в исторической памяти о присоединении и вхождении Астрахани в состав русского государства занимает личность и деятельность первого астраханского игумена, которого Иван Грозный направил для устройства «Николы Чудотворца монастыря общего». Игумен Кирилл после прибытия в Астрахань развил активную деятельность по устройению монастыря. Вскоре он «Храм Живоначальной Троицы поставил новый», соорудил «два храма – храм Пречистыя Введения, да храм Николы Чудотворца»³. Монастырь, основанный игуменом Кириллом, стал именоваться монастырем Живоначальной Троицы, который сохранился по

---

¹ Марьян И. Астрахань. Храмы и монастыри. Астрахань, 2002. С. 61.

² Савенкова А. И. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Астрахани // Academia. Архитектура и строительство. 2016. № 3. С. 23.

³ Савинский И. Историческая записка об Астраханской епархии ... С. 15.

сегодняшний день. Игумен построил и первый собор в городе, который был освящен в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери.

Монах Кирилл скончался спустя восемь лет после прибытия в Астрахань и был погребен у южной стены Троицкого монастыря возле Братской трапезы. Вскоре на месте захоронения старца по случаю совершенного им чуда была воздвигнута деревянная часовня, а через некоторое время выстроена и каменная. С каждым столетием образ Кирилла всё больше сакрализировался и обрастал новыми преданиями. Не будучи канонизированным, старец почитался святым и считался одним из главных небесных покровителей Астрахани. Причисление к лику святых первого игумена Астрахани, личность и агиография старца выступают местом исторической памяти о присоединении Астраханского ханства.

Краеведческие исследования разных лет об Астраханской земле позволяют установить, что сохранению истории присоединения Астрахани в сознании местного населения также способствовали две иконы. На одной из них изображен образ Николая Мирлийкийского, именуемый Можайским. Ценна для астраханцев данная икона прежде всего тем, что пришел святой Николай в город совместно с русским воинством. В 1556 г. этой иконой, как свидетельствует П. Х. Хлебников, Иван Грозный благословил русское войско на поход против хана-изменника Дервиш-Али. Затем он вручил ее воеводе Черемисинову¹. О глубоком почитании народом походной иконы и важном ее месте в жизни городского общества говорит то, что разместили образ в городских воротах, где находится, как сообщается в «Астраханских епархиальных ведомостях» за 1880 г., «и по-ныне»².

Другой иконой стал образ Владимирской Божией Матери. Икона прибыла в Астрахань с игуменом Кириллом. Возможно, что эта святыня была царем отправлена с игуменом с той целью, чтобы на культурно-

¹ Хлебников П. Х. Астрахань в старые годы. СПб., 1907. С. 55.

² Никольская церковь на кремлевских вратах // Астраханские епархиальные ведомости. 1880. № 18. С. 285.

духовном уровне проложить связь между царственным православным градом и вновь приобретенным урочищем. И. Марьяна отмечал, что икона, привезенная в Астрахань, была «сделана с чудотворного образа Владимирской Божией Матери, хранившегося в Успенском соборе Московского Кремля», и при этом отмечается, что это был точный список московской святыни¹.

В царском подарке просматривается и другой мотив, в связи с которым Иван Грозный отправляет икону непосредственно Владимирской Богородице. Летописцы взятие Астрахани представляли продолжением войны с татаро-монголами и называли предприятие Ивана Грозного продолжением дела Ивана III. В сознании же русского общества избавление православного государства от татаро-монгольской зависимости ассоциировалось с иконой Владимирской Божией Матери.

Сложилась такая ассоциация под влиянием церковного предания о молитве перед Владимирской иконой, которая помогла одержать бескровную победу над войском хана Ахмата². Церковный праздник в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери, который церковь с 1480 г. стала ежегодно отмечать 23 июня, связан со «стоянием на Угре». Это способствовало формированию в сознании народа связи между Владимирской иконой Богородицы и победой над татарами³.

Отправляя точный список Владимирской иконы с игуменом в Астрахань, Иван Грозный закреплял летописное обоснование продолжения дела своего деда и вместе с тем подчеркивал значение произошедшего события для Русского государства.

Между «стоянием на Угре» и завоеванием Астраханского ханства прослеживается событийная параллель. Оба события оказались бескровными. Возможно, современники завоевание Астрахани и «стояние на Угре»

---

¹ Марьян И. Астрахань. Храмы и монастыри. С. 17.

² Миняев И. Ю. М., 2002. Вып. I. Ч. 2. С. 12.

³ Демина В. Н. Памятные даты военных побед, дарованных от икон Пресвятой Богородицы, в богослужебной певческой практике // Южно-Рос. музык. альм. 2017. С. 12–16.

связывали с заступничеством Богородицы и даже Владимирской иконы, но это не нашло непосредственного отражения в летописании. Однако о помощи Богородицы в ратном деле против татарского ханства говорилось в летописном сообщении, что в Тмураракани, которую летописная традиция связывала с Астраханью, Мстислав воздвиг храм в честь Богородицы. Соответственно, в русском сознании должно было существовать представление, подобное тому, что Астрахань находится с древнейших времен под покровом Владычицы, которая и должна была помочь воинам вернуть подвластную ей землю в лоно православной державы. Владимирская же икона в XVI в. почиталась главной святыней русской земли¹. Она также считалась святыней, которая проявляла чудеса в годы борьбы с татаро-монголами². Перед этой иконой молились о помощи русскому воинству и о заступничестве за православное государство в борьбе с Казанским и Астраханским ханствами. Поэтому Иван Грозный направил Владимирскую икону с игуменом не просто как великую святыню, но и как знак божьего промысла и богоугодности присоединения Астрахани. Тем самым царь обосновывал правомерность завоевания Астраханского ханства.

Сама икона, помимо содержания сакральной символики, выступала местом памяти еще и потому, что прибыла с первым игуменом астраханской земли сразу после покорения ханства, что позволяло называть ее одной из первых святынь Астрахани и связать ее с историей покорения ханства. На долгие годы икона стала в ряд главных святынь Астрахани, и сначала была установлена в Успенском соборе «подобно тому, как в Московском Успенском соборе стояла чудотворная Владимирская икона»³, а позже ее

---

¹ Щенникова Л. А. Прославление чудотворной Владимирской иконы Богоматери в XVI в: сказания и чтимые списки // История и культура Ростовской земли. 1997. Ростов, 1998. С. 96.

² Щенникова Л. А. Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» как «Одигитрия евангелиста Луки» // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 252–302.

³ Марьян И. Астрахань. Храмы и монастыри. С. 6.

переместили в нижний храм собора, где находилась гробница святителя Иосифа, митрополита Астраханского и Терского¹.

В XVII в. появилась Астраханская шапка, которая больше известна как Корона Большого Наряда, сделанная дьяком кремлевской Оружейной палаты Ефимом Телепневым для царя Михаила Фёдоровича. В каталоге «Древности Российского государства», изданном по повелению Николая I в 1849–1853 гг., она называется «Шапка царская золотая первого наряда царя и великого князя Михаила Федоровича». Однако в информационной статье приводятся сведения, что «в каталоге 1776-7-8-го, эта шапка в первый раз названа «Астраханскою», с ошибочным примечанием, что Царь Федор Алексеевич повелел сделать ее в ознаменование покорения в 7062 году царства Астраханского и Тмутараканского»².

Таким образом, даже если шапка и именовалась некогда «Астраханской», то появилась она после присоединения Астраханского ханства.

А. Ф. Малиновский и А. В. Лаврентьев приводят ряд доводов в пользу того, что в годы правления Ивана Грозного действительно существовала Астраханская шапка. Однако в годы Смуты она была похищена из царской казны³. Тогда можно предположить, что при Михаиле Романове, когда было необходимо доказательство права на власть новой династии, и, в частности, в праве на именование «Царь Астраханский», была воссоздана утерянная Астраханская шапка, являющаяся, как и Казанская шапка, государственным символом. Доказать это предположение достаточно сложно. Но Астраханская шапка, или Корона Первого Наряда, бесспорно становится «местом памяти» о событиях 1556 г. Подтверждением этому является, во-первых, изображение Астраханской шапки на гербовом щите Астрахани, который представлен на

¹ Там же. С. 17.

² Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I: в 6 отд. и доп. к отд. III / репринт. изд. 1849–1853 гг. СПб., 2006. 2-е отд. С. 14.

³ См.: Лаврентьев А. В. Царские «шапки» из кремлевской казны // Родина. 2001. № 6. С. 38–41; Малиновский А. Ф. Сведения об увезенной в 1612 году поляками из Москвы царской короне // Труды и летописи ОИДР. М., 1833. Ч. 6. С. 131–135.

Большом государственном гербе Российской империи 1882 г. Во-вторых, изображение ее А. П. Антроповым на портрете Екатерины II, наряду с шапками Мономаха и Казанской, свидетельствует о восприятии Астраханской шапки как символа права императрицы именоваться «царицей Астраханской».

В последующие столетия история о покорении Астрахани практически никакого отражения не получила. Сохранению памяти об этом событии в сознании русского общества, надо полагать, способствовали прежде всего учебные пособия по истории. Однако и в них взятие Астрахани недостаточно освещено, чаще всего содержится лишь упоминание об этом событии.

Так, в одном из первых учебников по истории¹, именуемом «Кратким российским летописцем», М. В. Ломоносов ограничился лишь кратким указанием, что вскоре после взятия Казани было «и Астраханское царство присовокуплено к России». М. В. Ломоносов несколько уточнил, что «царь Емтурчей выгнанъ; царицы и царевны въ полонь взяты»².

Недостаточно информативен и другой учебник по истории, который вышел в свет гораздо позже первого, в XIX в., и был рекомендован министерством народного просвещения, а на деле даже стал единственным учебником по изучению российской истории. Автором этого учебника был Н. Г. Устрялов, который покорение Астраханского царства, состоявшееся, по его мнению, «без всякого труда», относит к 1554 г. Согласно тексту учебника, в 1554 г. воевода Вешняков «изгналь царя Астраханского Дербыша». Благодаря этому он «привел въ подданство государю весь край Приволжский»³. На самом же деле, как сообщал летописец, в 1554 г., наоборот, «царя Дербыша-Алея на Азсторохани посадили», да еще и по

---

¹ Учебники для рассмотрения были отобраны по принципу их популярности и значимости в образовательном процессе определенного времени. См.: Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). М., 2017.

² Краткий российский летописец с родословием. СПб., 1760. С. 32.

³ Устрялов Н. Г. Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб., 1937. С. 121.

«наказу» самого Ивана Грозного¹. Изгнан «Дербышъ-Алей» был несколько позже, в 1556 г., и не Вешняковым, а И. С. Черемисиновым².

Примечательно, что и в учебниках XVIII-XIX вв. авторы дату взятия Астраханского ханства возводят к 1554 г., когда, как верно указывал М. В. Ломоносов, из города был изгнан Ямгурчей. Соответственно, именно эта дата и считалась российским обществом временем завоевания Астрахани. Иначе говоря, в исторической памяти российского общества покорением Астрахани считался момент прихода русских в Прикаспий, а не полное утверждение русской власти на этой территории.

Наряду с учебником Н. Г. Устрялова для подростков было издано также сочинение А. О. Ишимовой «История России в рассказах для детей», которое нашло положительные отзывы среди критиков и читающей публики. Но даже несмотря на то, что первое издание книги было выпущено Петербургской академией наук, всё же сочинение А. О. Ишимовой носило скорее рекомендательный характер, в то время как материал учебника был обязательным³.

В отличие от Н. Г. Устрялова, А. О. Ишимова взятие Астрахани датирует 1557 г., когда был изгнан с престола Дербыш и местные жители окончательно присягнули на подданство русскому царю. Событию А. О. Ишимова уделяет пару абзацев, которые гораздо информативнее, чем учебники М. В. Ломоносова и Н. Г. Устрялова.

Во-первых, А. О. Ишимова достаточно доступно для подросткового понимания объяснила, почему это завоевание, как писал Н. Г. Устрялов, свершилось «без всякого труда». По ее мнению, причина была в том, что подданные Дервиша, то есть жители Астрахани, знали «разницу между

¹ Никоновская летопись. С. 242.

² Там же. С. 274.

³ Огоновская И. С. делает верный вывод, что «учебники истории — это массовые издания, имеющие широкий круг читателей». См.: Огоновская И. С. Школьный учебник отечественной истории. Учебные издания как исторический источник // Документ. Архив. История. Современность. 2011. № 12. С. 266. Следовательно, массовое историческое сознание во многих случаях изначально формируется под глубоким влиянием учебника по истории, которое впоследствии дополняется информацией из различных других источников.

благодетельным покровительством России и дерзкими поступками крымцев». Поэтому они «очень недовольны были изменой своего государя» и поддержали стрельцов и казаков, которые «совершенно разбили» Дервиша и заставили его бежать в Азов»¹.

Во-вторых, она обратила внимание на значение произошедшего события. Она писала, что «Астрахань славится теперь большими плодоносными садами и богатыми рыбными ловлями». Вместе с тем было отмечено, что в XVI в. завоеванная территория имела важное торговое значение, куда приходили «торговать купцы из Шамахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы»².

При Александре II учебник Н. Г. Устрялова сменило новое учебное пособие Д. И. Иловайского. Однако с появлением «Кратких очерков русской истории» ситуация в отношении истории Астраханского ханства не изменилась. Д. И. Иловайский также вскользь упоминает о том, что «спустя четыре года после завоевания Казани без труда было присоединено и слабое Астраханское царство, возникшее на развалинах Золотой Орды»³. В учебнике названа другая дата свершения события, «спустя четыре года после завоевания Казани». Это был 1556 г. В учебнике Иловайского впервые дается оценка взятия Казани и Астрахани. Он тем самым формировал в сознании русского общества мысль о том, что покорение ханств позволило колонизировать «все среднее и нижнее течение Волги до берегов Каспийского моря», которые были обширными и малообитаемыми пространствами⁴.

Подобно Д. И. Иловайскому, историю взятия Астрахани также представил М. Я. Острогорский в учебнике, который имел официальный гриф министерства просвещения и был широко распространен на рубеже XIX–XX вв. Автор представил событие всего лишь одним предложением:

---

¹ Ишимова А. О. История России в рассказах для детей. М., 2003. С. 227.

² Там же.

³ Иловайский Д. И. Краткие очерки Русской истории. М., 1908. С. 107.

⁴ Там же.

«Четыре года спустя [1556 г. – *А. Н.*] было покорено другое татарское царство, Астраханское, возникшее у устья Волги на месте Золотой Орды»¹. В то же время, в отличие от Д. И. Иловайского, М. Я. Острогорский отметил, что с появлением русских в покоренных татарских царствах стало распространяться православие.

Авторы всех учебников не выделяют и причины, по которым Иван Грозный послал войско на Астрахань. Невозможно также найти в учебных пособиях никаких отсылок к тому, что Иван Грозный, завоевав Астрахань, возвращал свой удел, как утверждали летописцы. Авторы учебников в большей степени формируют представление о том, что Астрахань – это родина татар, и образовавшееся на той территории ханство было преемником Золотой Орды.

В таком случае следует говорить о трансформации исторической памяти, так как современники Ивана Грозного считали это событие восстановлением исторической справедливости и границ Русского государства. Потомки же воспринимали событие в рамках царской политики, направленной на расширение границ государства.

Кроме того, что школьные учебники, формируя историческую память о событии, выступали в роли индикатора, который отражал отношение русского общества к прошлому. Отсюда можно говорить об отсутствии особого интереса русского общества к истории покорения Астрахани, о чем также свидетельствует отсутствие произведений литературного и изобразительного искусства, которые были бы посвящены взятию Астрахани. В то же время учебники отражают характерные черты исторической памяти о событии, которое в данном случае сводилось к тому, что Астрахань была легко покорена при Иване Грозном.

Таким образом, присоединение Астрахани достаточно подробно описано летописцами, которые отражали официальную позицию о

---

¹ Острогорский М. Я. Учебник русской истории. Петроград, 1916. С. 63.

присоединении Астрахани, которая должна была утвердиться в народном сознании.

В самой Астрахани историческая память о ее вхождении в состав Русского государства сохранялась посредством монументального искусства и городских святынь – храмов, икон и т. п.

Как в годы правления Ивана Грозного, так и в последующие столетия русское общество не проявляло особого интереса к истории о присоединении Астрахани, что стало причиной почти полного отсутствия отражения события в фольклоре, художественном и изобразительном искусстве, за исключением Астраханской шапки. Вместе с тем историческая память о присоединении Астрахани сохранялась в сознании русского общества прежде всего посредством школьных учебников по истории.

Выводы по главе

Историческая память о борьбе с Казанским ханством получила подробное отражение в летописании. Эта война представлена в летописных источниках событием правомерным, на которое русское правительство спровоцировали сами казанцы, в то же время она представляется как продолжение дела московских правителей, как окончательная победа над татаро-монголами. Кроме того, в летописных сводах зафиксировано, что война с Казанским ханством правительственными кругами преподносилась как «священная война» за распространение истинной православной веры.

Восприятие исторических событий, связанных с походами против казанцев и завоеванием Казани в 1552 г., отражено в эпистолярных произведениях Курбского, который стал выразителем исторической памяти воеводческой среды. Сообщения Курбского, в которых объясняются причины войны с Казанью, практически совпадают с летописной информацией. Эти совпадения показывают, что восприятие событий определенными социальными кругами было практически идентичным. За исключением некоторых замечаний, серьезные расхождения не

наблюдаются, что свидетельствует о сопоставлении исторической памяти представителей аристократической среды с исторической памятью царя и его окружения. Важно отметить, что сочинения Курбского с упоминанием казанских событий оказали влияние на сохранение исторической памяти о них.

Значительное влияние на сохранение исторической памяти о взятии Казани оказал фольклор, запечатлевший народное восприятие как о самих исторических событиях и важных моментах борьбы, так и об исторических персоналиях.

В Новое время историческая память о присоединении Казани и Астрахани сохранялась преимущественно под влиянием художественной литературы и театрализованных постановок по ее сюжетам, а также произведений изобразительного и монументального искусства, связанных с историей покорения Казани.

Историческая память о присоединении Астрахани в народном сознании сохранялась главным образом под влиянием школьного образования. И хотя современники события не обратили внимание на свершившееся присоединение Астраханского ханства, существовавшие представления о событии, выразителем которых была власть, нашли отражение в летописании.

Глава 3. Борьба с другими остатками Орды в исторической памяти русского общества

3. 1. Русская историческая память о войнах с Крымом при Иване Грозном

Крымское ханство, с которым Ивану Грозному приходилось неоднократно вступать в военное противостояние, образовалось после распада Золотой Орды. Память о борьбе с крымскими татарами прежде всего сохранилась в летописях, в которых отражена о ней «живая память».

В Никоновской летописи показано, что Крымское ханство воспринималось как опасный и коварный враг Русского царства, а крымский «царь» предстает в источнике как «наместник дьявола на земле», который беспрестанно наводил «лютую брань» на русские земли¹. При характеристике правителей Крыма русские летописцы использовали слова и обороты с негативной коннотацией. Среди них такие, как «окаянные», «агарянские цари», «рыкающие дикие звери»². Этот прием демонстрирует представление о ханах в сознании современников.

Такое негативное отношение к крымским татарам, согласно летописным сообщениям, было абсолютно правомерным. Так, например, в Никоновской летописи подчеркивается, что Иван Грозный не хотел устанавливать мирные отношения с крымскими ханами, «берегся» их «какъ

---

¹ Как в Никоновской летописи, так и в ряде других летописей и произведений XVI в. крымский хан именуется не иначе как «рыкающий лев», который желает истребить православную веру, православный народ, православное государство. Данный аллегорический прием имеет глубокий сакральный смысл, характеризующий восприятие русским народом крымского хана. Именно так апостол Павел характеризовал дьявола, который стремится уничтожить христианство: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5:8). Еще до борьбы Русского государства с Крымом в отношении татаро-монгольских правителей подобные художественные приемы уже применялись, например, при описании Мамая. Л. А. Дмитриев считает, что Мамай («поганый»), наделенный характеристиками, свойственными описанию дьявола, выступает героем-антагонистом по отношению к Дмитрию Ивановичу («великому князю»), за всеми поступками и делами которого «стоит Бог». См.: Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 11. С. 151.

В памятниках древнерусской литературы отражено противопоставление, выраженное при помощи приемов сравнения и аллегии, где татарские правители представлены как воплощение темных сил, служащих дьяволу, реализующих его волю, а русские князья (а впоследствии – цари) характеризуются как выразители воли божественной. Такое представление было характерно для дуалистической картины мира средневекового человека с религиозно-мифологическим сознанием.

² См.: Никонская летопись. С. 189.

недруга», и объясняется это вероломностью крымского «царя», который «въ своей правде крепко не стоять»¹. Свою мысль летописец подтверждает, приводя эпизод об измене хана Ислам Гирея. Сместив Сахиб Гирея и завладев крымским престолом, Ислам Гирей старается установить мирные отношения с русским царем. Однако, прельстившись «великою мздою» литовского короля, крымский хан откликается на «великое моление» совместно выступить против русского царя, и вслед за гонцом, везшим «грамоту шертную о дружбе и о братстве», «царь» Ислам Гирей совместно с «царевичами», «ни Бога боящаяся, ни клятвы стыдящаяся», отправляет большое войско «Литовьскимъ людемъ на помощь»².

Подобным образом, как показывает летописец, поступали и последующие правители Крыма, которые легко нарушали мирный договор с русским царем. Так, вернув крымский престол, Сахиб Гирей «забыль своей правды и дружбы» с Иваном Грозным, «нача наряжати на Русь»³. Вероломностью отличался и Девлет Гирей, занявший ханский престол после Сахиб Гирея. Он отправил гонца к Ивану IV с грамотой, в которой писал «о дружбе», уведомлял об отсылке крымских послов и об отпуске «великого князя посла Федора Загрязского». Просил, чтобы «царь бы князь великий» прислал своих послов, а на самом деле, как пишет летописец, «солгалъ: пословъ не прислалъ, пошелъ самъ войною на Русь»⁴.

Как считает автор «Степенной книги», в планы крымских ханов не входило намерение иметь соглашение о мире с русским царем. Согласно картине мира средневекового человека не может быть «мира и любви» между дьяволом и богом. Во всех заключенных соглашениях между русской и крымской сторонами летописец видит исключительно «злокозненное пронырство»⁵ со стороны крымского хана. Для крымской стороны подобные

---

¹ Никовская летопись. С. 101.

² Там же. С. 96–97.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 255–256.

⁵ Там же. С. 391.

соглашения были, согласно летописному тексту, не более чем постыдной тактикой ведения борьбы против русского царства.

Вместе с тем летописец обращает внимание, что практически все средства, с помощью которых крымские ханы вели войны против русских, были бесчестны. Примером тому могут быть действия сына крымского хана Мехмед Гирея, который наводил «сто тысящ» воинов, «чаяху бо царя и великого князя отшедша со всеми воинскими людьми на ливонския немцы»¹. Тем самым он рассчитывал на отсутствие сопротивления и легкое покорение Русского царства. Согласно летописной повести, внезапное нападение на Русское царство являлось излюбленным приемом крымских татар, «лукавственно таящися идоша»², «таинственно устремишася»³.

В Лицевом летописном своде Ивана Грозного такая тактика ведения войны называется откровенным «лукавством и разбоем». В 1541 г. Сахиб Гирей, рассчитывая на то, что «люди великого князя к Казани пошли», а ему «и встречи не будет», приводит на русские земли «всю Орду»⁴. В 1563 г. Мехмед Гирей выводит войско против русского царя по приказу своего отца хана Девлет Гирея. Он при этом надеялся «без препятствий» «внезапно похитить христианство», когда царь должен был выступить «против ливонских немцев со всеми своими людьми»⁵.

Таковую тактику, пишет автор «Казанской истории», применял и Девлет Гирей. Согласно летописи, он «со многими Срацыны своими», «на Руския пределы, на Тулу» приходит «отаи и неведомо, яко тать въ нощи»⁶. Девлет Гирей предпринял выступление тогда, когда, по его расчетам Ивана IV в Москве не было. В это время русский царь «со всеми воя Рускими» должен

¹ Никоновская летопись. С. 401.

² Там же.

³ Там же. С. 349.

⁴ Лицевой летописный свод XVI в. Русская летописная история. Кн. 19: 1528–1541 гг. М., 2014. С. 629.

⁵ Лицевой летописный свод XVI в. Кн. 23: 1557–1567 гг. М., 2014. С. 114–115.

⁶ Казанская летопись. С. 406.

был быть уже на пути «хъ Казани». Это позволяло ему беспрепятственно «исполнити хотение свое», поскольку не рассчитывал на сопротивление.

В Никоновской летописи отмечено, что главной целью всех крымских ханов было стремление «потребити крестьянство»¹, то есть установление над Русским государством власти «поганных царей». В Лицевом летописном своде говорится, что и Сахиб Гирей, и Ислам Гирей, и Девлет Гирей на русские земли приходили лишь с той целью, чтобы «плениить православную державу»², «похитити богомъ хранимую державу великого князя Ивана»³. Подтверждает это автор «Степенной книги». В набегах крымских татар он усматривал желание «озлобити и пленити христианство»⁴.

Крымские татары в летописях изображаются как грозная сила, опасность которой состояла в том, что их предводителем и покровителем являлся «дьявол». Непредсказуемость этих «варваров» делала крымскую силу еще более опасной. Но на стороне русского народа и воинства был Бог. По мысли летописца, своим успехом царь и его войско всецело обязаны Богу, Богородице и сонму святых.

Ярким тому примером может быть рассказ о «явлении святого Николы в Дедилове граде». Летописец повествует о явлении Николая Чудотворца «на коне» пономарю, который оповещает о скором приходе «поганных татар» «на градъ вашъ и на множайшая места христианская» и возвещает о том, что «граду вашему и прочему христианству не имать быти никоего же озлобления отъ поганныхъ»⁵, поскольку Господь на их защиту прислал своего воина-защитника.

Но вместе с тем автор «Степенной книги», как и другие летописцы, признает, что успех в борьбе с крымскими татарами заключался в силе русского войска. Повествование о частых столкновениях с крымскими

¹ Никоновская летопись. С. 101.

² Лицевой летописный свод XVI в. Русская летописная история. Кн. 23: 1557–1567 гг. М., 2014. С. 115.

³ Там же. С. 40.

⁴ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 379.

⁵ Там же. С. 401.

татарами летописец неоднократно завершает известием о том, что «боговенчаный царь и великий князь Иванъ» либо «крымьскаго царя прогна»¹, либо же воеводы его «многихъ татаръ победиша»². Государево войско, согласно летописи, было маневренным и быстро реагировало на нашествия крымских татар. Во многих случаях крымские татары старались Ивана Грозного застать врасплох, нападая «приидоша безвестно», а иногда в тот момент, когда он посылал своих ратных людей воевать в другие земли. Но русскому войску, согласно сообщениям Никоновской летописи, как правило, удавалось разбить противника³. При Иване Грозном русское войско не только отражало набеги крымских татар. Оно ходило в походы на крымские улусы. В Лицевом своде замечено, что это было важным событием для русского общества, поскольку никогда «русская сабля не бывала в нечестивых жилищах» с того момента, «как юрт Крымский образовался»⁴.

Поскольку война велась, по представлениям современников, против сатаны, то походы на Крым воспринимались положительно. Согласно Лицевому своду, эти походы представлялись богоугодным делом, с помощью которого было совершено воздаяние «за кровь христианскую нечестивым»⁵.

Память о первых походах русского войска на Крым сохранилась прежде всего благодаря летописным сводам. Подробное описание походов дается в Никоновской летописи и в Степенной книге.

Крупное поражение русское войско потерпело в 1571 г. Никоновская летопись является одним из немногих летописных источников XVI в., которая отразила нашествие крымских татар в 1571 г. и сожжение Москвы. Об этом кратко упоминается в приписке: «приходилъ къ Москве Крымский царь Девлетъ Кирей» и «Татарове посадъ зажгли».

---

¹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 364.

² Там же. С. 348.

³ Там же. С. 401–402.

⁴ Там же. С. 161–162.

⁵ Там же. С. 162.

По словам летописца, событие было вызвано «Божиимъ гневомъ»¹. Следует понимать, что именно таким образом произошедшее поражение воспринималось всем русским населением. Согласно мировосприятию средневекового человека, государство, которое находилось под защитой Бога и святых, не могло пострадать от сатаны и его приспешников без воли Божьей. Но если прогневать Бога, то Господь мог допустить серьезные поражения войска и даже сожжение стольного града православной державы. Поэтому летописец указывает, что катастрофа 1571 г. стала возможна вследствие «грехъ ради нашихъ». В этом же сообщении за 1571 г. имеется еще одно подтверждение тому, что сожжение Москвы воспринимается наказанием, которое произошло по воле Божьей. Но крымскому хану не удалось установить свою власть над русским государством только потому, что «къ Москве не попусти ему Господь приступати»². В летописи подчеркивается, что «не дасть бо Христось жезла на жребий свой».

Летопись не дает пояснения, что это были за грехи, но поскольку она носит официальный характер, то ответ можно найти в «Речи царя и великого князя Ивана Васильевича к панам радам Королевства Польского и Великого княжества Литовского, чрез их посла переданная». Вместе с тем, «Речь» выступает памятником выражения индивидуальной памяти о событиях 1571 г., носителем которой был сам царь.

Иван Грозный поясняет, что причиной всему явилась «измена» царских воевод. Царь писал о том, что перед ним «пошло семь воевод со многими людьми», но царю «о Татарском войске знать не дали»³. Иван Грозный особенно подчеркивает, что, находясь «в 4-х милях», он ничего «об них не знал», и когда до него дошла весть, то, «видя измену», «маленько отступил», «а въ это время Татары напали на всю Москву»⁴. «Речь царя и великого князя

---

¹ Никоновская летопись. С. 300.

² Там же.

³ Толстой Д. Речь царя и великого князя Ивана Васильевича к панам радам Королевства Польского и Великого княжества Литовского, чрез их посла переданная. М., 1847. С. 3.

⁴ Там же.

Ивана Васильевича» показывает, что по официальной версии поражение стало возможным не из-за боязни крымской силы или разгрома русского войска, а из-за «измены» воевод. В «Речи» русское войско представляется сильным, и царь заявлял, что «если бы тысяча человек защищала Москву, Москва бы ихъ и сама себя оборонила»¹.

О борьбе с крымскими татарами писал Иван Грозный в первом ответном письме А. М. Курбскому, в котором крымские татары предстают в образе «варваров» и от которых «жестоко пострадали православные»². Царь подчеркивает, что «половина земли пустовала» от разорительных набегов крымских и казанских татар. Крымского хана Иван Грозный называет «наш недруг»³, а крымское ханство – «прегордым царством»⁴. Царь представлял войну с Крымским ханом вынужденным действием.

Память о борьбе с крымскими татарами отразил Андрей Курбский в «Истории о великом князе Московском». В отличие от Грозного, вину за разорение окраин Московского княжества крымскими татарами он возлагал на царя. По его словам, «несказанное кровопролитие и нашествие» крымских татар были наказанием свыше за «бесчисленные преступления» царя. Князь признавал крымских татар грозным противником Русского государства. Хана он называл «врагом Христовым», «сильным басурманским зверем». Курбский обращал внимание на его коварство, приводя случаи, когда крымский хан в полной уверенности, «что великий князь отправился против Казани», начал «с большими силами» поход на Русь⁵. В другой раз крымский хан выступил в поход «со всею Ордою», «потому что послано ему было из Москвы от татар известие, что будто великий князь со всеми своими войсками пошел в Лифляндию к городу Риге»⁶. Часто, писал князь, крымские

¹ Толстой Д. Речь царя и великого князя Ивана Васильевича к панам ... С. 3.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. Репринт. воспроизведение текста изд. 1981 г. М., 1993. С. 37.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 322.

⁶ Там же. С. 376.

татары «пустят слух об одной стороне, что ее хотят завоевать, а пойдут на другую»¹.

По свидетельству Курбского, набеги крымских татар для русской земли оборачивались страшными бедствиями. Так, «вся Рязанская земля до самой Оки» была «опустошена». В Орде же «от многолетнего рабства», находясь в «самой тяжелой неволе», страдали русские «пленные»². Князь заявлял, что борьба с крымскими татарами была необходимой. В ней «христианским царям» надлежало «отмстить басурманам за христианскую кровь, проливаемую много лет беспрестанно»³. Так, по свидетельству князя, эта борьба воспринималась в народном сознании как защита «православного христианства против врагов креста Христова», главной целью которой было «привести отечество к покою»⁴.

По оценке князя, борьба с крымскими татарами велась успешно, царское войско обладало высокой боеспособностью и могло «отражать набеги» крымских татар и «во многих битвах разбить» их войско. Князь, как и летописцы, представлял русское войско в образе несокрушимой силы, известия о которой крымского хана неоднократно ввергали «в великий страх и растерянность». Курбский писал, что «за несколько лет» удалось распространить «владения христиан» «не только на опустошенные русские земли», но и на «татарские зимовья», где были «построены крепости и города»⁵. Однако не всегда военные столкновения с крымцами оканчивались благополучно для русской стороны. Он упоминал о случае, когда крымским татарам удалось одержать победу над «малым числом» «христианского войска». Но в большинстве случаев русские одерживали победы над крымскими татарами. Это он ставил в заслугу «искусных» воевод, которые

---

¹ Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 362.

² Там же. С. 380.

³ Там же. С. 378.

⁴ Там же. С. 324.

⁵ Там же. С. 320.

бились «со всей твердостью», не позволяя противнику «развернуться» и «разорять беззащитных христиан».

Память о временах борьбы Московской Руси с «татарами» жила в сознании донского казачества верховых станиц. Об этом сообщал в записке в Статкомитет Области войска Донского о своей экспедиции 1899 г. в станицы Хоперского и Усть-Медведицкого округов Х. И. Попов. Он писал, что в урочище Стоговском, относящемся к юрту Казанской станицы, имелись остатки древнего сооружения. О нем, как писал Х. И. Попов, «до сих пор существует в народе предание, относящееся к временам татарских нашествий на Россию»¹. Оно относится, в том числе, к нашествиям времени Ивана Грозного, в том числе к походам хана Девлет Гирея на Москву. С этими же войнами было связано предание казаков Вешенского юрта о кургане Кленовом, на вершине которого будто бы зажигали огни, которые должны были предупреждать казаков в случае нападения татар или разбойников².

Выразителем «живой памяти» о борьбе русского воинства с Крымом в XVI в. был народ³. Свое видение событий он выразил в исторических песнях. Память о событиях 1571 г., когда хан Девлет Гирей вторгся в Московское царство, сохранилась в песне «Набег крымского хана». Песня свидетельствует, что народ запомнил события 1571 года как страшную катастрофу, которая могла привести к зависимости от Крыма. Такая память находит выражение в следующих строках песни: «А еси государь наш, Крымский царь! // А тебе, государь, у нас сидеть в каменной Москве, // А сыну твоему в Володимире, // А плёмнику твоему в Суздале, // А сродичу в Звенигороде, // А боярину конюшему держать Рязань Старая, // А меня, государь, пожалуй Новым-городом»⁴.

¹ ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 508. Л. 25-25 об.

² Там же. Л. 38.

³ Новолодский, А. С. Память о войнах с Крымом при Иване Грозном в исторических песнях / А. С. Новолодский // Преподавание истории в школе. – 2018. – № 2. – С. 36–41.

⁴ Азбелев С. Н. Исторические песни. Баллады. С. 132.

Спасение народ видел в высшей духовной силе. Хана в песне прогоняет Господь, который «прокличет с небес» басурманам о том, что Московское царство крепко обороняется «семьюдесятью апостолами» с «тремя святителями»¹. В песне заметна также надежда на мощь русского воинства. Из песни видно, что в исторической памяти образ русского войска, разгромившего татар, сливается с упоминанием о «божьем гласе», грозящем хану семьюдесятью апостолами, тремя святителями и московским православным царем, что и заставило их бежать.

Память народа о событиях 1572 г., а также о русском герое-воеводе, одержавшем победу над крымскими татарами в решающем сражении под Молодями, сохранилась в исторической песне «Иван Грозный под Серпуховом»². Крымские татары в песне представляются злым врагом. Для борьбы с ними в песне говорится, что Иван Грозный «копил силушку ровно тридцать лет»³, а затем отправился с ней к южному рубежу.

В этой песне сохранилась память и о герое эпохи правления Ивана Грозного, проявившего блестящий полководческий талант в борьбе с крымскими татарами. После выступления в поход Иван Грозный стал «силушку переглядывать». Он не обнаружил своего «лучшего слуги верного» по имени «Мишенька». По одному из вариантов песни он переметнулся к «князю Рымскому», или Крымскому. По другому – он перешел к «хану турецкому», и поэтому обвинялся в измене «царю белому»⁴.

¹ Исторические песни XIII–XVI веков. С. 467.

² Соотношение сюжета песни с событиями нашествия крымских татар и борьбы с ними в 1571 и 1572 гг. явился дискуссионным, поскольку, как считает Б. Н. Путилов, выдвинутое предположение С. К. Шамбинаго и В. Ф. Миллера об отражении в песне о походе крымского хана в указанные годы является неверным. По мнению самого Путилова, изложенная ситуация в песне имеет обобщенный характер и не соотносится ни с каким конкретным событием, потому что цель, преследуемая автором, состояла совершенно в ином, а именно в отражении исторической ситуации, когда Иван Грозный казнил как бояр, имеющих действительно «многочисленные измены», что наносило «ущерб интересам Русского государства», так и людей, «честно исполнявших свой патриотический долг» и лишь подозреваемых в измене. Не согласиться с концепцией Б. Н. Путилова относительно цели автора невозможно, но используемый пример для показа сложившейся исторической ситуации в народном сознании невольно ассоциировался с событиями нашествия крымских татар 1571 и 1572 гг. См.: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М; Л., 1960. С. 190.

³ Исторические песни XIII–XVI веков. С. 464.

⁴ По утверждению С. К. Шамбинаго и В. Ф. Миллера, в образе героя песни «Мишеньки» представлен Михаил Воротынский, который неоднократно громил крымских татар и одержал победу над

В. Ф. Миллер в данном сюжете находит изложение истории жизненного пути не только героя-воеводы крымских битв. Он видел отголосок событий 1571 г., когда была измена некоторых лиц, перешедших на сторону Девлет Гирея. Они выступали противниками Ивана Грозного и даже готовы были оказать пособничество хану при нашествии на Москву¹. С точкой зрения Миллера невозможно не согласиться. Историю об изменниках-боярах, переметнувшихся на крымскую сторону, русский народ знал, и это не могло не найти отражения в фольклорных произведениях.

Герой песни «Мишенька» оказался не изменником, а верным царским воином, который бежал из плена «на турецком черном шахмате», привезя с собой «сорочинок». Этих «сорочинок», «турецкого хана двух дочерей», Мишенька преподнес в дар Ивану Грозному. Вероятно, что под образом Мишеньки подразумевался победитель крымских татар Михаил Воротынский, который, по мнению Д. М. Володихина, при московском дворе состоял как «специалист» по южному направлению², а, следовательно, и в народном сознании воспринимался защитником русских рубежей от крымских татар. В описании истории героя песни прослеживается параллель с событиями жизни князя Воротынского. Он в 1562 г. был обвинен за «изменные дела» и отправлен в тюрьму на Белоозеро, но в итоге доказал свою преданность русскому царю при Молодях в 1572 г., благодаря чему в памяти народа он запечатлелся как «лучший воин» царя-батюшки, спасший Русское царство.

Девлет-Гиреем в 1572 г. См.: С. Шамбинаго. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 93–97; В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Т. 3. С. 238–242, 293–295.

Однако с таким мнением не соглашается Б. Н. Путилов. Он писал, что «вряд ли песня имела в виду крупных военачальников типа Михаила Воротынского», и приходил к выводу, что «скорее всего, герой ее – один из тех рядовых патриотов, имена которых не сохранили документы и о которых помнила народная устная история», или же вовсе «может быть, герой песни – вымышленный персонаж». См.: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. С. 191. На наш взгляд, точка зрения С. К. Шамбинаго и В. Ф. Миллера представляется более правомерной, поскольку песня в народной памяти в большей степени ассоциировалась с событиями нашествия крымских татар в 1571 г., а в герое песни «Мишенька» народ усматривал именно победителя и грозу крымских татар – князя Михаила Воротынского.

¹ См.: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 3. С. 239.

² Володихин Д. М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009. С. 159.

Память народа о борьбе с крымскими татарами сохранилась также в песне «Кострюк»¹, которая начинается с известия о приезде в Москву «тотарки та крымской». Эта татарка «воскрыцяла» «во всю голову» боевой призыв: «Есть ли в Москвы борци, удалы добры молодцы, // С Кострюком поборотисе, // С молодым полонитисе, // Силки отведасть плеча богатырского?»². В данном призыве русскому воинству в аллегорической форме противопоставляется сила крымских татар, с которыми практически ежегодно приходилось сталкиваться во время правления Ивана Грозного. Клич был призывом не к потешному бою двух богатырей, а к борьбе с наступающей грозной силой татар. Так, по одной из вариаций, Кострюк упреждает русскую сторону: «Ежели нет у Вас молода борца», то «Всю Москву за щитом возьму». Тоже сообщается и в другом варианте, когда Кострюк требовал от Ивана Грозного: «Что давайте нам, благоверной цярь, // Ишше три дворика и три постоялые, // Широки три разъезжалые», а «Не то зайду с краю – Москву вырублю, // А зайду с другого – Москву выпалю, // А тебя, царя, в полон возьму, // С божьив церквей кресты сниму»³. В другом варианте песни Кострюк пришел не пленить Московское царство, а получить дань с русского царя. Молодой черкасский богатырь взывает, что «если борцика не случится», то следует «взять пошлины» «за годы за прошлые».

---

¹ Два крупных исследователя исторических песен С. К. Шамбинаго и В. Ф. Миллер в данной песне усматривают память о событиях 1571–1572 гг. Согласно Шамбинаго, песня «Кострюк» явилась контаминацией ранее существовавшей, но не сохранившейся песни. В ней была отражена история победы над крымскими татарами в 1572 г. Миллер поддерживал концепцию Шамбинаго. Но он отклонял предположение о некогда существовавшей песне про разгром крымских татар. Он писал, что песня является отражением «отголосков, ходивших в народе, набегов крымского хана Девлет-Гирея на Русь в 1571–1572 гг.», с одной стороны, но с другой стороны песня сложилась «под воздействием типа старины о нашествиях басурманских царей-нахвалящиков». См.: С. Шамбинаго. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 79–85; В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Т. 3. С. 237.

Б. Н. Путилов концепции Шамбинаго и Миллера находит недостаточно обоснованными. Не отвергая их полностью, он уточнял, что крымские набеги были явлением постоянным, и поэтому песня «могла состоять» «на более широкой основе», нежели «быть связана с конкретными фактами».

С точкой зрения Б. Н. Путилова невозможно не согласиться. Но следует отметить, что в песне общее представление о борьбе с крымскими татарами переключается, как это отмечает В. Ф. Миллер, с глухими отголосками событий 1571–1572 гг.

² Исторические песни XIII–XVI веков. / изд. подгот. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. С. 276, 253, 252, 245.

³ Там же. С. 252.

В песне «Кострюк» находят отражение события 1571–1572 гг., в частности, упоминание о московском борце Михайле, победившем врага черкасского Кострюка. В образе песенного героя «Михайлы», «Михалки» виден Михаил Воротынский, который, как уже ранее отмечалось, в народном сознании воспринимался защитником русской земли от крымских татар. Особенно он стал широко известен после разгрома крымских татар в 1572 г., в связи с чем память о князе запечатлелась в образе русского витязя, «богатыря Мишеньки», защитившего государство от «Кострюка-Мастрюка», который олицетворял собой силу крымских татар.

В песнях запечатлелась народная память о героизме русских женщин. Так, в песне «Авдотья Рязаночка» повествуется о скорбящей замужней женщине, мужа которой «полонил» турецкий царь Бахмет. Во время нашествия, когда «народу во полон сорок тысячей», среди которых увел в плен «Милого-то братца родимого // Мужа венчального // Свекра любезного»¹ женки Рязаночки. Отважная женщина, преодолев «реки, озера глубокие», «чистыя поля разбойников», «темные леса лютых зверей», пришла к турецкому царю. Она, согласно песне, просила у турецкого царя выкупа хотя бы «единыя головушки» родственной. Авдотья ходатайствует не за брата, мужа или свекра, а за плененный народ, прося у Бахмета «отпустить мне народу сколько-нибудь пленного» «хощь бы своего-то роду-племени». Образ Авдотьи в песне «Авдотья Рязаночка» выступает олицетворением народной памяти о жертвенности и мужестве русских женщин.

Сохранилась народная память и о русском воине, защитнике русской земли от «татарина-басурманина». В песне «Добрый молодец и татары» воспевается удаль «малолеточки», который расправился сразу с тремя татарами. В песне говорится о расторопности героя во время опасности:

---

¹ Азбелев С. Н. Исторические песни. Баллады. С. 46.

«Добрый молодец от сна пробуждается, // За шелков чумбур хватается, // На своего доброго коня наскоро сажается»¹.

В исторических песнях отразилась память о набегах татар. В них упоминались «злы татаровья». Они воевали русские земли, чтобы затем «дуван дуванить», добычу, в которой были «добрые кони», денежки», «девушки», и даже «стара старушенька», которую полонили для роли няньки. При описании крымских татар используются такие определения, как «злодеи», «собаки». В песне «Русская девушка в татарском плену» крымский хан именуется «собакой»: «Как схватил злодей собака // Красну девицу за русу косу»², а в песне «Добрый молодец и татары» герой, обращаясь к своим врагам, восклицает: «Ой вы гой еси, собаки злы татаровья!»³.

В XVII в. память о войнах с Крымом Ивана Грозного продолжали сохраняться благодаря тому, что оставались живые свидетели, выполнявшие роль трансляторов исторической памяти. Кроме того, как сообщал Н. И. Костомаров, воспоминания о пережитых потрясениях от нашествия Девлет-Гирея были столь сильны, что их не смогли вытеснить даже «новые бедствия Смутного времени»⁴.

Во второй половине XVII в. сохранению памяти о борьбе с крымскими татарами способствовала государственная политика. В период походов В. В. Голицына на Крым должна была стать востребованной историческая память о походах на крымские улусы. В XVIII и XIX вв. история борьбы царского войска Ивана IV с крымской силой переходит в плоскость «книжной памяти»⁵. Память в сознании народа о борьбе с Крымом в те годы сохранялась благодаря литературным произведениям, некоторые из которых были театрализованы.

¹ Исторические песни XIII–XVI веков. С. 62–63.

² Там же. С. 55, 63.

³ Там же. С. 63.

⁴ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Первый отдел. М., 2006. С. 290.

⁵ Новолодский А. С. Борьба Москвы с Крымом в русской художественной литературе XIX века / А. С. Новолодский // Преподавание истории в школе. 2018. № 7. С. 67–70.

Таким произведением является исторический роман Н. И. Костомарова «Кудеяр». Кроме представления о жизнеописании полупоэтического героя-разбойника, в романе отражены и исторические воззрения Н. И. Костомарова. Согласно А. Ю. Пинчуку, выступавший против феодально-самодержавного строя Костомаров видел историческое будущее в федерации славянских народов. В ней должны ликвидировать «крепостное право и рабство в каком бы то ни было виде», и существовать правление «с единой центральной властью, заведующей сношениями вне союза, войском и флотом, но полной автономией каждой части по отношению к внутренним учреждениям, внутреннему управлению, судопроизводству и народному образованию»¹. Костомаров противопоставлял системы организации государственной власти в России и Крымском ханстве. Он представил Крымское ханство более прогрессивным государством по сравнению с Российским.

Используя различные источники, Костомаров создал достаточно полное представление о борьбе с Крымом при Иване Грозном. В романе подчеркивается, что «война с Крымом составляла тогда живейший вопрос московской политики», которая была столь необходима «ради защищения ... державы и целостности жительство христианского»². Отказался же царь от войны из-за боязни «царицы», «что царя Ивана повлекут в Крым», или из-за своей трусости. Костомаров выразил свой взгляд на необходимость войны с Крымом ради освобождения из крымского плена «много тысяч крещеных братьев». Он при этом показывал, что русский человек, освободившись «из татарской неволи», попадал «в русскую».

Роман Костомарова оказал большое влияние на сохранение исторической памяти в русском обществе. Судьба главного героя тесным образом переплеталась историей Крымского ханства XVI в., что позволило автору обратить внимание читателя на различные аспекты военных и

---

¹ Пинчук Ю. А. Исторические взгляды Н. И. Костомарова: критич. очерк. Киев, 1984. С. 41.

² Костомаров Н. И. Кудеяр. М., 2016. С. 23, 57.

политических взаимоотношений между Москвой и Крымом. Он показал, что борьба между двумя государствами была неизбежной, поскольку обе стороны воспринимали друг друга как врагов.

Крымское духовенство взывало к священной войне с теми, кто оказал «поругание» их веры и «поношение» их «славного племени». Оно требовало бороться против русских, которые установили «христианские капища с идолами», где ранее «восхвалялось имя» «славного пророка»¹, и такое воззвание разделялось курултаем. Речь шла о завоевании Казани русским царем. Костомаров писал, что крымская сторона издавна совершала военные походы на русские окраины с целью получения рабов для продажи. По его словам, «русский человеческий товар ценился выше другого», а крымский город Кафа в то время занимался одним промыслом – «торговлей невольниками»². Костомаров также подчеркивал, что если даже крымский хан и оказывал дружбу московскому государю, то только ради того, чтобы «по возможности обирать его»³.

Обращаясь к событиям нашествия Девлет-Гирея в 1571 г., Костомаров считал московский пожар делом рук Кудеяра. Такое искажение исторических фактов допускалось им, поскольку повествованием о Кудеяре он стремился наглядно показать, что, желая утвердить «самодержавную власть до того, чтобы она уже никогда не могла подпадать никакому ограничению»⁴, царь настроил против себя даже самых преданных своих людей, которым некогда был герой романа. Но, даже допуская отклонения от исторической реальности, он представлял довольно полную картину о подготовке и нашествии Девлет-Гирея на Москву.

Костомаров включал в канву повествования известных героев событий, о которых в пореформенной России стали забывать. Так, произведение

---

¹ Костомаров Н. И. Кудеяр. М., 2016. С. 150.

² Там же. С. 123.

³ Там же.

⁴ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования Николая Костомарова Т. 12. СПб., 1872. С. 130.

знакомило читателя с Дмитрием Ивановичем Вишневецким, старостой Черкасским и Каневским Великого княжества Литовского, который прибыл на службу к русскому царю, чтобы призвать Ивана Грозного на войну с Крымом. Упоминается Михаил Иванович Воротынский и Иван Петрович Шуйский.

Сохранению исторической памяти о борьбе русского воинства с Крымским ханством способствовали и произведения А. К. Толстого, который, как отмечает И. Ямпольский, преимущественно следовал за концепцией Н. М. Карамзина. Порой он даже заимствовал выражения из девятого тома «Истории государства Российского»¹.

В романе «Князь Серебряный» крымские татары представлены в образе «проклятого» «басурманского племени», стремящегося «святую Русь извести»². Он тем самым давал обоснование войне против крымского хана и «нехристей», которые «жгли русские села да резали наших братьев». А. К. Толстой писал о народных бедах, являвшихся результатом крымских набегов. Купец жалуется на то, что «татарва» «обобрала» его «дочиста». Ему даже после этого «не с чем и до Москвы дотащиться». Крестьяне «выли да голосили» о том, что «наше-де село выжгла татарва, да еще и церковь ограбили, порубили святые иконы, из риз поделали чепраки»³. Однако, как показывал А. К. Толстой, несмотря на то, что мысль о войне с Крымом жила в народе, разгромить крымскую силу Русское государство было не в состоянии. Опричная политика привела к отсутствию «ратных людей», способных защитить русские земли от разорительных набегов крымских татар. Трагические события в романе вызвали чувство сопереживания русскому народу, поддерживали историческую память о войне с Крымом.

Борьба Московского государства с крымскими татарами находит отражение в трилогии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович».

¹ См.: Ямпольский И. Примечания // Толстой А. К. Собр. соч. : в 4 т. Т. 3: Драматическая трилогия / под ред. И. Ямпольского. М., 1969. С. 538–540.

² Толстой А. К. Князь Серебряный. М., 2014. С. 292.

³ Там же. С. 290.

Поставленная в конце XIX в. пьеса прошла в первый сезон 57 раз на театральных подмостках обеих столиц и ряда городов¹. Она оказала существенное влияние на формирование памяти о борьбе с крымскими татарами при Иване Грозном. Свое отражение память находила в эпизоде, когда «татары Оку перешли» и держали свой путь на Москву. На известие гонца московский народ вопил: «Ой, господи-светы! Ой, батюшки мои! Опять выжгут наши слободы!»². Это причитание, короткое, но содержательное, указывает на сожжение Москвы Девлет-Гиреем в 1571 г. Здесь народ вспоминает и об одном из своих защитников от крымских татар – Иване Петровиче Шуйском. Он командовал полком «детей боярских» в победоносной битве при Молодях в момент нашествия на Москву 120-тысячного крымско-турецкого войска под предводительством хана Девлет Гирея.

Театрализованная драма А. Н. Островского «Василиса Мелентьева» так же, как и трилогия А. К. Толстого, способствовала развитию и сохранению исторической памяти о борьбе с Крымом в XVI в. В ней представлены герои крымских войн: князь М. И. Воротынский, князь В. А. Сицкий, князь В. И. Шуйский. Рассуждая о положении в государстве, боярин Морозов сетовал Сицкому о положении Воротынского: «Он спас царя и царство! // При Молодях, на берегах Лопасни, // Побил татар, стяжал такую славу, // Что загремела по чужим землям, – // А у царя чуть-чуть что не в опале»³. Монолог не только оживлял память о победе над татарами в 1572 г., но и укреплял в сознании зрителя память о победителе сражения – князе М. И. Воротынском. Такое представление о князе способствовало осознанию значимости победы при Молодях. Также оно закрепляло негативный образ крымских татар в народном сознании.

¹ Соловьева И. Н. Художественный театр: Жизнь и приключения идеи / ред. А. М. Смелянский. М., 2007. С. 18.

² Толстой А. К. Драматическая трилогия: Смерть Иоанна Грозного. Царь Федор Иоаннович. Царь Борис. М., 2016. С. 253.

³ Островский А. Н. Пьесы, написанные совместно с другими авторами 1868–1882. М., 1960. Т. 9. С. 9.

Значительное влияние на сохранение исторической памяти о борьбе с Крымом оказала «История России в рассказах для детей» А. О. Ишимовой. В ней Крымское ханство представлено врагом Русского государства XVI в. А. О. Ишимова подчеркивала, что со времени своего образования Крым противостоял Руси. Она указывала, что первый крымский хан стремился объединить осколки Золотой Орды в единое государство под своим верховенством, и «тогда бедные предки наши, может быть, опять подпали бы под власть татар»¹. Но причиной «частых набегов и разорения жителей» русских окраин крымскими татарами была не только извечная борьба между русскими и татарами. Она писала, что крымские ханы «боялись возрастающего могущества России», почему и «старались всеми силами вредить ей»². Одним из признаков «возрастающего могущества» государства было наличие сильного войска, способного вести успешные войны с крымскими татарами. Русскому войску, по сообщению Ишимовой, в борьбе с Крымом помогали казаки. Они были пограничным отрядом против крымских набегов. Но причиной успеха Девлет Гирея, который сжег Москву, О. А. Ишимова видела опричнину Ивана Грозного, в результате которой царь оказался в окружении полководцев, не обладающих ни военным искусством, ни усердием. Однако Девлет Гирей отошел от Москвы, как писала А. О. Ишимова, потому что испугался «ложного слуха» о приближении многочисленного войска, вышедшего «на помощь к русским»³.

В отличие от литературных произведений история войн Крыма и Москвы получила визуализацию еще при Иване Грозном в Лицевом летописном своде. Текстовые упоминания о военных столкновениях русских и крымских татар в своде иллюстрируются миниатюрами⁴. Битва при

---

¹ Ишимова А. О. История России в рассказах для детей. С. 139.

² Там же. С. 147.

³ Там же. С. 153.

⁴ См.: Новолодский А. С. Роль Лицевого летописного свода в формировании исторической памяти о борьбе с Крымом в XVI в. на примере миниатюры о походе «На стада крымские воевод в Мамаилус» С. 26–29; Он же. Актуальные проблемы социальной истории, философии и социальной работы: Двадцатые всерос. научн. чт., науч. -теор. конф. : тез. докл. и сообщений, (10–11 окт. 2019 г.). Новочеркасск: 2019. 139 с.

Молодях отразилась в литографии Б. А. Чорикова «Царю Иоанну IV вручают трофеи, взятые у Девлет-Гирея князем Воротынским 1572 год». Художник изобразил Ивана IV, которому «свидетели битвы», Давидов и Ногтев, в знак освобождения «России от Ханского меча» преподносят трофеи: «два лука и две сабли Девлет-Гирея»¹.

Историческая память о борьбе с крымскими татарами формировалась и сохранялась посредством и других *мест памяти*. Одним из первых на места памяти внимание обращает Н. М. Карамзин. Повествуя о разгроме крымских татар при Молодях в 1572 г., он указывал, что памятником «знаменитой победы и славы князя Михайла Воротынского» в XVIII в. являлись «высокие курганы» на месте сражения². Историк замечал, что день разгрома татар при Молодях в народном сознании отнесен «к числу великих дней воинской славы» России³. В рассказе о битве при Молодях Н. М. Карамзин указывает и на Воскресенский храм села Молоди у места победы над Девлет Гиреем в 1572 г.

Сохранению памяти о борьбе с крымскими татарами способствовали возведенные в XVI в. каменные кремли в городах-крепостях, выполнявшие роль опорных пунктов мощной южной линии обороны. Крепкие стены кремлей в моменты разорительных набегов крымских татар становились не только сооружениями, которые не позволяли крымским татарам продвинуться вглубь Русского государства, но и защитниками городского населения. Городские жители хорошо помнили каждый набег, ассоциируя его с определенными участками кремля, на котором приходилось удерживать оборону или произошло какое-либо знаковое событие.

Одним из таковых кремлей-крепостей является Тульский кремль. Городским стенам кремля приходилось неоднократно сдерживать натиск крымских татар. Как отмечает Г. М. Белоцерковский, Тула «закрывала собой

¹ Карамзин Н. М. Живописный Карамзин, или Русская история в картинах. Ч. 2. СПб., 1838. С. 202.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. С. 203.

³ Там же. С. 210.

доступ степному кочевнику к центру»¹. С тульским кремлем жители города связывали память о событиях героической обороны 1552 г. от орды Девлет Гирея. Об этом свидетельствует закладной камень у Ивановских ворот². Как сообщал краевед Н. Ф. Андреев, тульский кремль хранил память о Судбищенской битве с крымскими татарами в 1555 г., после которой в нем останавливался Иван Грозный³. В Туле «местом памяти» о борьбе с крымскими татарами был не только кремль. Ту же самую роль играл монастырь Иоанны Предтечи. Тульская мужская обитель была построена в 1552 г. под руководством тульского наместника князя Г. И. Темкина-Ростовского «именитыми и простыми жителями города в благодарность Господу за победу над войсками» крымского хана Девлет-Гирея⁴.

Способствовали сохранению памяти о борьбе с крымскими татарами и кремли-крепости Зарайска, Коломны, Можайска, Рязани, Серпухова, Астрахани, возведенные с той же целью, что и Тульский кремль.

В 1862 г. по указу Александра II был установлен памятник «Тысячелетие России». Как верно отметил М. Лонгинов, монумент возводился, чтобы «увековечить имена людей, способствовавших прославлению отечества своими подвигами на разных поприщах деятельности государственной и общественной»⁵. На памятнике размещено 128 фигур. Среди них находится воевода князь М. И. Воротынский, который в народной памяти воспринимался как победитель крымских татар.

Таким образом, память о борьбе с Крымом была зафиксирована еще в годы царствования Ивана Грозного и наиболее полное отражение нашла в московском летописании. Вместе с тем сохранилась и живая память участников борьбы с Крымом в XVI в. Свои воспоминания о противоборстве

¹ Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. Киев, 1915. С. 20.

² Крепости России. Большая энциклопедия / А. Г. Мерников. Минск, 2013. С. 145.

³ Андреев Н. Ф. Описание видов города Тулы. Тула, 1856. С. 16.

⁴ Тульские древности: Энциклопедический словарь-справочник / под общ. ред. В. И. Крутикова. Тула, 1995. С. 171.

⁵ Лонгинов М. Н. По поводу описания памятника Тысячелетию России // Современная летопись. 1861. № 45. С. 28.

с крымскими татарами оставили Иван Грозный и князь Курбский. Народная память о событиях борьбы с крымскими татарами того времени была отражена в исторических песнях.

В последующие столетия историческая память о борьбе с Крымом в годы царствования Ивана Грозного сохранялась прежде всего под влиянием художественной литературы и изобразительного искусства, а также таких мест памяти, как ландшафтные и архитектурные объекты, которые народ связывал с борьбой с крымскими татарами в XVI в.

3. 2. Взятие Сибирского царства и Ермак в русской исторической памяти

Историческая память о покорении Сибири стала формироваться сразу после похода Ермака. Благодаря усилиям первого архиепископа Тобольской епархии Киприана в начале XVII в. был издан «Синодик Ермаковым казакам», в который вошли записи рассказов казаков, участвовавших в походе. По замечанию Р. Г. Скрынникова, «среди уцелевших соратников Ермака многие дожили до глубокой старости»¹.

Выход издания, предназначенного для поминовения павших воинов во время похода в Сибирь, указывает на то, что рассказы участников похода Ермака заняли свое место в исторической памяти жителей Зауралья. Значимость этого события была обусловлена в первую очередь тем, что были живы ветераны и очевидцы похода. В Синодике, под наблюдением Киприана, закладывалась оценка произошедшего события, которая под влиянием церкви через проповеди внедрялась в народное сознание.

С позиций, характерных для такого жанра, в «Синодике» проводится мысль, что всё свершается по воле Бога. Образ казаков в нем позитивный и героический. Как говорилось в «Синодике», казаки, происходившие «от

---

¹ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 17.

простых людей»¹ и посланные «не от славных муж, ни от царьского повеления воевод очистити место святыни и победити бесерменского царя Кучюма»². Они явились избранниками божьими, которым предназначалась великая миссия по овладению сибирскими землями. Автор наделяет этих людей высокими моральными качествами. Это были люди, которые «забыша века сего всю земную честь и славу и плотскую сладость»³, бескорыстно свою «смерть в живот» предложили⁴. Превосходными качествами воина наделялся Ермак. Его «вооружи Бог славою и ратоборством и волностию»⁵. По мысли автора, казаки представляются не вольной ватагой, а воинами «благоверного Царя», которому они исправно несут службу.

Местом отражения «живой памяти» о покорении Сибири казаками в годы царствования Ивана Грозного являлась Есиповская летопись, 1636 г. Одним из основных ее источников, по данным самой летописи, был «Синодик Ермаковым казакам». В отличие от автора «Синодика», летописец Савва Есипов более подробно отображал память о подвиге казаков. Говоря о героях событий, он уделял внимание деталям. О казаках во главе с Ермаком он говорил, что это были воины, прибывшие с Дона и «нарицаеми казаки Донские». Он обращал внимание на причину, по которой казаки решились на завоевание Сибири. В родных краях, писал Савва Есипов, казаки «вороваху по Волге реке». Они громили «государские насады и суды и в нихъ казны грабяху, а людей побиваху до смерти»⁶. Слухи об этом дошли до царя. Иван Грозный, «слыша ихъ казаковъ многое воровство и злое непокорство»⁷, оправил карательную экспедицию для их усмирения. Тогда некоторые казаки бежали «въверхъ по Волге реке»⁸, в числе которых были «старейшина ихъ

---

¹ Ромодановская Е. К. Синодик Ермаковым казакам (предварительное сообщение) // Изв. СО АН СССР. Новосибирск, 1970. № 11. Вып. 3. С. 20.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Есиповская летопись по списку Ундольского // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 193.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

атаманъ рекомый Ермакъ с товарищи»¹. Таким образом, Ермак с казаками оказался во владениях Строгановых, а затем пошел в Сибирь.

Итогом такого жизнеописания должно было бы стать восприятие казаков как беглой шайки разбойников, скрывающихся от царского гнева. Однако летописец утверждал, что по божьему промыслу дружина Ермака изменилась в характере и нравах. По замечанию Е. К. Ромодановской, он представляет казаков «как орудие бога в борьбе с неверными, как «меч обоюдоостр», наказывающий язычников и магометан»². Летописец неоднократно именовал казаков «российскими воями». Тем самым он подчеркивал их службу царю. Действия казаков были направлены на защиту Русского государства против «поганыхъ Агарянь». Такое описание способствовало складыванию позитивного образа казаков в сознании современников. Есиповская летопись, по мнению Н. А. Дворецкой, была широко распространена в сибирских городах³. Это подтверждается свидетельством Г. Ф. Миллера. По словам его, списков летописи было «так много, что в Сибири нет такого города, в котором бы у жителей по списку или более оных не нашлось»⁴. Популярность этой летописи в XVII в., в сознании населения Сибири была несомненной. Она способствовала сохранению памяти о Ермаке и его казаках, славы их как героев. И хотя летописец указывает, что после гибели Ермака оставшиеся казаки, устранившись опасности, «изыдоша изъ града с воеводою»⁵ и «град же Сибирь оставиша пустъ»⁶, народ не упрекал их.

Место Ермака и ермаковских казаков в русской исторической памяти отражала Строгановская летопись. В ней, как и в Есиповской летописи, казакам дана самая положительная характеристика. В летописи говорилось о

¹ Есиповская летопись по списку Ундольского // Сибирские летописи. С. 193.

² Ромодановская Е. К. Сибирское летописание и хронология похода Ермак // Сибирские огни. Нижневарттовск, 1981. № 12. С. 136.

³ Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. М. ; Л., 1957. Т. 13. С. 468.

⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М. ; Л., 1937. С. 160.

⁵ Есиповская летопись по списку Ундольского. С. 222.

⁶ Там же.

разбоях казаков, которые «на Волге на перевозехъ Нагайцовъ и Ардабазарцовъ громятъ и побиваютъ»¹, и даже «громили казну государеву»², а при недавнем набеге убили «посла государева». Но их «буйства и храбрости» оправдываются как необходимые для покорения Сибири качества. Такая характеристика казаков Ермака вполне соответствовала уже сложившемуся в народном сознании их героического образа.

Согласно летописи, казаки прибыли в Сибирь по призыву Строгановых из-за «частых приходов басурман», разорявших народ, причем некоторые северные русские города пришли в запустение. Иван Грозный позволил Строгановым для защиты границы призвать Ермака с казаками, которого купцы затем отправили «на очищение Сибирския земли», чтобы «место очистити и отгнати безбожного варвара»³.

Согласно летописи, для Ермака приглашение от купцов было спасительным, поскольку за прежние деяния казакам угрожала царская опала. Служба Строгановым, являющихся государевыми людьми, давала казакам возможность искупить вину перед царем. Летописец так сообщал о размышлениях казаков: «они объ нас станут писать милостивыя и благоприятныя словеса» к царю⁴. Казаки решили ратными делами заслужить прощение государя. Как говорилось в летописи, они были готовы «животь свой ... и головы своя» положить «за православную христианскую веру»⁵.

В конце летописи размещен «Диптиха храбрымъ ратоборцомъ Ермаку Тимофееву с товарищи». В нем дается характеристика атамана как «предобраго и храброго оружиеносца, дивнаго и мудраго и изряднаго ратоборца ..., атамана казачья, со предивною и храброю и единомысленною

¹ Строгановская летопись по Толстовскому списку // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 55.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 59.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Там же. С. 83. По замечанию Л. С. Соболевой, «честь казацкая, по авторской формулировке, состоит в готовности умереть за православную веру, в службе царю Ивану Васильевичу, в противостоянии “поганымъ” “докрови и до самая смерти”, в верности своему обету и своим товарищам (“единодушии”)». См.: Соболева Л. С. Строгановская летопись: концепция и образное решение // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. [Вып. 7]. Ч. 2. С. 43.

дружиною»¹. Подчеркивается, что заслуга Ермака и его казаков перед отечеством состоит в подвиге покорения Сибирского царства и усмирения «прегордыхъ зверообразныхъ людей»².

Отражала место Ермака с его дружиной в исторической памяти также Ремезовская летопись конца XVII в. (С. У. Ремезова). Летописец представляет казаков отъявленными разбойниками. Они во главе с атаманом Ермаком, «воюя бусы по Хвалынскому морю и по Волге ... яко и царскую казну шарпаль»³, «здумали бежать в Сибирь»⁴ от царского войска. Согласно летописи, о Ермаке «в те лета промчесь воровской слухъ его в Руси, в Казане и в Астрахане»⁵, поэтому атаман еще до похода в Сибирь имел репутацию разбойника. Однако летописец подмечал, что «Велий Господь Богъ ... Ермаку Тимофееву сыну Поволскому даде силу, спехъ и храбрость с млада во единство сердца и вседушно храбрьствовати»⁶. Используя распространенный литературный прием, С. У. Ремезов сравнивал его с ветхозаветным богатырем Самсоном. Ермак, по утверждению летописи, от рождения имел имя «Германъ», и лишь «в дружине своеи Ермакомъ прослывь»⁷, был наделен такой силой от Бога не случайно. Она ему была дана не для разбоев, но для великого дела. Поэтому автор старается избегать отрицательных характеристик Ермака и казаков. Но по необходимости он несколько раз упоминал казаков в качестве «воровъ». Описывая разбойный период их жизни, Ремезов удерживался от оценок. Он отмечал, что, даже когда они были разбойниками, «блудъ же и нечистота в нихъ» была «в великом запрещении и мерска»⁸. Ремезов писал, что они будто бы заставили Строгановых помочь им собраться в поход. Но они обязывались при

¹ Строгановская летопись по Толстовскому списку. С. 93.

² Там же. С. 95.

³ Ремезовская летопись по Мировичеву списку // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 312.

⁴ Там же. С. 313.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 312.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 316.

завершении похода возместить купцам затраты и обещали «вознаградимъ по возвращении нашемъ»¹.

В походе казаки проявляли удаль и храбрость, и, как подчеркивал летописец, выступали как воины. По летописи, они были избраны Богом для осуществления великого дела. В походе они получали помощь свыше: «И се видевше бусурманы, яко с казаками Царь велий и страшень грядеть с вои на разорение и запустение ихъ...»², «и зъ Божию помощью устремишася на городъ Карачинь...»³ и т. д.

Согласно Ремезову, поход стал переломным моментом в жизни казаков. Они сами пожелали искупить свои прежние грехи и приняли решение «умрети христиански храбро за веру христианскую»⁴. Об этом Ермак будто бы писал царю⁵. Исполняя свое обязательство, они «царство Сибирское» «подъ державную руку» отдавали. Так происходила трансформация образа, согласно которой казаки из разбойников превращаются в царских воинов, которым покровительствует Бог. Следует отметить, что при описании Ермака используются традиционные сюжетные линии, характерные для жанра житий. Так, атаман еще при жизни имел неоднократные видения святых или ангелов, а после его смерти стали происходить чудеса, когда «отъ Ермакова тела и о отъ платья чюдотворение, болезненным исцеление, родителницею и младенцемъ на отгнание недугомъ, на войне и в промыслехъ удача»⁶.

Таким образом, в сибирском летописании был создан героический образ Ермака и казаков. Летописцы обращали внимание, что оружие казаков было направлено против врага Русского государства.

В московском летописании времени Ивана Грозного присоединение Сибирского ханства представляется не как подвиг Ермака с его казаками, а

¹ Ремезовская летопись по Мировичеву списку. С. 315.

² Там же. С. 324.

³ Там же. С. 325.

⁴ Там же. С. 329.

⁵ Там же. С. 337.

⁶ Там же. С. 346.

как следствие победы царя над Казанским ханством. Никоновская летопись сообщает, что «того же году [1555 г. – *Н. А.*], Геннуариа, пришли послы ко царю и великому князю из Сибири от Сибирскаго князя Едигеря и ото всей земли Сибирской». Они «били челом государю ото князя Едигеря и ото всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон ото всех заступил и дань свою на них положил»¹. О том же повествуется в Лицевом своде². Тем самым власть стремилась утвердить в исторической памяти славу завоевания Сибири исключительно за царем.

Только в XVII в. в московских летописях появилось краткое упоминание о деяниях Ермака и его казаков. Так, «Новый летописец», в котором и встречается данное упоминание, атамана с дружиной представлял разбойниками. Они, «аки волки»,³ бежали с Волги от царских воевод, посланных Иваном Грозным за их «воровство и злое непокорство»⁴. И даже известия о последнем предприятии Ермака по защите бухарских купцов в «Новом летописце» давалось с осуждением. Ермак будто бы отправлялся не спасать Бухарцев от Кучума, а «поиде противъ Бухарцовъ къ реке къ Вохаю»⁵.

Таким образом, «Новый летописец» в отличие от Сибирских летописей, представлял негативный образ Ермака с казаками. По замечанию Р. Г. Скрынникова, «при патриархе Филарете официальная летопись называла Ермака и его казаков ворами и разбойниками»⁶. Согласно «Новому летописцу», казаки отправились в Сибирь «по присылке Максима Строганова»⁷. Однако, несмотря на негативное отношение к Ермаку и его казакам, в летописи признавались их заслуги. Отмечалось, что атаман «Божиим изволнием взяша царство Сибирское» и «нача подводити подь

¹ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. С. 248.

² Лицевой летописный свод XVI в. Кн. 22: 1553–1557 гг. С. 128–129.

³ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910. 154 с. (далее – Новый летописец).

⁴ Там же.

⁵ Новый летописец. С. 33.

⁶ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 21.

⁷ Новый летописец. С. 33.

царскую руку всю Сибирскую землю и иные многие государства» и что за овладение Сибирью Ермаку приходилось вести «бои по многи дни». Летопись свидетельствует о том, что в исторической памяти подвиг Ермака и его казаков занял большое место, и власть была вынуждена признать их славу.

Память о «взятии Сибири» Ермаком наряду с летописным повествованием нашла широкое отражение в фольклоре, который в последующее время оказывал влияние на сохранение исторической памяти как о самом событии, так и о казаках во главе с их предводителем.

По мнению Л. В. Шубариной, в исторических песнях, былинах, легендах, преданиях и иных формах устного народного творчества представлено «первое живое впечатление» о Ермаке, поскольку историк «процесс формирования фольклора о Ермаке – завоевателе Сибири» относит к тому времени, когда начали распространяться рассказы «еще живых очевидцев сибирского похода»¹. Ермак является одним из главных образов в русском фольклоре. Но его образ «завоевателя Сибири» в устной народной традиции претерпевал трансформации. В былинах он изображается «любимым племянничком» Киевского князя Владимира. Как писал в этой связи Б. Н. Путилов, «соратником Ильи Муромца»². Былины повествуют о том, что Ермак имел «сердце богатырское, молодецкое». Желая «служить-стоять за Киевъ град», «млад» Ермак Тимофеевич выступил против «силы Татарския» во главе с Калин царем³. Известен былинный рассказ о Ермаке. В нем, как писала Л. В. Шубарина, он представляется «выходцем из голи перекатной»⁴. Однако и по версии этих былин «удалой добрый молодец»

---

¹ Шубарина Л. В. Ермак и сибирский поход казаков в историческом сознании русского народа: дис.. канд. истор. наук. Челябинск, 1998. С. 65–66.

² Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. С. 236.

³ Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Народные былины, старины и побывальщины. Ч. 1. М., 1861. С. 97–119.

⁴ Шубарина Л. В. Указ. соч. С. 69.

Ермак выступает против «силы великой» татарской, откликнувшись на воззвание своего «кресного батюшки» князя Киевского Владимира¹.

В исторических песнях народ изображал Ермака не только покорителем Сибири, но и казаком-атаманом, сыгравшим определяющую роль во взятии «славного Казань-города»². Предположительно, возникновение таких вымышленных черт образа Ермака стало возможным в результате действительных предприятий атамана. Ранее было отмечено, что современники почитали атамана как покорителя Сибири, а поскольку эти земли в народном сознании считались Татарским царством, то соответственно Ермак воспринимался не просто завоевателем новой территории для Русского государства, а витязем, который выступил в защиту русского народа. Под воздействием народного творческого переосмысления образ Ермака в былинах трансформируется в богатыря, сразившегося с пришедшими на Русь татарами; в исторической песне «Какъ донской атаман Ермак со своими удалыми товарищами-казаками помогал царю Грозному Ивану Васильевичу при завоевании Казанского царства»³ – в помощника, правую руку царя, который помогает истребить их «город»-юрт⁴.

Сохранились песни, представляющие и исторический образ Ермака, в которых он характеризуется покорителем Сибирского царства. Согласно тексту песен, Ермак до похода в Сибирь был известен как «воровской донской атаманушка», промышлявший со своими казаками лихими делами. Согласно песням уральских казаков, Ермак «шатался» «по чисту полю и по

¹ См.: Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873. Стлб. 704–711.

² См.: Казань-город // Азбелев С. Н. Исторические песни. Баллады. М., 1986. С. 100–104.

³ Оксенов А. В. Ермак Тимофеевич в исторических песнях русского народа // Сибирский сборник / под ред. Н. М. Ядрицева. Кн. 1. СПб., 1886. С. 80.

⁴ Песня «Взятие Ермаком Казани», посредством которой и формируется вымышленный образ Ермака, оказавшего помощь Ивану Грозному в покорении Казани, как указывает Б. Н. Путилов, сложилась не позже конца XVI в. См.: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. С. 262.

Соответственно, казаки, действительно принимавшие участие во взятии Казани, могли поведать истинную историю о событии. Поэтому использование образа Ермака как завоевателя Казани возможно объяснить еще и тем, что песни подобного характера для донского казачества имели политическое значение, так как в них утверждается, что за службу русскому царю под Казанью казакам был жалован «Тихий Дон». Безусловно, такие песни не могли быть обезличены, они должны были иметь своего героя, но такого, чей образ широко известен в народе, а авторитет неоспорим. Кроме того, этот герой должен являться атаманом, уважаемой фигурой в среде донских казаков. На такую роль личность Ермака вполне подходила.

синю морю» и «разбивал» «бусы-корабли»¹. Присутствует данный сюжет и в песнях донских казаков². Но такое описание атамана в донских песнях встречается при повествовании о взятии казаками Казани.

В памяти казаков, которая получила выражение в исторических песнях, Ермак со своей дружиной отправляется в Сибирь, чтобы заслужить прощение от царя за разбои. В одной из песен, записанной в ст. Раздорской Усть-Донецкого района Ростовской области, Ермак взывает к казакам: «Завоюем мы, братцы, царство Сибирское // Покорим мы его царю белому», выражая надежду, что «за то нас государь всех пожалует»³. Содержит такое указание и другая донская песня из ст. Бессергеновской Октябрьского района Ростовской области, в которой поется о том, что Ермак решает поехать «на Усольице» «ко Григорию да Григорьевичу Строганову» с целью заслужить прощения «у батюшки царя Грозного»⁴. Тот же мотив в действиях Ермака усматривали и уральские казаки. В их песнях поется: «Не идти ли, братцы, намъ на Иртышь-реку? // Мы возьмемъ, братцы, Тоболь городъ // И пойдемъ къ Царю съ повинною»⁵. Об этом же сообщается и в песне оренбургских казаков – «Атаман Ермак Тимофеевич собирает дружину для покорения Сибирского царства»⁶, и в песне «захожих пермяков»⁷.

В исторических песнях нашел отражение сюжет о преподнесении Ермаком завоеванной Сибири Ивану Грозному. В песне донских казаков можно обнаружить продолжение этого сюжета. Царь при встрече с Ермаком произносит: «За твою за службу верную // Я простил тебя с дружиною // И в

¹ Как на Волге, на реке / зап. Александра и Владимир Железновы // Железнова А. Песни уральских казаков. СПб., 1899. С. 23–24.

² Ой, как проходит, ребята, лето теплое // Листопадов А. Песни донских казаков. М., 1949. Т. 1. Ч. 2. С. 14–16.

³ Ой да, Вы, гой еси, атаманы-молодцы // Народное творчество Дона / ред. П. Т. Громова. Кн. 1 Ростов н/Д., 1952. С. 42.

⁴ Ой да, Вы, братцы, мои товарищи // Там же. С. 42–43.

⁵ Как на Волге, на реке / зап. Александра и Владимир Железновы // Железнова А. Песни уральских казаков. СПб., 1899. С. 23–24.

⁶ См.: Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1904. Ч. 1. С. 5.

⁷ Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. М., 1910. С. 719–720.

награду царскую жалую // Тихий Дон, реку великую»¹. Аналогичный сюжет присутствует и в песне «Ермак у Ивана Грозного»².

Исторические песни оказали глубокое влияние на формирование образа Ермака и его казаков в народном сознании. В песнях донских, оренбургских и уральских казаков Ермак с товарищами представлены народными героями, которые снискали себе славу в памяти потомков. Героический образ Ермака и казаков усиливался сюжетом, согласно которому за искупление своей вины они расплатились жизнями, что нашло отражение в песне «Гибель Ермака»³.

Отдельный интерес вызывает песня, записанная Киршей Даниловым, «Ермак взял Сибирь». Хотя данная песня, по утверждению исследователей, и стала собственной разработкой Кирши Данилова, но ценна она тем, что в ее основе «лежат устные народные предания о Сибирском походе»⁴. Образ Ермака, изображенный в песне, не отличается от образа его в других песнях. Но в песне представлено восприятие самого завоевания Сибири. В честь того, «что полонил Ермак Кучума – царя татарскова», Грозный устраивает «пирование почестное»⁵. Тем самым победа над Кучумом и присоединение Сибири ставилось в один ряд с покорением Казани и Астрахани.

История о походе Ермака в Сибирь нашла отражение в исследованиях историков и литературоведов. Однако наиболее важное влияние на сохранение памяти об этих событиях оказала художественная литература. Существенное влияние при этом сыграли театральные постановки произведений художественной литературы о Ермаке. Так, в 1803 г. на сцене Петровского театра в Москве была представлена трагедия П. А. Плавильщикова «Ермак, покоритель Сибири». Необходимо обратить

¹ Ой ты, гой еси, великий батюшка // Народное творчество Дона. Кн. 1. С. 46.

² Азбелев С. Н. Исторические песни. Баллады. С. 133–134.

³ Данная песня была известна среди донских и оренбургских казаков. См.: Листопадов А. Песни донских казаков. Т. 1. Ч. 2. М., 1949. С. 23–24.; Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков. Ч. 1. С. 6.

⁴ Кирша Данилов (XVIII в.). Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.; Л.: Изд. Акад. наук СССР, 1958. С. 437–438.

⁵ Там же. С. 437–438.

внимание, что в данном лаконичном названии заложено образное восприятие Ермака. В трагедии атаман представлен в образе героя, высоконравственного и благородного. В одном из своих монологов Ермак признавался, что «читит добродетель» «выше всякого престола»¹. По словам автора, Ермак разбойником стал вынужденно, на деле же он верный подданный царя, готовый за славу и честь Русского государства пожертвовать своей жизнью. Однако для других имя Ермака «вселяет ужас и смертное трепетание», так как многие сибирские «села, юрты и города» были им «превращены в прах»². В этой же фразе автор представил не только восприятие Ермака татарами, но и указал цену завоевания Сибири. Говоря о восприятии Ермака сибирским населением, Плавильщиков утверждал, что они, и прежде всего сам сибирский царь Кучум, видели в нем не только врага, но и героя. Безусловно, такое утверждение автора не может быть исторически достоверным. Но за счет этого удастся создать героический образ Ермака, доблесть которого признается врагом.

В трагедии представляется характер завоевания, который состоял не в истреблении Сибирского царства, а в покорении «его царю великому, коего могущество не отнимает власти у Кучума»³. Более того, вхождение Сибирского царства в Русское государство, как отмечает Плавильщиков в речи Ермака, было бы спасительным для детища Кучума. Московское государство «блеском величества озарит страну унылую, и, подобно солнцу, оживотворит души в вас [жителях Сибири] блаженством, которое еще и в помышление ваше не входило»⁴.

Спустя почти тридцать лет после постановки трагедии П. А. Плавильщикова память о событиях и героях истории завоевания Сибирского

---

¹ Плавильщиков П. А. Ермак, покоритель Сибири. С. 258.

² Там же. С. 259.

³ Там же. С. 261.

⁴ Там же. С. 261

ханства¹ нашла отражение в трагедии А. С. Хомякова, которая в 1832 г. была поставлена на сцене в Санкт-Петербурге. В трагедии А. С. Хомякова «Ермак» казачий атаман был представлен в образе героя, покорившего Сибирь. Ермак наделяется превосходными физическими и душевными качествами. Среди казаков он известен как славный воин, который «не знает» «ни страха, ни преграды». Он со «спокойною душой» всегда готов «к боям» и «на подвиг славный»². Верховенство его казаки полностью признают. В разговоре между собой один из старых казаков сказал, что «власть свою он получил от Бога», а потому авторитет и владычество его непререкаемы и сравнимы с образом орла, который среди птиц, благодаря своей природе, заслужено почитается «сизым царем». В атамане, отмечается в трагедии, казаки видят «залог счастья и победы». Ермак обладает «благородным сердцем», которому не чужды не только отвага и честь, но и любовь, и милосердие, и кротость.

Хомяков создал яркий образ других исторических персоналий, принимавших участие в борьбе за Сибирь. Трагедия дает возможность составить представление об образе сподвижника Ермака, главы казачьего посольства к Ивану Грозному, Ивана Кольцо, который характеризуется как «мудрый и кроткий» человек и по своим способностям может быть сравним с Ермаком. По завещанию Ермака в случае его гибели завершить покорение

---

¹ Большое значение в формировании исторической памяти о Ермаке и его подвиге оказали исторические романы, на страницах которых представлены герои и сюжеты об истории покорения Сибири. За период с первой половины XIX в. до 1917 г. вышло достаточно большое количество исторических романов, посвященных данной теме. Это опубликованные в 1834 г. роман П. П. Свиньина «Ермак, или Покорение Сибири», в 1845 г. – сочинение Н. А. Полевого «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь». В 1867 г. свою работу под названием «Ермак, завоеватель Сибири» издал И. Буйницкий, а в 1874 г. был напечатан роман Н. А. Чмырева «Атаман волжских разбойников Ермак, князь Сибирский», в 1900 г. был представлен роман Н. Э. Гейце «Ермак Тимофеевич». Названные сочинения представляют собой художественную трактовку истории покорения Сибири, в которых Ермак показан героем. Под влиянием данных произведений формируется устойчивое представление о том, что Ермак и его дружина в истории расширения границ Русского государства на восток сыграли определяющую роль. Благодаря им в состав России вошло царство Сибирское.

² Хомяков А. С. Ермак, покоритель Сибири // Полн. собр. соч. / А. С. Хомяков. Т. IV. М., 1900. С. 278.

Сибири надлежало казаку Кольцо, которому единственному было бы под силу «с властью Русской примерить Сибирь»¹.

Причину завоевания Сибири казаками во главе с Ермаком Хомяков по традиции связывал с тем, что казаки тем самым искали путь примирения с Русским государством. В произведении неоднократно подчеркивается мысль, что Сибирь явилась памятником раскаяния преступных казаков и прощения их царем.

Другую причину, по которой, согласно Хомякову, пало Сибирское царство, можно установить из речей сибирского шамана. Местный народ в Ермаке видел некое орудие их всемогущего бога Рачи, который с помощью казачьего атамана за грехи низверг сибирского царя. Кучум был проклят за тяжкие преступления, так как «покрыл свою главу презренною чалмою иноземцев и, позабыв закон отцов своих, стал умерщвлять служителей шайтанов»². В этих словах дана и оценка сибирскому царю, образ которого становится символом измены и коварства. Кучум подавался как типичный представитель татарского народа. В речах Ермака неоднократно звучит характеристика татар: они лживы и изворотливы по своей природе, потому и договоры с ними – «один пустой обман, и хитрые слова, и обольщенья»³.

Память об истории похода Ермака в Сибирь получила также отражение в поэзии. Так, еще в конце XVIII в. И. И. Дмитриев сочинил оду «Ермак», которая получила широкое признание не только среди читающей публики. С целью формирования положительного образа Ермака, Дмитриев выстраивает сюжет в виде диалога двух шаманов, старого и молодого. Старый шаман вспоминал, что Ермак, придя завоевывать Сибирь, «шел как столп, огнем палящий, // Как лютый мраз, всё вокруг мертвящий! // Куда стрелу ни посылал – // Повсюду жизнь пред ней бледнела // И страшна смерть вослед летела»⁴. Однако тогда возникал вопрос: можно ли чтить Ермака как доблестного

¹ Хомяков А. С. Ермак, покоритель Сибири. С. 379.

² Там же. С. 343.

³ Там же. С. 287.

⁴ Дмитриев И. И. Ермак // Полн. собр. стихотворений. Л., 1967. С. 79.

героя, если он вторгся в пределы чужой страны? Если он нес страдания и смерть для ее жителей ради «примирения с Россией», а точнее ради спасения своей жизни и морального облика? Дмитриев, предвидя такой вопрос, дает на него разъяснение, представляя Ермака не разрушающей силой, а карающей. Как вспоминает тот же старец, в полученном им откровении сообщалось, что идол Рача наказывает Сибирь за отвергнутый ею закон. Он предрекает ей быть навеки «рабыней белого царя», а Ермаку и его потомству пророчит неувядаемую славу. Дмитриев в конце оды прославляет атамана Ермака как великого человека, который должен стоять «в ряду с полубогами»¹.

Немалый вклад в сохранение исторической памяти об атамане Ермаке внес К. Ф. Рылеев, сочинивший в 1821 г. думу «Смерть Ермака». Насколько позволяет судить фольклорный репертуар донского, кубанского и оренбургского казачества, впоследствии слова думы Рылеева были положены на музыку. Как верно отмечает О. В. Капля, сочинение «Смерть Ермака» было не просто трансформировано из думы в песню, которая вошла в репертуар одного из казачьих коллективов, но и стала широко известной. Она стала восприниматься как народная песня². В думе Рылеев отразил сюжет смерти Ермака. Атаман, спасая свою дружину, вдруг лишился сил «боротся с ярою волною» и под тяжестью подаренного царем панциря был «поглощен» Иртышем³. Сам Ермак представлен в образе рачительного атамана «дружины храброй». Его «душа» «отвагою полна». Он наделен богатырской силой, которая страшна его врагам, а потому «Страшась вступить с героем в бой, // Кучум к шатрам, как тать презренный, // Прокрался тайною тропой»⁴.

Глубокое влияние на сохранение исторической памяти оказал и исторический очерк Л. Н. Толстого о Ермаке, вошедший совместно с

¹ Дмитриев И. И. Ермак. С. 82.

² Капля О. В. Исторические и «служивские» песни литературного происхождения в культуре донского казачества (по материалам фольклора) // Культура Юга России. 2011. № 40. С. 62.

³ Рылеев К. Ф. Смерть Ермака. // Русские песни и романсы. М., 1989. С. 248.

⁴ Там же. С. 247.

толстовскими баснями и былями во «Вторую русскую книгу для чтения». Толстой, хотя и следует в целом за историей Карамзина о завоевании Сибири, однако представляет казаков не славным верноподданным войском русского царя, а крепкой шайкой разбойников. Казаки соглашались отправиться на завоевание Сибири не за тем, чтобы «примириться с царем и Россией». Они стремились «русскому царю под руку подвести» Сибирь за обещанную Строгоновыми награду от Ивана Грозного¹. Другой причиной похода казаков, как показывал Л. Н. Толстой, было отсутствие безопасных мест для их жизни. При походе в Сибирь казаки будто бы все время думали, что «назад идти – перебьют; мимо плыть – перебьют; здесь стоять – перебьют»², и только движение вперед вглубь Сибири могло спасти от неминуемой смерти.

Воздействие исторической памяти о Ермаке и его казаках сказывалось на исследованиях отдельных историков. Донской историк начала XX в. П. П. Сахаров, подготовивший к публикации статью о походе Ермака и завоевании Сибири, которая так и не была опубликована, в полной мере принимал во внимание образ ермаковых казаков как сообщества людей вольных, более всего ценивших свою независимость от властей и самостоятельность. Он в этой связи указал на то, что власти делали многое для того, чтобы «вернуть "польских" вольных казаков на службу государству». Говоря о том, что один из атаманов Ермака, Богдан Барбоша, не выехал с Яика на государеву службу в 1586 г., он указывал на недоверие казаков властям и на то, что такое недоверие имело все основания. Как «из вольницы могли поверить зазываиям феодалов ... с веревкой за спиной?», - задавал он риторический вопрос. Упоминание Сахарова о веревке было не случайным. Вышедший на царскую службу в Самару другой ермаковский атаман, Матвей Мещеряк, был повешен местным воеводой за участие в прежних разбоях³.

---

¹ Толстой Л. Н. Ермак // Собр. соч. в 22 т. М., 1982. Т. 10. С. 99–100.

² Там же. С. 102.

³ Ростовский областной музей краеведения. Отдел рукописей. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1/32. Л. 22-23.

Другой донской историк, Х. И. Попов, подчеркивал историческое значение похода казаков атамана Ермака в Сибирь и присоединения Сибирского ханства. В своей недатированной рукописи об этом событии он писал: «Покорение огромного Сибирского ханства поистине есть событие удивительное в летописях мира; так понимали его современники, так и мыслит потомство. Летописцы того времени, повествуя о великом перевороте сем, и повторяя, столь дивно слышали о победах Ермака, приписывают их руке Всевышнего ... но ... мы видим весьма близкие к тому примеры в покорении Перу и Мексики»¹. Этот отрывок интересен тем, что в нем сочетается историческая память казачества о Ермаке с сравнениями в историографии похода Ермака с испанскими завоеваниями в Америке. Х. И. Попов несомненно знал, что Н. М. Карамзин называл Ермака «Российским Пиззаро»². Отрывок характеризует особенности памяти ученого-казака на рубеже XIX-XX вв. о походе Ермака. Основой ее является историческая память казачьей среды, с которой Х. И. Попов был очень тесно связан, которая дополнялась сведениями из трудов историков.

История покорения Сибири легендарным Ермаком получила отражение и в кинематографии. Как отмечал С. С. Гинзбург, историческое кино с его появления в России представляло собой «известную просветительскую деятельность», «знакомя зрителя с героическим прошлым народов нашей родины, наглядно и порой довольно точно рисуя портреты исторических деятелей и отражая особенности исторического быта прошлых эпох»³.

В начале XX в. были сняты картины о Ермаке, одна из которых вышла в 1909 г. под названием «Ермак», другая – в 1914 г. под названием «Волга и Сибирь: Ермак Тимофеевич – покоритель Сибири». Обе картины пользовались большим успехом⁴ и оказали влияние на сохранение памяти о

¹ ГАРО. Ф. 55. Х. И. Попова. Оп. 1. Д. 90. Л. 14.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Т. 9. Стб. 226.

³ Гинзбург С. С. Кинематография дореволюционной России. М., 2007. С. 140.

⁴ Ханжонков А. А. Первые годы русской кинематографии: воспоминания. М. : Литео, 2016. С. 39; Вестн. кинематографии. 1914. № 100. С. 30–31; Ермак – покоритель Сибири // Кинема. 1914. № 15. С. 13–16.

подвиге Ермака. Возможно, кинематографический интерес к личности Ермака в период создания картин был вызван прежде всего переселенческой политикой П. А. Столыпина. Художественные картины с представлением образов и подвигов героев, присоединивших к Русскому государству новые земли, на которые теперь предлагалось переселиться, были не только понятны и близки народу. Они становились средством мотивации для участия в правительственной программе переселения.

В кинематографии сценаристами был представлен устоявшийся в художественной литературе образ казаков во главе с Ермаком, который был «разбойником, приговоренным царем к лютой публичной казни», а за подвиг свой стал «царским воеводой», «князем Сибирским»¹. Сюжет выстраивается по той же линии, что и в художественной литературе. В стремлении «у царя и добрых людей милость заслужить» за свои прежние разбойничества казаки решают «побить татар» да «завоевать Сибирь» под скипетр Ивана Грозного, в чем им помогали купцы Строгановы.

Сохранению памяти о завоевании Сибири не в меньшей мере способствовало и изобразительное искусство. История о покорении казаками Сибири во главе с Ермаком впервые визуализируется в Ремизовской летописи, которая содержит 154 миниатюры. Эти изображения, как отмечает Ю. С. Худяков, «отражают сложившееся к этому времени [созданию летописи – А. Н.] представление русских служилых людей о событиях времени похода в Сибирь военного отряда под командованием атамана Ермака»². Исследователь пишет, что миниатюры можно разбить на несколько групп изображений. Они относятся «к разным этапам существования Сибирского ханства и последующего присоединения

---

¹ Волга и Сибирь: Ермак Тимофеевич – покоритель Сибири: историч. пьеса В. М. Гончарова, перел. для кинематографа: [либретто] / АО «А. Ханжонков и К°». М., [1914]. С. 7.

² Худяков Ю. С. Анализ исторических сведений и изображений сибирских татарских воинов на миниатюрах Ремезовской летописи // Вестн. Новосибир. государств. ун-та. Сер. : История. Филология. 2013. Т. 12. Вып. 7. С. 206.

Западной Сибири к Российскому государству»¹. Несмотря на схематичность миниатюр летописи, они достаточно информативны в представлении похода Ермака и покорения Сибири. Миниатюры, дополняя текстовое содержание летописи, формируют представление не только о событийной стороне предприятия казаков. Они позволяют получить представление об образе участников события. Весьма показательны миниатюры, изображающие гибель Ермака и истязания его тела сибирскими татарами. В этих картинках масштаб изображения фигуры атамана многократно превосходит другие человеческие фигуры миниатюры. Представление Ермака великаном безусловно имело смысл, заключающийся в передаче художественными средствами величия атамана.

Немаловажное влияние на сохранение памяти о подвиге атамана с его дружиной оказывали также портреты Ермака, которые, как свидетельствует П. И. Небольсин, «благодарное потомство с благоговением сохраняет»² на протяжении многих веков, вплоть до XIX в.³ Время написания этих портретов, которые были распространены не только в Сибири, но «и в европейской части России, на Украине, в Белоруссии и даже Польше»⁴, установить сложно. Однако предположительно первый портрет атамана появился при жизни Ермака⁵.

Сохранившиеся портреты Ермака исследователи делят на несколько типов, каждый из которых был написан для определенной социальной группы. Так, описание портретов М. Н. Софроновой позволяет установить, что изображение Ермака было широко известно и распространено в разных

---

¹ Худяков Ю. С. Анализ исторических сведений и изображений ... С. 206.

² Небольсин П. И. *Покорение Сибири*. М., 2014. С. 178.

³ В XIX в. летописные изображения Ермака выступили прототипом портретного рисунка атамана, написанного учеником Академии художеств К. Брюлловым. Затем рисунок Брюллова был гравирован и стал основой для целого ряда изображений Ермака в русской книжной графике XIX в. и народной лубочной картине, а в конце XIX в. – явился одним из источников при написании В. И. Суриковым знаменитой картины «Покорение Сибири Ермаком». См.: Алексеев В. Н. Иконография Ермака // *Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1981. Вып. 1. С. 152–153.*

⁴ Софронова М. Н. О мнимом и реальном в портретах сибирского «Атамана-Князя» Ермака // *Тобольский хронограф. Вып. № 3. Екатеринбург, 1998. С. 170.*

⁵ Там же. С. 184.

слоях общества, что способствовало сохранению памяти не только о самом атамане, но и истории покорения Сибири.

Ермак, представленный на портретах, по мнению Софроновой, соответствовал исторической зарисовке атамана академиком Г. Ф. Миллером. Как писал Миллер, Ермак был «среднего роста, но сильного телосложения, широкий в плечах, имел плоское благообразное лицо, черную бороду, черные, слегка вьющиеся волосы и обладал острым взглядом»¹. Портреты Ермака позволяют составить представление не только о внешнем облике казака, но и о его физическом облике. Крепкое телосложение было свидетельством богатырского духа. Портретный образ Ермака соответствует историческому описанию атамана, представленному И. Э. Фишером, который отмечал, что Ермак «имел здоровое, твердое тело, так что мог хорошо сносить стужу и жар, голод и жажду, долговременное бдение, тяжкую работу и другие беспокойства»².

Не меньшее влияние на сохранение памяти о подвиге Ермака с его дружиной оказывали гравюры с изображением атамана, которые были написаны преимущественно в качестве иллюстрации к художественным произведениям о покорения Сибири казаками. Такие гравюры располагаются на титульном листе трагедии А. С. Хомякова «Ермак» и трагедии «Ермак» П. А. Плавильщикова.

Художники иллюстрировали не только образ Ермака, но и сюжеты, связанные с покорением Сибири. Гравюра, выполненная на стали, с рисунка А. Шарлеманя «Ермак, покоритель Сибири» изображает Ермака верхом на вздыбленном белом коне. Взгляд атамана обращен в сторону своего войска, а рука с мечом указывает путь казакам.

В «Живописном Карамзине» Б. А. Чориков представлял гравюру на тему «Послы Ермаковы Атаман Кольцо с товарищами бьют челом Иоанну

---

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. М. ; Л., 1937. С. 263.

² Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия. СПб., 1774. С. 160.

Грозному царством Сибирским 1582 г. »¹. На гравюре изображен Иван Грозный, сидящий на троне в окружении бояр, и казаки, которые преподносят царю дары Сибири. Смысловым стержнем гравюры является изображенная на переднем плане фигура человека в татарском одеянии, символизирующая падение и покорение Татарского царства. Татарин, единственный из всех изображенных фигур, преклонивший колени и голову перед русским царем, протягивающий ему «Сибирскую корону», является аллегорией вхождения Сибирского ханства в состав Русского царства. Изображение данной фигуры в соотношении с фигурами казаков и царя с боярами наилучшим образом иллюстрирует мысль Н. М. Карамзина о том, что событие приобретения «нового Царства», которое «послал Бог России», можно поставить на один уровень с событиями «завоеваний Казанского и Астраханского» царств.

В конкурсной работе С. Р. Ростворовского, написавшего в 1884 г. картину «Послы Ермака у красного крыльца перед царем Иваном Васильевичем Грозным», присутствует аналогичный сюжет о преподнесении даров царю. На картине представлен царь Иван IV, к которому с дарами обращается отряд казаков. Ростворовский, как и Чориков, среди привезенных даров изображает Сибирскую шапку, что в контексте картины является символом приведения под царский скипетр завоеванного казаками ханства Сибирского.

Другой сюжет о сибирской экспедиции казаков представлен в работе выдающегося русского художника-баталиста В. И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». Его картина вызвала глубокое чувство сопереживания казакам. Работу над полотном художник окончил в 1895 г., после чего представил картину на XXIII выставке Товарищества передвижных художественных выставок. Изображенная на картине победа над воинами сибирского хана Кучума позволила казакам овладеть сибирской столицей

---

¹ Карамзин Н. М. Живописный Карамзин, или Русская история в картинах. Ч. 2. СПб., 1838. С. 209.

Кашлык и укрепить свои позиции. Идейной основой сюжета картины является представление победы как общего дела народа. По замечанию А. Парфеновой, «отдельный герой здесь не противопоставлен народу, а тесно с ним связан; атамана Ермака не сразу можно увидеть среди сплотившихся вокруг него казаков»¹. Суриков изображал не только столкновение двух стихий и двух народов. Он представлял исторические личности, среди которых прежде всего распознаются образы Ермака, Ивана Кольцо, Матвея Мещеряка, хана Кучума. Фигуры героев художник стремится изобразить реалистичными, что не могло не оказывать глубокого влияния на формирование и сохранение исторической памяти как о самом сражении, так и об исторических персоналиях сражения. Анализируя картину Сурикова, А. О. Никологорская писала: «вот поднялся во весь рост сам атаман Ермак. На нем светлый шлем и панцирь – “зерцало”, надетый поверх кольчуги... Есаул, стоящий рядом с Ермаком, по-видимому, Иван Кольцо. У него пышные усы и серьга в ухе. Выразителен старый казак, чей профиль напоминает хищную птицу, – очевидно, Матвей Мещеряк. Он держит в руке бунчук – копье, к которому привязан конский хвост»².

Большое влияние на сохранение памяти о походе Ермака в Сибирь оказала фреска Вознесенского войскового собора в Новочеркасске, с которой в начале XX в. Ф. С. Казачинским была написана картина «Сборы Ермака в поход на Сибирь». На картине представлены группы казаков, занятые подготовкой провианта, оружия, стругов. Работой казаков руководит Ермак, фигура которого вместе с купцами Строгоновыми располагается в центральной части картины. Ермак – единственная фигура на картине, которая изображена в военном обмундировании: в шлеме и панцире, надетом поверх кольчуги. Прежде всего, такое представление атамана в контексте картины выделяет его по отношению к казачьим группам, что подчеркивает его социальное положение в казачьем обществе. Кроме того, изображение

---

¹ Парфенова А. «Покорение Сибири Ермаком». Картина В. И. Сурикова. Л., 1950. С. 8.

² Никологорская О. А. Как покорялась Сибирь // Родина. 2001. № 3. С. 105.

определенного обмундирования атамана актуализирует воспоминания о героической гибели Ермака в водах Иртыша. Историческая память об этом событии была особенно крепка в народном сознании донских казаков, что подтверждают, например, строки песни «Смерть Ермака»: «Лишивши сил богатыря // Бороться с ярою волною, // Тяжелый панцирь – дар царя // Стал гибели его виною»¹.

Кроме того, в изображении атамана присутствуют еще два символа, позволяющие представить целостную характеристику личности Ермака. Так, левая, вытянутая вперед рука атамана символизирует лидерские качества Ермака-предводителя. А изображение топора с длинной рукоятью, на который опирается Ермак правой рукой, формирует представление об атамане как о рачительном хозяине, человеке, обладающем даром не только воевать, но и созидать.

На переднем плане картины художник представляет не только главных героев событий, но и размещает пушки и бочки с порохом. Историки неоднократно обращали внимание на то, что кроме удальства казаков, не менее веской причиной их победы было преимущество в вооружении. Они прекрасно владели, как писал М. М. Щербатов, «огнестрельными своими оружиями, превосходящими луки и стрелы»². Картина Казачинского способствовала сохранению и формированию представления о боевых орудиях казаков и об использовании их в боях.

Таким образом, изобразительное искусство оказало глубокое влияние на сохранение памяти о событии и о героях покорения Сибири. Кроме того, благодаря работам художников в народном сознании сформировался детализированный визуальный образ Ермака и казаков, а также артефактов, которые стали восприниматься как символы истории покорения Сибири.

Сохранению памяти о подвиге казаков во главе с Ермаком способствовали ландшафтные объекты, которые были связаны с событиями

---

¹ Русские песни / сост. проф. И. Н. Розанов. М., 1952.

² Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1789. Т. V. Ч. III. С. 128.

похода казаков и с личностью атамана. Первые такие памятники образовались в XVI в. во время похода казаков. Ими становились различные участки природного ландшафта или рукотворные сооружения, с которыми народная память связывала историю о знаменательных событиях, произошедших во время экспедиции Ермака. О таких местах сообщал Г. Ф. Миллер, который во время экспедиции в Западной и Восточной Сибири записал местные предания и легенды¹. Он описал одну из скал на берегу реки Чусовой, которую «еще поныне показывают», «называют в память Ермака “Ермаковым камнем”»². По преданию, в этой скале атаман спрятал клад, надеясь вернуться за ним. Другим памятным местом является пункт зимовки Ермака во время первого его похода. Оно, как писал Г. Ф. Миллер, «и поныне носит название Ермакова городища»³, но, как указывает историк, было и другое место, которое «получило также название Ермакова городища»⁴. Оно находилось рядом с «небольшой речкой Жаравля». С этим местом народная память связывала пребывание в течение «нескольких недель» Ермака. По его приказу в устье реки были построены плоты, «на которых он плыл до Тагила». По свидетельству историка, сохранился и ров, вырытый по приказу Ермака с целью соединения концов дуги реки Иртыш напрямую для сокращения водного пути, который «и сейчас еще называется Ермаковой перекопью». За «Ермаковой перекопью» закрепилась трагическая слава, поскольку атаман будто бы «покончил свою жизнь у той же перекопи»⁵.

О некоторых памятных местах, связанных с походом Ермака, упоминал И. Э. Фишер. Деревня «Караульный яр» была связана с боевой славой казаков. Историк сообщал, что деревня построена на том месте, «где татары

---

¹ Новолодский, А. С. Г. Ф. Миллер о походе Ермака: у истоков научного образа // XI Машеровские чтения. Материалы Междунар. науч. -практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых / Витебский госуниверситет. ун-т им. П. М. Машерова; И. М. Прищепа (гл. ред.). – Витебск, 2017. – С. 159–161.

² Миллер Г. Ф. История Сибири. М. ; Л., 1937. Т. 1. С. 218.

³ Там же. С. 216.

⁴ Там же. С. 231.

⁵ Там же. С. 256.

стерегли Ермака», но из-за предпринятой атаманом военной хитрости были вынуждены спасаться бегством и оставить «Ермаку свободный ход», в связи чем населенный пункт и получил такое название¹. Сохранению памяти о походе казаков способствовали также «остатки» «бывшей крепости Сибири». Они, как писал Фишер, «видны еще донныне»². Под этими «остатками» он подразумевал сохранившиеся части укреплений и сооружений некогда существовавшей столицы Сибирского царства Кашлык. Народная память не могла не связывать данное место с подвигом Ермака, который его занял.

С течением времени появились новые «места памяти», связанные с развитием практики коммеморации посредством возведения памятников и барельефов государственным деятелям и прославившимся личностям Российской империи.

Первый памятник Ермаку был воздвигнут в Тобольске в годы царствования Николая I, когда в России «памятностроение» получило особое развитие³. Монумент был изготовлен по проекту академика архитектуры А. П. Брюллова и открыт в августе 1838 г. около того места, где, по летописным сведениям, Ермак утонул в волнах Иртыша. Доктор архитектуры С. П. Заварихин приводит следующее описание памятника: «Монумент представляет собой типичный для того времени четырехгранный обелиск, установленный на высоком цоколе. На вершине мыса Чукман шестнадцатиметровое сооружение не кажется большим. Но центричность и четкая геометричность форм выделяют его из окружающего пространства... Традиционные чугунные цепи вокруг памятника мягко, но прочно “привязывают” его к земле»⁴. Образ Ермака на памятнике не получил воплощения в виде особой фигуры. Однако надпись на монументе

---

¹ Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия. С. 124.

² Там же. С. 130.

³ Лапин В. В. Война памятников и война с памятниками // Россия XXI. 2014. № 1. С. 123

⁴ Заварихин С. П. В древнем центре Сибири: [архитектура Зап. Сибири по Туре, Тоболу, Иртышу]. М., 1987. С. 127.

«Покорителю Сибири Ермаку» способствовала увековечиванию памяти об атамане и истории покорения Сибири казаками.

В годы царствования Александра II память о Ермаке находит выражение в монументе «Тысячелетие России», на котором «представлены многие подлинно великие люди России»¹, сыгравшие роль в истории государства. Фигура Ермака располагается в нижней части на фризе, горельефы которого воплощают собой «идею опоры самодержавной власти на общество в лице его славнейших представителей»². Горельеф Ермака представляется воплощением образа атамана, который был жив в народной памяти и изображался в песнях и сказаниях. Наиболее точно горельефный образ Ермака описывается в исторической песни «Смерть Ермака»: «Ко славе страстию дыша, // В стране суровой и угрюмой, // На диком бреге Иртыша // Сидел Ермак, объятый думой»³.

В начале XX в. память о подвиге Ермака и его дружины решает увековечить донское казачество, в связи с чем в 1904 г. на Соборной площади Новочеркасска был торжественно открыт памятник покорителю Сибири. На гранитный пьедестал была водружена четырехметровая бронзовая фигура Ермака⁴. Памятник стал первым мемориалом с персональной скульптурной фигурой Ермака, над которой изначально трудился М. О. Микешин, а затем В. А. Беклемишев. Фигура Ермака выражает монументальный образ, наполненный глубоким смыслом. Атаман представлен не в казачьем обмундировании, а в кольчуге с золотой гривною, которая по преданию была подарена Иваном Грозным⁵. Это напоминает о великом ратном подвиге Ермака и демонстрирует признательность русского царя атаману и его казакам. Аллегоричны атрибуты в руках Ермака. В его

¹ Павлюченков А. С. Памятник Тысячелетию России / Новгор. ист. -архитектур. музей-заповедник. Новгород, 1962. С. 3.

² Антощенко А. В. Памятник Тысячелетию России // Электронная библиотека Республики Карелия. URL: <http://elibrary.karelia.ru/m1000/ideas/> (дата обращения: 07. 05. 2018).

³ Русские песни / сост. проф. Ив. Н. Розанов. М., 1952.

⁴ Кулишов В. И. В низовьях Дона. М., 1987. С. 117.

⁵ Там же.

правой руке корона Сибирского царства. В левой он держит боевое знамя. Памятник стал не только данью чести по отношению к подвигу атамана с дружиной «от благодарного потомства», но и выражением народной памяти донского казачества о легендарном герое Ермаке, завоевателе Сибири. Кроме того, как пишет М. Г. Агапов, памятник стал символом мощи донского казачества и его доминирования над местным неказацким населением¹.

В царствование Николая II был возведен еще один памятник, в котором также находит отражение память о подвиге Ермака. В 1908 г. в Иркутске на берегу Ангары был открыт памятник Александру III, на пьедестале которого совместно с бронзовыми портретами генерал-губернаторов Восточной Сибири графа Сперанского и графа Муравьева-Амурского был размещен портрет атамана Ермака. Изваянный Р. Р. Бахом бронзовый горельеф атамана точно соответствует летописному его портрету: «Бе вельми мужествен и разумен и человекен, и зрячен и высокой мудрости доволен: плосколиц, черен бородою и власы, прикудряв, возраст средний и плоск, плечист»². Фигура атамана на памятнике является прежде всего свидетельством восприятия Ермака в народной памяти того времени как «открывателя Сибири». В композиции памятника он выступает олицетворением начала овладения Русским государством сибирских земель. Кроме того, по утверждению О. Н. Вилкова, образ Ермака, вместе с образами Сперанского и Муравьева-Амурского, также являлся символом «территориально-государственной неотделимости Восточной Сибири от России»³. М. Г. Агапов рассматривает размещение портрета вольного казака Ермака в одном ряду с высшими сановниками на данном памятнике как символ демократизма сибирского общества, его внесловного характера⁴.

¹ Агапов М. Г. Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1. (13). С. 145.

² Сибирские летописи / под ред. Л. Н. Майкова, В. В. Майкова. СПб., 2010. С. 344.

³ Вилков О. Н. Памятник первооткрывателям Сибири // Памятники истории и архитектуры Сибири: [сб. ст.] / отв. ред. О. Н. Вилков, А. С. Московский. Новосибирск, 1986. С. 31.

⁴ Агапов М. Г. Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти. С. 144.

Значительное влияние на сохранение памяти о подвиге Ермака с его казаками в XVIII и XIX вв. оказало празднование двухсот- и трехсотлетия присоединения Сибири. В сибирском регионе, а также в Москве и Санкт-Петербурге дни празднования были ознаменованы многочисленными торжественными мероприятиями.

Одним из главных мероприятий в «Сибирские дни» стало служение праздничных литургий в столичных и сибирских храмах при большом стечении народа. Как сообщал К. Голодников, в Тобольском кафедральном соборе протодьякон воспел вечную память Ермаку Тимофееву с соратниками его¹. Такие молитвы были прочитаны и в других храмах страны, где служились праздничные литургии. Во время богослужений также были произнесены и проповеди, в которых более пространно и доступно для мирян повествовалось о деяниях Ермака и значении его подвига для истории России. Так, в «Слове» на день 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России», произнесенном в Кафедральном соборе Томска в 1882 г., образ Ермака приводился как пример жизненных сил, энергии, ума, удали, отваги и неустрашимости, направленных на «службу Царю и Отечеству»². В этом же «Слове» дружина Ермака представляется образцом мудрости и смирения, заслужившая прощение за «прежнюю греховную жизнь» через труды и испытания, результатом которых стало событие «всемирного значения» – «покорение Сибири»³.

Празднование трехсотлетнего юбилея ознаменовалось и выходом серии статей, посвященных истории колонизации Сибири⁴. Так, в 1882 г. вышла статья Н. М. Каткова, в которой подвигу Ермака с дружиной дается самая высокая оценка, а герои событий представляются отображением истинного

---

¹ Голодников К. Город Тобольск и его окрестности. Тобольск: 1886. С. 20.

² Слово в день Тезоименитства Его Императорского Высочества, Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича и празднования 300-летнего юбилея времени присоединения Сибири к России (произнесено в Томском кафедральном соборе 6 декабря 1882 года) // Томские епархиальные ведомости. 1 января 1883. № 1. С. 17.

³ Там же. С. 16.

⁴ Шиловский М. В. Празднование «Сибирского дня» в дореволюционный период // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 13.

русского «народного духа». Как писал Катков, казаки «не для себя, не для своей славы или корысти так самоотверженно бились и гибли». Они это совершали «во исполнение долга, с верою в Бога, в уповании, что служат великому делу»¹. По оценке Каткова, «начало, положенное их доблестью и запечатленное их кровью», имело «великое» значение для России и Сибири².

Имя Ермака было популяризировано в народном сознании благодаря тому, что в честь атамана были названы воинские формирования, транспортная техника, средства массовой информации и т. д.³ Эти способы коммеморации способствовали сохранению исторической памяти о Ермаке и о подвиге его и казаков.

Таким образом, историческая память о «взятии Сибири» и Ермаке стала формироваться с момента свершения события, прежде всего под влиянием воспоминаний очевидцев и деятельности священнослужителей, после чего получила фиксацию в сибирском летописании. Затем именно под влиянием сибирского летописания в сознании народа был сформирован легендарный образ атамана и его казаков, которые стали восприниматься героями, покорившими Сибирское царство. Формированию такой оценки способствовал фольклор, в котором образ казаков практически не отличался от их изображения в сибирском летописании. В дальнейшем на сохранение памяти о Сибирском походе казаков значительное влияние оказывали литературные и кинематографические работы, которые повторяли сюжеты и оценки сибирского летописания. Сохранению памяти о «взятии Сибири» способствовали полотна художников, которые позволили сформировать визуализированное представление о Ермаке и сюжетах борьбы казаков за Сибирь.

В XIX и начале XX в. важную роль в сохранении исторической памяти об экспедиции казаков сыграли ранее образованные памятные места,

---

¹ Катков М. Н. Москва, 9 декабря // Московские ведомости. 1882. декабрь 10. №. 342.

² Там же.

³ См.: Ермак – гордость России: краткий исторический справочник / под ред. Г. С. Зайцева, В. И. Степанченко. Тюмень, 2016.

связанные с историей покорения Сибири, и возникшие новые памятные места, особенно памятники с изображением Ермака. Существенное влияние на формирование и сохранение исторической памяти о присоединении Сибири Ермаком оказали празднования юбилейных дат.

Выводы по главе

Историческая память о борьбе с крымскими татарами прежде всего нашла отражение в летописании. Борьба как с крымскими татарами, так и с казанскими, представлена в летописях вынужденной мерой, поскольку они стремились завоевать Русское государство. В летописях зафиксированы образы крымских татар и их правителей, которым дается негативная оценка. В целом же борьба с крымской стороной, по свидетельству летописцев, носила справедливый характер и воспринималась в одних случаях как вынужденная оборонительная мера, в других – как возмездие за разорение русской земли, кровь русского народа и попрание национального достоинства.

Выразителем исторической памяти служилой аристократии о борьбе с Крымом, как и в случае с Казанью, стал А. М. Курбский, оценки и суждения которого сходны с официальной точкой зрения, за исключением некоторых представленных тенденциозных взглядов, объясняющихся целью написания сочинения.

Народная память о борьбе с крымскими татарами нашла отражение в фольклоре, и прежде всего в исторических песнях, в которых народ запечатлел образ русского воина. В песни вошло и имя героя, которого народ чтит защитником русской земли от крымских татар, как, например, в случае с Михаилом Воротынским.

В последующие века сохранению исторической памяти о борьбе с крымскими татарами в наибольшей степени способствовали произведения литературы и живописи, а также архитектурные и ландшафтные памятники.

Историческая память о борьбе с Крымом не угасла, поскольку была актуальна для русского общества. В XVII в. войны с Крымом продолжались, а в XVIII в. Крымское ханство вошло в состав Российской империи.

В XIX в. колоссальное влияние на сохранение исторической памяти о событиях и героях борьбы с крымскими татарами оказывали театральные постановки художественных литературных произведений.

Историческая память о «взятии» Сибири Ермаком первоначально получила отражение в сибирском летописании, в то время как в годы царствования Ивана Грозного московские летописцы «взятие» Сибири признавали исключительно царским делом, никак не упоминая об экспедиции казаков в Сибирь.

Народное восприятие подвига казаков во главе с Ермаком нашло выражение в фольклоре, прежде всего, в преданиях и исторических песнях. Под воздействием восторженного психоэмоционального настроения и воспоминаний ветеранов-участников, образ казачьего атамана Ермака в народном сознании был трансформирован: из исторического персонажа в мифологического героя, сопоставляемого с былинными героями.

Сохранению памяти о «взятии» Сибири Ермаком в последующий период способствовала художественная литература и кинематография, на которые глубокое влияние оказала «История государства Российского» Н. М. Карамзина, изобразительное искусство, места памяти, а также празднования юбилейных дат в честь присоединения Сибири к Русскому государству.

Глава 4. Ливонская война в русской исторической памяти

4. 1. Сюжеты Ливонской войны в русской исторической памяти

Ливонская война в истории России – состоявшийся факт, но для потомков и современников событий она существовала и существует лишь постольку, поскольку они ее помнят или, как уточняет Л. П. Репина, «представляют себе», так как речь идет не о своих воспоминаниях, а о фантомах социально-культурной памяти и прочих образах в историческом сознании¹.

Важнейшим источником по истории Ливонской войны стали русские летописи. По ним складывался образ войны, поскольку они дают наиболее полную картину действий русского войска как до похода Ивана IV в Ливонию в 1577 г., так и во время военных операций. Эта война, вероятно, стала последним крупным военным конфликтом, который отражен в русских летописях².

Летописи, как и другие жанры русской средневековой литературы, развивались параллельно со средой, в которой они создавались в качестве главного носителя политической и общественной мысли. Летопись к началу XVI в. развивается как жанр, в процессе активной переработки предшествующих летописей. В ней систематизировался материал из документов, дневников, других источников и трансформировался в историческое повествование³.

Летописи стали основой формирования у последующих поколений русской исторической памяти о войне. В них содержится фактический

---

¹ Репина Л. П. Образы и символы прошлого в традиции историописания и политике памяти // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Пятигорск, 18–20 окт. 2017 г.). Ставрополь ; Пятигорск, 2017. С. 126.

² Смирнов Н. В. Ливонская война и города Ливонии // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. : сб. науч. статей. М., 2010. С. 459.

³ Морозов В. В. Лицевой свод и русские летописи XVI века: автореф. дис.... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 16–17.

материал. Это названия крепостей, городов и замков, места расположений и продвижений русских войск, общее описание ситуаций. Без этих сведений не обойтись при ретроспективном формировании картины событий. С другой стороны, летописи, как правило, отражали лишь официальную версию Ливонской войны. Ее описание «упиралось» в канон «Степенной книги», наиболее ранней летописи, из всех сообщавших об этой войне.

«Степенная книга царского родословия» стала первым концептуальным обобщением истории России до 1550–1560-х гг. Авторы летописи не только обращались к народной памяти как к одному из источников, но и формировали ее сами.

«Степенная книга» была составлена на базе летописей, хронографов, житий святых, легенд о чудотворных иконах, а также литургических текстов и представляла собой компиляцию. Ее, вероятно, нельзя считать летописью в полном смысле слова. Она должна была обосновать богоустановленность власти дома Рюриковичей. Задолго до Н. М. Карамзина русская история здесь была расписана «по царствованиям» – ступеням («степеням»). Последней, XVII ступенью русской истории, стало правление Ивана IV.

Ливонская война отражена в 18-й главе «О многочисленной победе на ливонские немцы и о взятии градов Ругодива, и Юрьева, и Ракобора, и Велида и иных многих»¹. В ней описаны события с январского похода 1558 г. до взятия Феллина летом 1560 г., победы русского войска в Ливонии. Записи ограничивались перечислением захваченных городов, уничтоженных посадов и сел и уточнением числа пленных². На этом изложение хода войны в книге заканчивается. Говоря о событиях 7071 года (1563 г.), «Степенная книга», не проводя связи с ранее освещаемыми событиями, сообщала, что Иван IV за «враждование и неисправление» наказал литовского короля, отобрав у него Полоцк, являвшийся «древним Отечеством»³ русского царя.

¹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 380–389.

² Там же. С. 386.

³ Там же. С. 388-389.

Таким образом, «Степенная книга» формировала успешный образ царя-победителя, ограничиваясь победным периодом военных действий. При этом у читателя должно было сложиться представление о полной обоснованности московских претензий к Ливонии и Литве. Официальный статус «Степенной книги», выходявшей под руководством митрополита Макария, определял церковно-государственную интерпретацию событий, равно как и характер их изложения. Так, взятие Ругодива 11 мая 1558 г. «Степенная книга» связывала с чудом обретения в пожаре нескольких неопалимых икон¹, чему нет никакого достоверного документального подтверждения. Сведения летописи для народной памяти приобретали характер официальной установки.

Последующие русские летописи (Никоновская, Александро-Невская и др.) следует признать компиляциями. А. С. Усачев предполагает, что рассказ о событиях в Прибалтике конца 1550-х гг. в русские летописи был вставлен позже. Вполне вероятно, это могли быть летописные заметки А. Ф. Адашева². Здесь погодное изложение событий начала войны с Ливонией в целом совпадает с текстом «Степенной книги».

В Никоновской летописи говорилось о жестокости русского войска в Ливонии. Буднично описывалось взятие городов и городков, в которых «побили многих, и посылали головы во многие места и подо многие городки, и посады пожгли и людей многих побили»³, при этом бесстрастно соотносились большие потери местного населения и малые потери русских войск⁴.

Летопись сообщала о дипломатической переписке царя с магистром Ливонского ордена. В ней говорилось об «опасных грамотах» для ливонских послов, грамотах для русских воевод из Ивангорода, об обстановке на

---

¹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 385.

² Усачев А. С. Степенная книга и Ливонская война // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., 2010. С. 292–301.

³ Там же. С. 289.

⁴ Никоновская летопись. С. 290.

сопредельных землях¹. Сообщалось о взятии ряда городов². Говорилось о предложении царя магистру в декабре 1559 г. подчиниться. Указывалось, что Иван Грозный при этом призывал не проливать христианскую кровь³. Не дождавшись «отписки», в январе 1560 г. он послал своих воевод на Ригу.

Далее, как сообщала летопись, в конфликт вмешалась Литва. В февральских известиях дается информация о приходе в Москву литовских послов, которые прося «вечного мира» спрашивали о «немцах ливонских, чтобы им царь великий князь гнев свой утолил и воевати не велел»⁴. «Гнев» упоминался не случайно. Летописец писал, что захваченные городки русские воеводы выжгли; наряд, колокола и прочее имущество вывезли⁵.

В сентябре 1560 г., по сведениям Никоновской летописи, из Юрьева воеводы доносили, что «магистр Ливонский собрался с людьми своими и заморских немец нанял и, не дождавша срока... пришел в государеву землю в Юрьевский уезд в Сангатьскую мызу войною»⁶. Тогда Иван IV направил туда своих воевод.

Согласно летописи, зимой 1560 г. на территории Ливонии русские войска регулярно вступали в бои с отрядами епископа и в то же время продолжали завоевывать новые города, что беспокоило Литву, которая требовала от Москвы остановить военные действия в Ливонии⁷. Иван IV дал им традиционный ответ: «Ливонская земля изначально государей наших данщики». В марте 1562 г. Литва вступает в войну. В апреле того же года царь выступил против литовских войск, были взяты литовские города Орша, Дубровна и Мстиславль⁸. Так начался новый этап Ливонской войны.

В целом, Никоновская летопись детально отражает события Ливонской войны, представляя официальную точку зрения российской стороны.

¹ Никоновская летопись. С. 291.

² Там же. С. 305–307.

³ Там же. С. 314.

⁴ Там же. С. 317.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 320.

⁷ Там же. С. 323.

⁸ Там же. С. 341.

Летопись содержит богатый фактологический материал. В ней много дат, персоналий, деталей и оценок событий. Кроме того, в ней излагалась актуальная историческая концепция православной церкви. Заметно, что церковники вольно обращались с событиями прошлого, творя при этом новые «исторические воспоминания»¹.

События 1558–1567 гг. с официальных позиций описаны в Лицевом летописном своде (далее – ЛЛС), созданном между 1568–1576 гг.² Свод дает описание только первого этапа Ливонской войны. В описании обосновывалась позиция «заказчика», Ивана Грозного³. На историческую память оказали влияние не столько тексты, сколько миниатюры, которые с XVIII в. стали широко известны и применялись как иллюстрации или модели в изобразительном искусстве⁴.

Документы по истории Ливонской войны органично входили в состав ЛЛС, «утяжая» его композицию. Так, известие, которое ранее занимало в летописи несколько строк, трансформировалось в подробный рассказ. В этом смысле ЛЛС отразил тенденцию проникновения документального в повествовательное (хронографическое) содержание летописи. Авторы летописи, заимствуя информацию о войне у предшественников-летописцев, отмечал С. А. Морозов, сами лишь компилировали материал, объединяя фрагменты⁵. В то же время повествование ЛЛС клишировано. Информация о походах на города Аскилус, Поркель, Ругодив и др. сводится к формуле: «под город пришли, посад сожгли, убили многих людей, взяли много

---

¹ Гальперин Ч. Переписывая историю: Никоновская летопись о взаимоотношениях Руси с Ордой // *Rossica Antiqua*. 2010. № 2. С. 161.

² См.: Морозов В. В. Лицевой свод и русские летописи XVI века: дис... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 165–176; Альшиц Д. Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // *Исторические записки*. М., 1947. Т. 23; *Он же*. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // *Тр. Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шедрина*. Л., 1957. Т. 1 (IV).

³ Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 147.

⁴ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: к истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 89.

⁵ Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30–70-х гг. XVI века: автореф. дис... канд. ист. наук: (07. 00. 02). М., 1979. С. 12.

пленных и рухляди»¹. Из летописи явно следует карательный, устрашающий характер русской военной экспедиции, приведенной для принуждения магистра и епископа к исправной уплате дани.

В местном летописании информативна Псковская III летопись, включившая в себя свод 1567 года. Здесь война в Ливонии (1558–1567 гг.) интерпретировалась с точки зрения псковичей и в значительной мере способствовала сохранению образа войны в русской народной памяти.

Псковские летописи по своему содержанию были преимущественно деловыми хронографами. Они описывали события местного масштаба, которые при анализе, в частности Ливонской войны, приобретали общерусское значение². Конфликты с Ливонским орденом ещё в XIII–XIV вв. занимали центральное место в местных летописях. В основном это события, которые глубже всего отражались в народной памяти – «розратия», пожары, голод, поборы и грабежи, нападения ливонцев на Псковскую землю³.

Псковский летописец описывал трудности русского войска и его неудачи. При изложении событий Ливонской войны Псковская летопись⁴ опиралась на народную память и ее же формировала. Такое положение обусловлено «народным» характером этой летописи, которая создавалась в русле городской традиции и отражала позицию местного населения на события, затронувшие их город.

Оборона Пскова оставила в историческом сознании русского народа глубокий след. Так, в память об осаде была написана целая серия почитаемых икон, в основном на тему чудесного «заступления» от захватчиков⁵.

¹ Лицевой летописный свод XVI в. Кн. 22: 1553–1557 гг. С. 457, 461, 465, 470.

² Андреев Н. Е. О характере III Псковской летописи // *The Religious World of Russian Culture*. Hague; Paris, 1975. Vol. 2. P. 124–125.

³ Псковская летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000., С. 98–99, 103, 104.

⁴ До 1581 г. активные боевые действия на псковской земле не велись. Конфликт Ивана Грозного и Стефана Батория привел к польской осаде Пскова. Город выдержал полугодовую осаду и десятки штурмов, приступов и подкопов. См.: Купиш Д. Русско-ливонское пограничье в стратегических планах Стефана Батория в 1578–1582 гг. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1 (15). С. 69.

⁵ Ткачева Н. Образ Пскова // Псковский летописец: краеведч. альм. 2010. Вып. 2 (3). С. 98, 102–103.

Сопоставляя московские и псковские летописи, следует подчеркнуть бóльшую объективность последних. Их написанием исторически (в вечевой период) руководили выборные на народном вече и сменявшие друг друга посадники, которые не имели возможности, времени, а чаще всего и цели создавать свой культ. После ликвидации независимости и присоединения к Москве Пскова традиция объективности псковского летописания не была утрачена.

В Соловецком летописце (1580-е годы) Ливонская война описана подробно с 1574 г. с перечнем боевых действий и воевод. Более детально отражены походы Ивана IV 1578 г. «в Курланскую землю и в Латыгорскую и в Литовскую», описано взятие 27 городов, названия которых перечислены. Описана военная компания 1579 г. и 1580-х гг., боевые действия у Полоцка, где погибло несколько государевых воевод, а «бой был добре крепок». В то же время «литовских людей и немецких побито и погорело в приступех в четверо русково»¹. Летопись описывает поход на Вильно и ситуацию с Великими Луками, которые были взяты литовским королем, но в результате примирения отданы назад Ивану IV, а потом вновь заняты литовцами.

Особое внимание Соловецкий летописец уделил датированной летом 7090 г. 25-недельной осаде Пскова литовским королем Степаном Оботуром (Стефаном Баторием). Летописец отмечает мастерство и героизм защитников на «проломных местех». Особо выделся В. Ф. Скопин-Шуйский. Итог осады изложен лаконично: «И король ото Пскова и прочь пошол»².

В летописях XVII в., по мнению А. С. Листковой, история войны искажалась. Исходное значение и смысл информации о событиях замещались вторичным знаком. Форма события сохранялась, но смысл трансформировался в зависимости от актуальной на данный момент

---

¹Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М. ; Л., 1951. С. 241.

²Там же. С. 228.

политической конъюнктуры, в соответствии с которой государство и церковь моделировали свою картину исторической ретроспективы¹.

В Пискаревском летописце (начало XVII в.)² при описании взятия Полоцка внимание летописца в основном сосредоточено на видных исторических личностях, таких как Шуйский, Малюта Скуратов и другие. Сведения, приводимые Пискаревским летописцем, ценны тем, что он не испытывал идеологического давления. В нем использованы официальные летописи как источники³. Однако имелась критическая оценка сведений летописца. А. А. Зимин полагал, что информация Пискаревского летописца «свежая, хотя и не всегда точная»⁴.

Я. Г. Солодкин указывал на то, что рассказ о Ливонской войне в Пискаревском летописце⁵ восходит к «разрядам», причем не прямо, а посредством других летописцев, их использовавших⁶. Сведения Пискаревского летописца малоинформативны для отражения, формирования и сохранения исторической памяти о Ливонской войне.

Московский летописец составлялся в 1635–1645 гг. Первым упоминанием было привезение в Москву тела В. И. Шуйского, последним – кончина царя Михаила Федоровича.⁷ Он был составлен на основе разных источников. Это были разрядные книги, митрополичье и патриаршее летописание и другие источники. В нем подробнее излагались походы и события Ливонской войны после 1572 г., перечислялись места боевых действий и воеводы полков. Летописец не проставлял даты, хотя в отдельных случаях давал подробное описание, повторяя то, что было

¹ Листкова А. С. Идентификационные мифы как модификации исторической памяти. С. 13.

² Пискаревский летописец представлял собой компиляцию Воскресенской (события до 1541 г.) и Никоновской летописей.

³ Хазанова С. И. Официальное и неофициальное летописание в составе Пискаревского летописца // Вестн. РГГУ. Сер. : История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2008. № 4. С. 169.

⁴ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 75.

⁵ Пискаревский летописец. С. 192–193, 195–197, 202, 204.

⁶ Солодкин Я. Г. О проблеме использования источников в Пискаревском летописце и своде Исидора Сназина // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996. С. 188–189.

⁷ Относительно краткий летописец, содержал сведения от начала княжения Ивана III (без датировки) до 1600 г. См.: Буганов В. И., Корецкий В. И. Неизвестный Московский летописец XVII века из Музейного собрания ГБЛ // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1971. Вып. 32. С. 127–129.

известно по другим летописям. Он был необъективен и ангажирован. Так, описывая окончание войны, он представлял ее чуть ли не русской победой. Поэтому «Московский летописец» следует рассматривать прежде всего как выражение официального мнения о Ливонской войне.

В целом это характерно для большинства поздних летописей XVII в. Проявлялось это в Патриаршем летописном своде. Он составлялся в 1652 г. и являлся лаконичной «выжимкой» ранее широко известных общерусских статей, представленных в более полном варианте крупных летописных сводах времени Ивана Грозного. Как в этой связи считал А. В. Лаврентьев, источник Патриаршего свода определить затруднительно¹. Свод также содержит «пророчество» императора Максимилиана II о ливонских завоеваниях Грозного², ставшего продолжением политических спекуляций на тему грамот Максимилиана I. Грамоты использовались сначала Иваном IV в 1555 г. для доказательства своего царского титула, а затем Петром I в 1718 г. для обоснования императорской власти³. Осада Пскова Стефаном Баторием в Патриаршей летописи дана в официальной оценке. В ней подчеркивалось торжество православия, причем особо указывалось на бегство неприятеля. Последнее событие из истории Ливонской войны в летописи было помещено под 1588/1589 гг. и связано с походом Федора Ивановича под Ругодив. Военные действия оправдывались в летописи «неправдой» и «непокорством» шведского короля. Летописец, изображая царя Федора «праведным и щедрым», обосновывал заключение мира нежеланием дальнейшего пролития крови.

---

¹ Лаврентьев А. В. Свод 1652 г. – памятник русского летописания XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 11.

² В 1576 г. император в поиске союзников против Осман предлагал Ивану IV престол и титул «Восточного цесаря». В «пророчестве» императора шла речь о перспективе русских завоеваний в Ливонии. Смысл был в том, что завоеванные города могут быть утрачены, но потом вместе с землями навечно будут закреплены за Москвой.

³ Наличие такой грамоты отрицал С. Герберштейн, который по легенде ее же и доставил. См.: Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 77.

Это не помешало в 1718 г., к близкому окончанию Северной войны, «случайно» найти грамоту в архивах и ознакомить с ней иностранных послов для обоснования готовившегося императорского титула Петра I. См.: Погосян Е. Петр I – архитектор российской истории. СПб, 2001. С. 201–202.

Таким образом, официальное летописание формировало в основном парадную, победную или, по крайней мере, выгодную для власти и церкви картину прошлого.

«Живая память» о Ливонской войне нашла отражение в «Повести о приходе Стефана Батория под град Псков». «Повесть» была сочинена очевидцем событий, иконописцем Василием. Она представляет описание событий от намерения Стефана Батория пойти на Псков до «учинения» мира.

«Повесть» сообщает об успешном «царском подъеме на Вифлянскую землю»¹, т. е. походе Грозного на Ливонию в 1577–1578 гг. Затем автор лаконично описывает наступление польско-литовских сил, после чего шло описание осады Пскова. Хронологические рамки «Повести» в основном определяются 1581–1582 гг. Манера автора витиевата, риторична и соответствует стилю русского героического эпоса. В. И. Охотникова обоснованно полагает, что автор специально выбрал этот стиль в целях героизации событий².

Наибольший интерес представляют те сообщения, которые могли бы вызвать чувство сопереживания у читателя. Они оказывали большее эмоциональное воздействие на сознание, что в свою очередь способствовало сохранению в памяти определенных сюжетов из истории обороны Пскова. В этой связи важно сообщение автора «Повести» о залпе «из великия пищали из Барса», отбивший натиск литовских воинов. Это позволило предотвратить, казалось бы, неминуемую катастрофу разгрома Пскова. Не меньше чувств сопереживания могло вызвать и сообщение об участии женщин в битве за город. Псковитянки оставили «немощи женские и в мужскую крепость оболкшеса, и все вскоре кождо из своихъ дворов и кияждо противу своя силы оружие носяще». Они отправились «къ проломному месту и ту великое пособие и угодие воинским крестьянским людем

---

¹ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. С. 536.

² Охотникова В. И. Вступительная статья к «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» // Электронные публикации Ин-та русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. – URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=10585> (дата обращения: 01. 12. 2018).

показа»¹. Интерес могло вызвать разоблачение козней канцлера Яна Замойского. Рассказывалось, что он хотел самодельной бомбой подорвать руководителей обороны Пскова². Как отмечал А. И. Филюшкин, сюжет подрыва псковских воевод был популярен в Европе³.

Нет доказательств того, что автор был близок к И. П. Шуйскому или пользовался какими-либо документами военных или города. Поэтому В. И. Охотникова относит «Повесть» к художественным произведениям, считая ее по идеям и эстетическим достоинствам – «одним из лучших памятников древнерусской литературы на военную тему»⁴. Это свидетельствует, прежде всего, о том, что в основе «Повести» лежит народная память. Талантливо и точно закрепленная в форме «Повести» народная память об осаде способствовала формированию и сохранению исторической памяти об этом событии.

История обороны Пскова сохранилась в исторических песнях. Это единственный эпизод Ливонской войны, нашедший отражение в песенном фольклоре. Пояснить такую сюжетную избирательность фольклорных произведений можно отсутствием интереса у населения к войнам, в частности, к их завершению, особенно это касалось удаленных боевых действий. Наступление на Псков нашло отражение в исторической памяти псковичей, потому что это событие было им близким. Нашествие врага оказало глубокое влияние на сознание и чувства народа, вставшего на защиту Пскова.

Сюжет песни «Оборона Пскова от Стефана Батория», посвященной героическим событиям 1581 г., начинается с наступления короля Стефана Батория. Направляясь к Пскову, он «Полотский-город мимоходом взял», после «Великие Луки» «насквозь прошел». Лишь потом он «подходил» под

---

¹ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. С. 580.

² Там же. С. 603–604.

³ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. С. 91.

⁴ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. С. 348.

«Опсков-град», близь которого «становился, собака, в зеленых лугах»¹. Затем в песне сообщается о предложении Стефана Батория сдать город без боя. На это воевода отвечал: «Не отдам я тебе города без бою, // Без бою и без драки великия, // И без того уголовия смертного!»². Такое предложение от короля действительно поступало псковичанам, о чем свидетельствует «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Но поступило оно не сразу, а после ряда неудачных сражений. Автор «Повести» писал, что «король же повеле во Псков к бояром и к воиводам грамоты писати», в которых призывал горожан «покоритесь» и сдать город «безо всякия крови» в обмен на жизнь и милости от короля, на что он получил отрицательный ответ³.

В одном из вариантов песни сообщается, что после отказа воеводы сдать город начинаются боевые действия. «Становился, собака, за три поприща // До самой матери пресвятой богородици, // И наводит, собака, по семи золотым маковицам»⁴, - говорилось в песне. Когда, как сообщала «Повесть», Стефан Баторий занял «угол града от Великия реки, от Покровских ворот», чтобы «сие место из норяду розбив и тако взяти град Псков»⁵, началась оборона Пскова. Завершается песня тем, что воевода псковский «побил силу королевскую». Король «насилу» едва успел скрыться, «заклиная», – «Не дай, боже во Руси побывать, // Ни детям моим и ни внучатам, // И ни внучатам, и ни правнучатам!»⁶. Песня об осаде Пскова содержит факты, соответствующие реальным событиям. В ней имеются типично фольклорные элементы, например, сюжет, повествующий о герое (Стефане Батории), который «похваляется» взять город (Псков), но после своего поражения он обещает больше не ходить на русскую землю. Такой мотив можно встретить и в других формах фольклора. В песне об осаде Пскова присутствует религиозный мотив, представленный в сюжете,

¹ Цит. по: Тюрин А. Война и мир Ивана Грозного. М., 2009. С. 235.

² Там же. С. 236.

³ Повести о приходе Стефана Батория на град Псков ... С. 588.

⁴ Исторические песни XIII–XVI веков. С. 470.

⁵ Повести о приходе Стефана Батория на град Псков ... С. 562.

⁶ Исторические песни XIII–XVI веков. С. 469.

повествующий о чудесном изменении траектории ядра, нацеленного на псковские церкви. Согласно песне, «Обернулося ядрышко свинцовое, // А Степану королю в груди черная»¹. Эту песню можно отнести к живой памяти русского народа. Она возникла во время осады Пскова и передавалась из поколения в поколение.

Историческая песня, как знаковая и существенная часть русской исторической памяти, заняла свое место в ряду аналогичных военно-исторических песен, ставших откликом на военные действия, которые вело Московское государство в XVI в. При изображении войн выработалось текстовое песенное клише. В нем видны следующие элементы: выступление войска (наступление врага) – боевые действия – победа или поражение. Эта форма позволяла оперативно откликаться на текущие военные действия².

Военно-исторические песни³ можно считать отражением народной исторической памяти о событиях. В XVI в. главной целью сочинителей было стремление запечатлеть историю произошедших событий, хотя и посредством устоявшихся художественных форм в фольклоре. В этом смысле следует согласиться с М. С. Родионовым, который отмечал, что параллельно с эволюцией фольклорного песенного жанра и под его влиянием шел процесс историзации народного сознания⁴.

Сохранению и репрезентации сюжетов исторической памяти о Ливонской войне способствовала художественная литература. В основном авторы показывали образ царя, отражая его актуальную на момент написания произведения оценку в общественной мысли. Существенно реже в литературных произведениях описаны события войны.

¹ Исторические песни XIII–XVI веков. С. 471.

² Родионов М. С. Отдельные исторические песни XVI века как этап эволюции жанра // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 1998. Вып. 2. С. 29.

³ Другим направлением стали лирические песни, ставшие в основном эмоциональным откликом на репрессии и опричнину, а также личную жизнь Ивана Грозного. Особенно часто представлены сюжеты о смерти царицы Анастасии и убийстве царем своего сына. См.: Соколова В. К. Русские исторические песни XVI века (эпохи Ивана Грозного) // Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. М., 1951.

⁴ Соколова В. К. Русские исторические песни XVI века (эпохи Ивана Грозного). С. 29.

В историческом романе А. Андреева «Иоанн Грозный и Стефан Баторий» Ливонская война представлена как борьба за овладение берегом «моря Балтийского», чтобы исполнить желание русских князей «войти в тесные сношения с Европою»¹. Андреев следовал за концепцией Ливонской войны, представленной Н. М. Карамзиным, в связи с чем писатель для объяснения неудач после блестящего начала приводит отрывок из IX тома «Истории государства Российского». В нем Карамзин подчеркивал, что «причиною собственного унижения» Ивана Грозного «пред соперником своим Стефаном Баторием» были действия царя, который «людей, нужных для славы отечества», предал рукам палачей.

А. Андреев приводил несколько сюжетных линий из истории Ливонской войны, которые преимущественно связаны с периодом противостояния царя и короля. В романе говорилось о взятии Полоцка, защитникам которого после сдачи города было дозволено «с оружием и достоянием возвратиться в Отечество». Но допускалось, что они могли вступить в службу польского короля «в надежде большой награды»². Говорилось об осаде Сокола, на который «поляки, под предводительством Курбского» устремились сразу же после занятия Полоцка. Достаточно подробно описал автор оборону Пскова, упоминая даже о попытке Замойского ликвидировать при помощи хитрости главного воеводу города - князя И. П. Шуйского. Андреев отмечал, что осада Печерского монастыря по замыслам Стефана Батория должна была ободряюще подействовать на польское войско после поражения под Псковом, так как король считал взятие монастыря «легким завоеванием». Однако монахи и находившийся в монастыре отряд Нечаева вместе с женами воинов и их детьми отразили натиск, и «немцы побежали, а венгры, коих было гораздо менее, почти все пали»³.

¹ Андреев А. Иоанн Грозный и Стефан Баторий: исторический роман. Ч. 1. М., 1834. С. 14–15.

² Андреев А. Иоанн Грозный и Стефан Баторий: исторический роман. Ч. 2. С. 85–86.

³ Андреев А. Иоанн Грозный и Стефан Баторий: исторический роман. Ч. 4. С. 7.

По-своему Андреев представлял окончание Ливонской войны. Царь был устрaшен посланием Антонио Поссевино, предупреждавшего о последствиях, если «Ливония и волости Полоцкие» не будут признаны за литовским королем. Тогда «храбрые и многочисленные полки» Батория уже весною окажутся «под стенами столицы»¹. На Боярской думе под давлением Ивана Грозного было принято решение «отдать Ливонию, удержавши некоторые города, но только в крайней необходимости», Полоцк же сохранить за государем, поскольку сдать «будет постыдно»².

Согласно жанровому закону художественных произведений Андреев представляет вниманию читателя не только авторскую оценку событий, но и образы их участников. Довольно привлекателен был образ Стефана Батория, который наделялся благородными качествами. Как писал Андреев, это был мужчина высокого роста, одаренный настоящей «царскою наружностью»³, которого отличал «ум великий», благодаря которому король смог наладить взаимоотношения с султаном, а во вверенном мятежном государстве «водворить мир и спокойствие». Андреев также подчеркивал, что королем Баторий стал благодаря «собственным достоинствам», и заключал, что такой король нужен был полякам. Но поляков Андреев представлял народом необразованным и бедным⁴.

Андреевым был создан положительный образ русских воевод. И. П. Шуйский и В. Ф. Скопин-Шуйский показаны как воеводы, наделенные «мужеством», «храбростью», готовностью «до самой смерти» воевать за русскую землю. Под предводительством Шуйских народу удалось отстоять Псков, который, по рассуждениям Андреева, в глазах противника выступал ключом «к завоеванию Ливонии»⁵. Б. В. Шеин, руководившей обороной Сокола, во время осады города «мудрыми распоряжениями, примерным

---

¹ Андреев А. Иоанн Грозный и Стефан Баторий: исторический роман. Ч. 4. С. 8.

² Там же. С. 15–16.

³ Андреев А. Иоанн Грозный и Стефан Баторий. Ч. 2. С. 15.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же. С. 20.

мужеством и вылазками удивлял и неприятелей и своих». Он «был везде, где была опасность», и погиб истинным героем, пав от палицы «изменника» Курбского, который воевал на стороне литовского короля¹. Защитников Полоцка – князей Телятевского, Волынского, Щербатова и дьяка Ржевского – Андреев называл воеводами «мужественными» и «решительными». Но он подчеркивал, что были они «неискусные в деле ратном»², в результате чего произошло падение Полоцка. Это было не удивительно, поскольку противник был сильнее, а король Стефан был хорошим полководцем³. Автор создал героический образ защитников Смоленска – воеводы Ногтева и князя Мосальского, а также молодого воеводы Нечаева, спасшего от гибели Псково-Печерский монастырь.

Российские литераторы восстанавливали в народной памяти страницы Ливонской войны нередко с весьма неожиданной стороны. Так, Ф. В. Булгарин в романе «Падение Вендена»⁴ повествовал о героической обороне ливонцами замка Венден. Он раскрывает событие со стороны, которая в российском обществе стала известна благодаря этому произведению⁵. Весьма неожиданно на фоне жестокости русского войска, а особенно «толпы свирепых татар, бывших в войске Иоанна», «дикарей», Булгарин оттенял «героический подвиг защитников замка», которые «славную смертью» смогли «оставить по себе память». Здесь явно отразилось то, что называется «дикой азиатчиной» Ивана Грозного, который рассчитывал расправой над Венденом утратить врагов («дерзкие враги мои с ужасом услышат о каре

¹ Андреев А. Иоанн Грозный и Стефан Баторий. Ч. 3. С. 86–87.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 80.

⁴ Булгарин Ф. В. Падение Вендена. Историческая повесть. Действие в XVI веке // Русская историческая повесть: в 2-х т. Т. 1. М., 1988.

⁵ Реальные события произошли в 1577 г. у крепости Венден (Цесис), резиденции магистра Ливонского ордена. С. М. Соловьев описывая трехдневную русскую осаду замка, указывает на то, что осажденные ливонцы решили взорвать себя, чтобы «не ждать мучительной смерти и не видеть, как татары будут бесчестить их жен и дочерей». См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. С. 645.

Вендена»), и европейское благородство ливонцев¹. Произведение Булгарина укрепило в русской исторической памяти образ Ивана Грозного как тирана.

События Ливонской войны нашли отражение в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный», где автор стремился не столько описать события, сколько изобразить общий характер целой эпохи с современными ему пореформенных гражданских позиций². А. К. Толстой прямо обращался к народному историческому сознанию. Он пытался найти в исторической памяти объяснения феномена жестокой тирании на фоне безмолвия общества. «При чтении источников, – писал Толстой в предисловии к роману, – книга много раз выпадала из рук». Как он писал далее, «автор бросал перо в негодовании, не столько от мысли об Иване Грозном, сколько об обществе, которое смотрело на него без негодования»³. Об опоре на народную память свидетельствует исполнение Толстым совета Н. В. Гоголя, которому он читал черновики. Великий писатель советовал включить в роман народную песню «Пантелей-государь ходит по двору»⁴. Но тема Ливонской войны в романе второстепенна. Толстой заострял внимание на разоблачении злодеяний Ивана Грозного, показывая обстановку в стране в годы войны, особенно западных окраин, разоренных войной и опричниной. Описывая гибель Малюты Скуратова при осаде Вейсенштейна, автор показал крайнюю жестокость Ивана Грозного, который не только сжег на костре пленных немцев и шведов, но уничтожил население города, так, что некому было хоронить мертвых⁵.

Роман был популярен в России и за рубежом⁶. Через этот роман А. К. Толстой внедрил в русское историческое сознание мощный импульс

¹ Это вполне может объясняться тем, что Булгарин был поляком и в свое время служил в армии Наполеона. См.: Федута А. Фаддей Булгарин: самоубийство «литературного демократа» // Федута А. Кто бы ты, о мой читатель... Проблема читателя в литературе пушкинской эпохи. Минск, 2015. С. 224.

² Роман впервые вышел в 1863 г. в «Русском вестнике».

³ Толстой А. К. Князь Серебряный. М., 2014. С. 13.

⁴ Корецкий Б. И. Опричнина и роман А. К. Толстого «Князь Серебряный». М., 1959.

⁵ События происходили в декабре 1572 г.

⁶ При жизни А. К. Толстого роман не только был трижды переиздан в России, но и переведен на основные европейские языки, ставился (неудачно) на сцене, стал основой четырех опер, а также десятков пьес. Императрица Мария Александровна в 1862 г. заказала Шварцу иллюстрации к роману, которые были

негативного восприятия тирании Ивана Грозного. На этом фоне события Ливонской войны оказались иллюстрацией к главным идеям произведения.

В романе (первой части исторической трилогии) А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» показан завершающий этап Ливонской войны¹. Автор, опираясь на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина при описании осады Пскова, но иногда расходясь с историографом во взглядах, поднимает вопросы морали. В то же время осада Пскова показана Толстым как героическое событие истории государства². Сюжет о Ливонской войне завершается у Толстого сообщением об отправлении послов для заключения мира в Литву к Баторию. Он показал, что в России опасались последствий в случае продолжения войны с Речью Посполитой и царь соглашался на любой мир, включая и «самые постыдные условия», т. е. возвращение всех приобретенных городов³.

Местом исторической памяти о Ливонской войне стали православные иконы. В частности, после Псковской осады появились списки иконы «Богородица Псково-Покровская». Самой ранней из них считается храмовая икона Псково-Покровского монастыря «Богородица Псково-Покровская», написанная на рубеже XVI–XVII вв. в память о героической обороне Пскова и небесном заступничестве Богоматери. Композиция образа близка по типу знаменитому новгородскому образу «Видение пономаря Тарасия».

Несмотря на единство историко-легендарной тематики, иконы отличаются заложенными в них идеями. Как отмечала Н. М. Ткачева, замысел иконы был в том, чтобы показать Псков как единое пространство, город – «дом Святыя Троицы» под Покровом Богородицы, спасаемый ею⁴.

сфотографированы, что являлось новшеством для книжного дела в России. См.: Жуков Д. А. Алексей Константинович Толстой. М. : Молодая гвардия, 1982. С. 287; Немзер А. Вальтер-Скоттовский историзм, его русские изводы и «Князь Серебряный» // Немзер Андрей. Дневник читателя: Русская литература в 2007 году. – М., 2008. – С. 345–372.

¹ Толстой А. К. Драматическая трилогия. Смерть Иоанна Грозного. Царь Федор Иоаннович. Царь Борис. М., 2016.

² Там же. С. 184.

³ Там же. С. 185.

⁴ Ткаченко Н. М. Географические карты на древних иконах // Епарх. паломнич. центр «Вертоград». URL: <http://pskov-palomnik.ru/index.php?com=pages&page=26> (дата обращения: 25. 02. 2019).

Образ отражает историческую память православных жителей города, так как в основу его положен план Пскова периода осады 1581–1582 гг. В псковской иконе отчетливо просматривается использование «географического чертежа». Но он неоднороден и соединяет в себе чертежи, появившиеся в разное время. Псковский краевед Н. Ф. Левин указывает, что первые иконописцы, использовавшие этот сюжет, уделяли главное внимание явлению Божьей Матери в осажденном Пскове. А изображение отдельных городских объектов служило фоном и пояснением, где появлялась Богородица. Ее образ с предстоявшими святыми, в том числе и с местными, давался на иконе трижды: на крепостной стене, у Покровской башни и в ограде Покровского монастыря, а также были показаны Псково-Печерский, Мирожский монастыри, церковь Симеона на Железной горе¹.

Иконописная традиция сложилась на основе «Сказания о видении Дорофея», которая повествует о том, как кузнец Дорофей, монах Псковского Покровского монастыря, увидел Богородицу на том месте, где враги готовили приступ в углу городской крепости. Это сказание, имевшее народные корни, было создано в дни обороны города, накануне его решающего штурма. О явлении было известно в стане врага. Об этом в своем дневнике писал секретарь Стефана Батория Станислав Пиотровский: «Шуйский возбуждает в городе народ, говоря, что какому-то нищему старику явилась ночью Божья Матерь и убеждала горожан храбро защищаться, обещая, что король города не возьмет»².

Таким образом, иконопись отразила религиозную концепцию исторической памяти событий Ливонской войны, в основном связанную с заступничеством божественных сил за защитников Пскова, что и помогло им выстоять.

---

¹ Левин Н. Ф. В память о героической обороне // Псков – город воинской славы: статьи и документы / сост. Н. Ф. Левин. Псков, 2010. С. 243.

² Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882. С. 159.

Местом исторической памяти и средством ее сохранения стали первые профессиональные картины, созданные в связи с выходом иллюстрированного издания «Истории Российской Н. М. Карамзина». Автором более 300 рисунков, перенесенных на литографский камень, стал известный русский график, выпускник Академии художеств Б. А. Чориков.

Его литографии «Взятие Нарвы русскими войсками. 11 мая 1588 г.» и «Освобождение Пскова от осады» насыщены драматизмом и психологической глубиной и выполнены особым изобразительным языком в строгой классической академической манере. История Ливонской войны получила отражение в работе К. И. Брюллова, работавшего на протяжении 1839–1843-х гг. над картиной «Осада Пскова». Замысел картины у художника возник под влиянием «Истории» Н. М. Карамзина и «Истории княжества Псковского» Е. Болховитинова, которую ему порекомендовал Ф. Г. Солнцев¹.

Художника заинтересовал эпизод, в котором повествуется о том, как после взрыва поляками крепостной стены, на защиту крепости бросились не только войско под началом И. П. Шуйского, но и простые люди, среди которых были женщины, дети, духовенство с иконами и хоругвями в руках. В критический момент осады предводитель псковских защитников Шуйский и Печерский игумен Тихон двинулись с иконами, мощами и хоругвями к стене, ведя за собой псковичей, и тем самым остановили отступление.

В то же время замысел Брюллова в пробном эскизе казался выразительным, но в картине потерял свой размах. Художественная идея эскиза, где сила патриотизма поднимает защитников, на полотне свелась к обычной суете². Автор хотел показать лишь стремление к битве, а сам ее ход оставить «за кадром», чтобы сфокусироваться на моменте и уйти от

---

¹ Картина Брюллова не была закончена и после смерти художника передана в музей Академии художеств. См.: Бенуа А. Н. Русская школа живописи: [альбом] / ред. Н. Н. Дубовицкая. М., 1997.

² См.: Садовень В. В. Русские художники баталлисты XVIII–XIX вв.: альбом. М., 1955. С. 56–62.

традиционного иконографического типа изображения баталий, однако в итоге энергия натиска осталась за пределами композиции.

В то же время, изображая движение толпы, художник предлагает зрителям стать соучастником всех действий. Способ разворачивания действий в картине остался традиционным. Все персонажи картины появляются на левой стороне полотна, описывают полукруг и возвращаются на другую сторону картины. В нижнем углу он расположил фигуру раненого и неподвижную женщину. В центре картины находится монах на лошади со спины с крестом в руках. Ф. Г. Солнцев, наблюдавший картину еще на стадии эскиза, высказался, что у Брюллова получился крестный ход¹.

Менее известно живописное полотно знаменитого скульптора П. К. Клодта фон Юренсбурга «Оборона Псково-Печерского монастыря». На ней полтора десятка воинов и монахов на помосте перед бойницами печорской крепости готовятся к отражению очередного штурма. Ее репродукция имеется в книге архимандрита Псково-Печерского монастыря Тихона (Секретарева) «Врата Небесные»².

Таким образом, события Ливонской войны в силу временной удаленности, относительной «бедности» на победы и героические эпизоды, и потому слабо актуализируемые в исторической памяти, в целом не привлекали внимание художников XIX в. Исключением является осада Пскова. Ее закрепляло в русской исторической памяти изобразительное искусство как наиболее яркое событие войны.

Чувство гордости за свое участие в Ливонской войне испытывали в основном жители Пскова, пережившие осаду и отбившие нападение врага. В то же время события XVI в. сохраняются в народной памяти псковичей. В конце XIX в. к 300-летию осады установили памятник на бастионе начала XVIII в., были сооружены триумфальные ворота с датами: «1581–1881», водружена груда каменных ядер и деревянный крест. В 1897 г. на месте

---

¹ Смирнова Е. И. К. П. Брюллов – путешественник. М., 1969. С. 27.

² Тихон (Секретарев), арх. Врата Небесные. Печора, 2008. С. 31.

бывшего бастиона был установлен памятник городского архитектора Ф. П. Нестурха, который стоит и сегодня¹.

В 1887 г. «Псковский городской листок» запустил ничем не подтвержденную легенду о том, что бывший петровский бастион является братской могилой русских воинов, павших в 1581 г., которая была затем растиражирована на фотооткрытках. На рубеже XIX–XX вв. выезд по Успенской улице за исторические городские крепостные стены стали именовать «Баториевым проломом». Считалось, что именно здесь в 1581 г. поляки пытались прорваться в город и даже сохранились остатки разрушенной взрывом башни². Так, городской патриотизм отразил стремление к актуализации исторической памяти о войне. Но указанный «пролом» был выходом Успенской улицы, проложенной в 1820–1850 гг. за историческую крепостную стену, и сопряжением ее с Фурштадтской улицей и Выползовой слободой. Согласно исследованиям псковского краеведа Н. Ф. Левина, до 1821 г. старая крепостная стена была абсолютно цела³. Сложно представить, чтобы город мирился с тем, что с 1581 г. в городской стене зиял бы пролом, пусть даже и исторический.

Историческая память о войне наделила территорию за Покровской башней на берегу р. Великой, вплоть до церкви Св. Никиты, наименованием «Выползова слобода». Согласно сложившемуся поверью, это было именно то место, которое во время штурма 8 сентября 1581 г. ознаменовалось чудесным явлением Матери Божьей. Небесная покровительница ослепила поляков, и они, отступая, поползли назад. Уже в начале XX в. слобода была переименована в Баториевскую улицу⁴.

Таким образом, сюжеты Ливонской войны широко отражены в русских летописях, которые стали фактологической основой формирования русской

---

¹ Левин Н. Ф. В память о героической обороне. С. 278–280.

² Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову (любителям родной старины). Псков, 1913. С. 186.

³ Левин Н. Ф. В память о героической обороне. С. 284–285.

⁴ Филлошкин А. И. Завоевания Ивана Грозного в памяти потомков. С. 219–220.

исторической памяти о войне. Именно в их сюжетах зафиксированы названия крепостей, городов и замков, приведена дислокация и передвижения войск, а также в целом обрисована военно-политическая ситуация. В то же время сюжеты летописей – это, как правило, отражение официальной, правительственной версии Ливонской войны.

Историческая память о Ливонской войне в сюжетном плане формировалась также литературными и фольклорными произведениями, среди которых выделяется «Повесть о приходе Стефана Батория под град Псков», имеющая высокую документальную достоверность, так как его автором был очевидец событий иконописец Василий. Сюжет повести формирует в исторической памяти представление о победе Пскова, его народа и воевод в этой войне на фоне общей неудачи русского войска и государя.

Отражением народной исторической памяти стали исторические песни о Ливонской войне, авторы которых в XVI в., не придавая особого значения художественной форме, стремились передать прежде всего сюжеты событий. Накоплению и репрезентации исторической памяти о Ливонской войне способствовала русская художественная литература XIX в.

4. 2. Оценочные суждения и образы Ливонской войны в русской исторической памяти

Оценочные суждения о любой войне, как и образы участников событий, также являются содержательной частью исторической памяти русского народа. Оценки так же, как и образы, начали складываться уже у участников и современников Ливонской войны, получив отражение, прежде всего в летописных источниках.

При исследовании данного вопроса в первую очередь следует обратиться к «Степенной книге», где, как утверждает А. С. Усачев, зафиксированы воспоминания очевидцев и участников событий Ливонской

войны¹. Безусловно, Летописный свод выражал взгляды о войне прежде всего власти, но он же является и источником, содержащим оценочные суждения о войне и образы участников событий. В «Степенной книге» военные действия с позиции русского правительства представляются как закономерные и даже вынужденные. По сообщению летописца, «земля Ливонская» в годы правления Ярослава Мудрого вошла в подчинение Древнерусского государства. На этой территории князь «град созда в свое имя Юрьев, и многи святыи церкви постави»². Однако затем пришли «богомерции немци», которые из изначальных данников Русского государства превратились в его злейших врагов, которые не только прекратили подати выплачивать, но и «пакости многи Великому Новуграду и Пскову содеваху». Утверждая свою власть на территории Ливонской земли, «немци» «на правоверных же христиан, живущих тамо», то есть на русское население, обрушили «гонение великое», что вызвало ответные меры русского царя. Однако, как позволяет судить летописный текст, «немци» не сдержали обещания возобновить выплату дани и даже оплатить сумму, которую задолжали за время «мимошедших лет», а также не чинить русским жителям никаких бед, что в тот момент послужило причиной для начала войны.

Мысль о правомерности войны подчеркивается в повествовании о «втором приходе послон ливонских», просивших послабления в дани, которая ни в каком объеме так и не была выплачена до обозначенного посольства к царю. В этом повествовании летописец дает понять, что все прежние обещания и прибытие послон ливонских были определенной стратегической тактикой ливонского руководства с целью выиграть время, так как они «на брань готовляхуся»³.

Таким образом, война за Ливонские земли в русских летописях представляется борьбой за восстановление исторической справедливости, а

---

¹ Усачев А. С. Ранняя версия рассказа о взятии Полоцка в 1563 г. в древнерусской книжности // Вестн. С.-Петербург. ун-та. История. 2008. № 3. С. 5.

² Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 380–381.

³ Там же. С. 382.

не за захват чужих территорий, а возвращение исконно русских, правомерно принадлежавших России, земель. Она также представлялась возмездием за притеснения и беды русского народа, проживавшего на территории Ливонии. Летописец указывал, что «гордостнии немци» не только «домы их ... себе похитиша», но и «всех жителей русских истрибиша от земля Ливоньския», что не могло остаться безнаказанным со стороны земной и небесной власти.

Борьба с ливонцами также считалась правомерной, поскольку «немци» попирали православную веру и «на Церковь Христову въсколебашеся». Как сообщал летописец, «немци» разрушали находившиеся на ливонской земле православные храмы и истребляли святые образы.

В «Степенной книге» объяснялись относительно малые потери русского войска богоугодностью, справедливостью и правомерностью войны с русской стороны. С тех же позиций объяснялись большие потери ливонских немцев¹. Таким образом, в русском историческом сознании выразилось представление о том, что, если бы Богу не была угодна война против ливонцев, он бы не допустил разгрома Ливонского ордена.

Направляя войско «в зажитье» в земли Ливонии, Грозный предоставлял бедным боярским детям, а также татарам как новым подданным, возможность нажиться на военной добыче. Он также показывал ливонцам, что в случае невыплаты дани будет разорение и истребление. Тем самым в «Степенной книге» постоянно подчеркивается правомерный характер войны с морально-религиозных позиций. Рассказ о сражениях начального периода завершается своеобразным жанровым клише: «воеводы же Божию помощью всех их победиша».

Повествование о Ливонской войне летописец не доводит до конца и прерывает его на известии о взятии Полоцка русским войском в 1563 г., произошедшего по той причине, что литовский король высказывал

---

¹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 382–383.

«неисправление и враждование»¹ в отношении русского правительства. При этом Полоцк был не столько завоеван, сколько правомерно возвращен, так как исторически являлся «древним отечеством» русских правителей.

В своем повествовании о Ливонской войне летописец не только представил сюжетное изображение событий войны, но и зафиксировал образы противоборствующих сторон. Летописный текст позволяет выявить, что в русском сознании образ рыцарей ливонского ордена соотносился с образом традиционного многовекового врага – татарами. Эти «немцы», как именует их летописец, так же, как и татары, хитры, лукавы и бесчестны в средствах ведения борьбы. Однако в отличие от татар, «немцы» не «безбожные», но «богомерции», так как приняли лютеранство, что стало причиной их «злосердия» и «гордостния»².

Таким образом, официальная оценка обосновывала боевые действия русских в Ливонии коварством противника и несоблюдением им договоренностей, а также богоугодностью этой войны для России.

Эта же линия прослеживается в летописном сборнике, именуемом Патриаршею или Никоновскою летописью. Война против ливонских рыцарей, как указывают «царь», «царевичи», «бояре» и «воеводы» в приводимой летописцем грамоте к ливонскому магистру после успешных боевых операций в 1558 г., была развязана по причине их «неисправления» и «крестного преступления»³, которое состояло в невыплате за «много лет» так называемой юрьевской дани. Нарушение ливонцами условий договора давало право русским правителям считать земли Ливонского ордена своей территорией, древней вотчиной, которая была уступлена «прибывшим из-за моря немцам только под условием уплаты дани»⁴. Таким образом, начало военных действий против рыцарей Ливонского ордена рассматривалось как

---

¹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. С. 388.

² Там же. С. 381

³ Никоновская летопись. С. 290.

⁴ Королук В. Д. Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954. С. 34.

мера принуждения к исполнению договора с законным хозяином ливонской земли. Об этом свидетельствует окончание грамоты, где звучит призыв «исправитца», чтобы «впредь кровь унять»¹.

Также веской причиной войны считалась и открытая враждебность ливонских немцев по отношению к русскому населению Ливонии и к Русскому государству. В той же грамоте к ливонскому магистру отмечается, что царь пошел войной на ливонцев «за разорение церквам крестьянским»².

Вынужденной мерой, ответом на вооруженные провокации ливонцев представляется в летописях и взятие Ругодива (Нарвы). Выпросив у царя двухнедельное перемирие, немцы «всю две недели стреляют из наряду и людей убивают» «и раздор делают»³, что вызвало ответные действия со стороны русских воевод с позволения Ивана Грозного. Следовательно, продолжение войны, по официальной летописной версии, спровоцировали, как и ее начало, сами немецкие рыцари.

Повествование Никоновской летописи о взятии Нарвы формирует и закрепляет в историческом сознании правительственный взгляд на войну с ливонскими рыцарями. После завоевания Нарвы царь «велел город освящати во имя Божие» и храмы воздвигнуть. Он повелел «кругом города ходити», то есть совершить крестный ход, «и обновити» город «от Латыньские и Люторовы и утвердите в вере непорочней христианьской православной»⁴. Этот эпизод указывает на религиозное восприятие войны.

Следуя за Никоновской летописью, автор Лебедевской летописи также писал о причинах войны, ее характере и сообщал о принятии в Москве литовских послов. Выступая третьей стороной в роли арбитра, литовский король через послов просил царя, чтобы он «гнев свой» по отношению к немецким рыцарям «утолил» и «воевати их не велел»⁵. В последовавшем

---

¹ Никоновская летопись. С. 290.

² Там же.

³ Там же. С. 293.

⁴ Там же. С. 296.

⁵ Лебедевская летопись. С. 277.

ответе Иван Грозный сообщал, что война ведется за вотчину государскую, от которой государь отступить не хочет.

Восприятие военных действий со стороны Русского государства в летописи выражено и через указание об угодности Богу данных действий. Особенно ярко эта мысль выражена в повествовании о «присылке из Юрьева от воевод» о приходе магистра к Лаюсу «со многими людьми Немецкими и с нарядом со многим». Летописец подчеркивал, что войско магистра разбито, а остальных взяли в плен, да «и доспехи, и орудие ратное всякое многое поимали» благодаря только тому, что война ведется «божиим милосердием и его государскою правдою»¹.

Согласно Лебедевской летописи, инициаторами развязывания Ливонской войны являлись немецкие рыцари, которые не единожды провоцировали конфликт. Ситуация, подобная той, что произошла в 1558 г. перед взятием Нарвы, вновь повторилась и на следующий год. В 1559 г. Иван Грозный по просьбе датского короля дал согласие на прекращение войны с мая по ноябрь. Было условлено о прибытии ливонского магистра или его послов. Они должны были «за свои вины добити челом на всем на том, как их государь пожалует»². Перемирие было прервано в октябре, когда магистр «с людьми своими и заморскими» «пришел в государеву землю в Юрьевской уезд в Сангацкую мызу воиною»³, тем самым вновь вынудив русское руководство предпринять ответные меры. Согласно летописи, именно политика магистра спровоцировала возобновление военных действий.

В отличие от «Степенной книги» и Никоновской летописи, в тексте Лебедевской летописи в полной мере отражено восприятие войны не только рыцарями Ливонского ордена, но и Великим княжеством Литовским. Военный конфликт между русским царем и литовским королем был обусловлен тем, что Сигизмунд покровительствует Ливонскому ордену,

---

¹ Лебедевская летопись. С. 283.

² Там же. С. 279.

³ Там же. С. 261.

магистр которого перед королем «бил челом». Согласиться на вторжение королевских «урядчиков» в ливонскую землю, которая, как ранее было определено, царем почиталась за прародительскую вотчину, в Москве не могли. Кроме того, вскоре пришло известие из Литвы о том, что король за Ливонскую землю «стоять хочет» и почитает ее «своей землей»¹. Это позволяло русской стороне обосновать правомерность войны с Великим княжеством Литовским, которое, как и в случае с немецкими рыцарями, представляется инициатором развязывания боевых действий. Литовскому королю вменяется грех «пролития христианской крови». Говорилось, что он, преисполнившись «гордости», не принял требование Ивана Грозного, чтобы Сигизмунд «в ыскони извечную его вотчину в Вифлянскую землю не вступался и за изменников бы Ливонских Немец не стоял»².

Информативная ценность Лебедевской летописи о Ливонской войне состоит и в содержании пространного повествования о взятии Полоцка в 1563 г., которое играет важную роль в определении восприятия войны Великим княжеством Литовским. Из летописи можно установить, что война приобретала религиозный характер.

Это определялось тем, что царь шел войной на Полоцк с целью вернуть свою вотчину. Такому доводу находится веское обоснование в образе полоцкого креста, который чудом оказался в царской казне. Летописец сообщал, что сохранившийся крест некогда был воздвигнут «во церкви всемилостивого Спаса» по повелению княжны Ефросинии в то время, когда, возможно, Полоцк был под властью русских князей³. Крест выступал символом законности притязаний Ивана Грозного на Полоцк.

Причину войны в Москве видели в политике литовского короля, который проявляя крайнюю непочтительность, употребляя в официальных грамотах «укорение» царя и «непригожие многие слова». Также для Ивана

---

¹ Лебедевская летопись. С. 297.

² Там же. С. 302.

³ Там же. С. 303.

Грозного было неприемлемо то, что король царского «имяни сполна не описует»¹.

Кроме того, Русское государство должно было спасти Великое княжество Литовское от тяжкого греха, в который оно погрузилось. В летописи это объяснялось тем, что «безбожная Литва поклонение святых икон отвергъше, святыя иконы пощепали и многая поругания святымъ иконам учинили и церкви розорили и пожгли и крестьянскую веру и закон оставльше и поправше и Люторство восприаша»².

Как верно отмечал Г. П. Федотов, по своему внутреннему мироустройству Иван Грозный был очень набожным монархом, который всей своей политике придавал религиозный смысл³. Действительно, в сугубо религиозные тона Ливонская война начала окрашиваться тогда, когда в ней стал принимать непосредственное участие Иван Грозный. Но летопись не дает возможность отвергнуть наличие до полоцкого похода идеи обращения жителей ливонской земли в православную веру. Идея «войны за веру» если и существовала, то являлась менее важной в оценках причин войны. Об этом свидетельствуют прежде всего летописные статьи, которые не дают прямого точного указания на религиозные мотивы войны. А. Л. Хорошкевич подчеркивала отсутствие фактов «перекрещивания местного населения Прибалтики»⁴. Не создавалось также светских или духовных произведений, где бы эта мысль получила обоснование.

В полоцком походе религиозная идея звучала основополагающим призывом к разворачиванию военных действий, которые расцениваются как богоугодные. Эта идея получила обоснование в «Послании» архиепископа новгородского Ивану Грозному⁵.

---

¹ Лебедевская летопись. С. 302.

² Там же.

³ Федотов Г. П. Святой Филипп митрополит Московский. М., 1991. С. 60.

⁴ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1988. С. 75.

⁵ Лебедевская летопись. С. 306.

В послании, которое должно было стать известным не только воеводам, но и рядовым воинам, Ливонская война приобретает новое обоснование. Следует согласиться с условным пониманием А. И. Филюшкиным ее как «священной войны»¹. Это представление пытались сформировать в сознании служилых людей, указывая, что они воюют, чтобы «низложить враги креста Христова и своих недругов и христианских врагов иконоборцев богоотступных Латын и поганых Немец и Люторские прелести еретиков, храбрски и мужескии за святыя церкви и за честные иконы, от безбожных поправных, и за православную христианскую веру Греческаго закона»².

Согласно Лебедевской летописи, идея «священной войны» проходит при подготовке к походу Ивана Грозного. Как перед любым военным предприятием, перед отправлением на Полоцк «слушал государь у святых страсотерпцев у Бориса и Глеба на Орбате обедни и молебная совершив». Перед службой царь отдал приказание в храм Бориса и Глеба принести полоцкий крест, а также чудотворный образ Божией Матери, который находился в ставке Дмитрия Донского и перед которым князь молился, «егда ... победы безбожнаго Мамаю на Дону»³. Затем образ Донской иконы Божией Матери Иван Грозный изволил «с собою взяти». Обращение царя к образу Донской иконы позволяло перенести религиозную идею борьбы с татарами, которые теперь были в войске Ивана IV, на войну с Литвой.

Объяснительная модель войны прослеживается во введении образа Донской иконы в части сравнения статуса предводителей вражеских сил и русского царя. Орду возглавлял темник Мамай, который по происхождению не был законным правителем Золотой Орды, но задумал повторить поход Батыея для обретения славы и власти. Те же цели приписывались литовскому королю Сигизмунду II Августу, получившему свою власть от аристократии и зависевшему от ее воли. В отличие от татарских правителей и Сигизмунда II,

---

¹ Филюшкин А. И. Как видели войну за Прибалтику авторы разрядов XVI–XVII вв. ? // Вестн. С. - Петербург. ун-та. Сер. 2. История. 2013. Вып. 3. С. 5.

² Лебедевская летопись. С. 306.

³ Там же. С. 303.

русские правители опирались на концепцию богоустановленности своей власти, получении ее от бога. Отсюда идея, что все дела богоизбранных государей были справедливыми и угодными богу.

Обращение к образу Донской Божией Матери заостряло внимание народа на том, что в свое время литовцы были союзниками Мамаю. Но они, как известно, не успели ему помочь на Куликовом поле в 1380 г. Отсюда в народное сознание закладывалось представление о враждебности Литвы и Москвы. Таким образом, военные действия против Литвы не могли восприниматься иначе, как правомерные, поскольку таким образом литовцы, подобно татарам, представлялись историческими врагами.

Московское летописание, транслируя официальную оценку событий и политики правительства, в большей степени было ориентировано на формирование общественного мнения того времени. При этом народная память если и использовалась в качестве источника, то интерпретировалась в соответствии с официальной позицией.

В местном летописании содержались иные, отличные от официальных, оценочные суждения и образы войны. Местное летописание, прямо опираясь на народную историческую память, позволяло определять отношение и восприятие войны в отдельных частях Московского государства. Применительно к событиям Ливонской войны наиболее информативными будут тексты и оценки летописцев двух крупных северных городов, непосредственно задетых войной: Пскова и Новгорода.

Псковская летопись причину войны усматривает в нарушении московских государственных интересов, прекращении ливонскими немцами выплаты дани и непризнании власти царя. Кроме того, в летописи, в отличие от московских источников, указываются местные «обиды», чинимые ливонцами препятствия «торговым людям». Кроме того, они стали творить «обидные дела» «порубежным людям». Поводом к войне, по летописному тексту, явилось несоблюдение ливонскими рыцарями условий мира 1553 г., где немцы, «крест целоваша», обязывались исправить все нарушения, но,

«измениша», и «ни дани не дали», и «оуправы не оучиниша никакиа» относительно вопроса по урегулированию взаимоотношений с русскими купцами и пограничными подданными.

В местном летописании война представляется богоугодным делом, но идея «священной войны» практически не прослеживается, хотя Р. Фречнер ее косвенно усматривал в псковском летописании – идею борьбы за веру между правоверными христианами и «неверными латинянами»¹.

Так, нарвский пожар летописец рассматривает как праведный «гнев Божий» за грехи рыцарей, которые стали высказывать открытое непочтение к православной вере, что демонстрирует идею противопоставления праведной веры вере ложной. Доводом в пользу превосходства православия над лютеранством или католичеством является чудо сохранения образа Святого Николая, который был найден целым в пепле после того, как один «чудин» собирался этой иконой печь топить для варки пива. Кроме того, здесь же были обретены и другие образа, среди которых была икона Небесной Покровительницы русской земли – Божия Матерь Одигитрия. Это так же, по оценке летописца, указывало на превосходство православной веры.

В повествовании о походе на Полоцк идея «священной войны» в псковском летописании отсутствует, в отличие от московского летописания. Концепция войны против «безбожных» в псковском летописании фрагментарна, что указывает на восприятие боевых операций как вынужденных военных мер по решению политических задач.

Завершающий период Ливонской войны переосмысливается псковским летописцем. Война из «богоугодной» трансформируется в неправомерную и агрессивную, что с высокой долей вероятности свидетельствует об изменениях в общественном сознании местного населения. Из статей Псковской летописи следует, что Иван Грозный, наказав ливонских рыцарей

---

¹ Фречнер Р. Рецепция официального московского «образа войны» на периферии царства и его трансформация вследствие поражения в Ливонской войне: на материале повествовательных источников из Пскова конца XVI века // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., 2010. С. 284.

за их неповиновение, не только не прекратил боевых действий, а продолжил их ради корысти. Это предопределило поражения и утрату завоеванных городов. Царь, по мысли летописца, «и свои не удержал» земли да и «людей вдвое погубил»¹.

В такой войне, как полагал Псковский летописец, Бог отвернулся от русских, так как «еже аще кто чюжаго похочет, помале и своего останет»². Вполне обоснованным выглядит вывод Р. Фречнера об отступлении от истинной веры как причине поражений³.

В Псковском летописании нашла отражение негативная характеристика русского войска, что создавало в исторической памяти местного населения нелестный образ защитков Русского государства. На исходе 1557 г., в начале похода, царские люди, как отмечается в летописи, «едоучи» на войну, не только «сильно» грабили псковские земли, но и «животы секли, да и дворы жгли христианския»⁴ или вели себя не лучше ливонцев⁵.

Народное восприятие войны было наиболее эмоционально окрашено в Пскове, где народная память хранила воспоминания о боях и осаде. В то же время в Новгородских и Соловецкой летописях война не получила столь широкого освещения. Хотя Великий Новгород и ощущал близость военных действий, но народная память их почти не фиксировала ввиду отсутствия собственного непосредственного восприятия. Во Второй Новгородской летописи лишь кратко упоминается о начале войны и взятии 18 немецких городов царским войском. Новгородская летопись представляет войну в сознании местного населения и знати богоугодной, так как завоеванные территории были взяты «Божиею милостию»⁶.

¹ Псковские летописи // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 262.

² Там же. С. 262.

³ Фречнер Р. Рецепция официального московского «образа войны» ... С. 288.

⁴ Псковская летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 235.

⁵ Рюсов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879–1880. Т. III. С. 123–352, 349.

⁶ Новгородская летопись // ПСРЛ. Т. III. Изд. 1. СПб., 1841. С. 159.

Новгородская знать и масса жителей города воспринимали войну как действия московского правительства. Новгородский сепаратистский менталитет не позволял ни одобрять подобные акции, ни чувствовать причастность к ним. Новгородская летопись представляет войну за «города Немецкие» мирским делом политического характера, отвергая идею религиозной борьбы за торжество православия, что прослеживается в описании факта прибытия «пречистых образов» из Нарвы в новгородскую землю. Летопись не только не упоминает о чуде обретения этих икон, но и указывает на их рукотворное создание. Он писал, что это были «расписные на краске» образа, то есть нарисованные лики самим человеком, а не сотворенные Божиим произволением¹.

«Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» строится на религиозной основе. Автор глубоко убежден в том, что, живя в Конце времен, близ Апокалипсиса, он, как православный, принадлежит к богоизбранному народу. Отсюда борьба за Псков интерпретируется как этап противостояния в Конце времен между Богом и его противником, верой и неверием, как «правая» борьба, в которой победит Бог². В описании царской молитвы перед началом боевых действий Иван Грозный просит Бога послать победу «на неверных враги и насилующих во Христа верующему народу». Автор повести называет поводом к Ливонской войне «насилием» немцев, которые пришли на государеву северную землю, где «много зла сотворили»³.

Ливонцев автор «Повести» представлял в образе «воев худейших» из всех народов, которым не были чужды лживость и вероломность, в чем снова обнаруживается летописный образ ливонских немцев. В то же время, оценивая вражескую силу с позиций эсхатологической войны, немцы

---

¹ Новгородская летопись. С. 159.

² Фречнер Р. Рецепция официального московского «образа войны» ... С. 280.

³ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. С. 536.

представляются негодным Господу народом, которых ожидает Божья кара за их неправомерные деяния¹.

«Повесть» вызывает интерес тем, что, в отличие от московского летописания, позволяет установить причину поражений русского войска в Ливонской войне. Автор «Повести» утверждает, что русский народ воспринимал эти поражения не иначе как кару «грех ради наших». Это было наказание русского общества, которое «забывше Бога и возвратившеся на грехи»². Причину похода на Псков автор видел в стремлении литовцев истребить православие³. Он указывал также на «хвастливые помыслы» Стефана Батория.

По «Повести», король определял, что Псков «преже подобает взяти» остальных русских городов. Причина в том, что Псков «превелик» в русской земле. Он, кроме того, «каменооградными крепостями преболе и паче иных утвержен»⁴. Согласно замыслу Стефана Батория, завоевание Пскова было главным делом войны с Москвой, так как, по его утверждению, ни один город, даже Новгород, не сможет устоять против литовской силы, кроме Пскова, который надо взять в первую очередь.

Восприятие русским населением грядущего сражения за Псков отражено в словах Ивана Грозного. Из этих слов видно, что во всем происходящем современники обнаруживали волю Божию, а потому оборону и «защиту града вверяли в милость Бога, Богородицы и святым великим чудотворцам»⁵. Автор неоднократно указывал, что победой Псков более всего обязан высшим силам, которые спасали горожан от гибели с первого дня осады. Так, в критический момент осады города к проломному месту из соборной церкви Живоначальной Троицы была принесена икона Успения Пречистой Богородицы Печерского монастыря, к которой псковичи

---

¹ Филошкин А. И. Изобретая первую войну России Европы. С. 65.

² Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. С. 540.

³ Филошкин А. И. Указ. соч. С. 69.

⁴ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. С. 542.

⁵ Там же. С. 548.

обратились с молитвой, и «того же часу и отграда граду Пскову невидимо явился на проломе», и это спасло Псков.

Анализ «Повести» позволяет выявить не только взгляды на войну, но и оценку участников событий. После трансформации исторической памяти из живого воспоминания в книжный образ представление о героях событий формировалось под влиянием текста «Повести». Она является единственным подробным повествованием о военных действиях 1581–1582 гг., так как в летописных сводах упоминание об этих событиях либо дается очень кратко, либо вовсе отсутствует, как в московском летописании.

В описании русских военачальников автор стремится представить всех воевод, упомянуть каждого поименно и дать общую оценку их действиям. Бояре, воеводы «со всем христьянским воинством», а вместе с ними и городское население наделены качествами героев. Они «непрестанно и безоотступно крепко стояше» за город, «изрядне же и мужественне бьющися», не позволили литовцам взять Псков. Падших же русских «храбрецов» в этих битвах автор сравнивает с древними мучениками, «иже за Христову веру пострадавших»¹. Так, в сознании современников смерть павших воинов представляется праведной и спасительной. Сами павшие вспоминаются как преданные подданные земного и небесного царей. В сопоставлении смерти павших воинов с мученической смертью первых христиан отчетливо звучит идея «священной войны». В проведении такого сравнения автор стремится подчеркнуть, что пали воины Христа, которые боролись не только за свободу Пскова, но и за право существования истинной православной веры в то время, когда мир захлестнули лжеучения, олицетворением которых была литовская сила.

Повествуя о русском воинстве, автор выделял образ Петра Ивановича Шуйского, которого Иван Грозный, отпуская на защиту Пскова, напутствует такой речью: «на тебе ми на едином подобает все тоя службы пытати, неже

---

¹ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. С. 584.

на иных товарищех твоих и воиводах»¹, чем и определяет роль Шуйского в предстоящем бранном деле. Характеристику воеводы автор повести приводит в словах литовских дворян и первосоветников. Они в обращении к королю обещают в скором времени овладеть Псковом. Русский воевода в этих словах представляется дорогим трофеем, который королевская свита желает захватить и поставить на суд Батория. Шуйского литовцы характеризуют как «славнаго, и крепкого, и непоколебимаго, великаго и храбраго гетмана»², военное мастерство и подвиги которого прославлены не только в Московском царстве, но и среди литовцев. Давая такую лестную характеристику воеводе противником, автор, вероятно, стремился сложить безупречный героический образ Шуйского, чтобы еще сильнее возвеличить его славу воеводы и выделить в истории оборона Пскова личность, заслуживающую памяти потомков. Вместе с И. П. Шуйским упоминается псковский наместник В. Ф. Скопин-Шуйский, которого литовская знать расценивала как «сокровище»³.

Оборона Пскова находит отражение в Повести о Псково-Печерском монастыре, где это событие трактуется как «наказание» и «наставление» Божие. В представлении повести осада Пскова лишена идеи «священной войны», что подтверждает эпизод о явлении Богородицы кузнецу Дорофею. В разговоре с кузнецом Богородица сообщает, что псковичи, «осодомиша бо град сий скверными своими делы», «прогневали есте Сына моего Господа Бога»⁴, за что теперь подверглись наказанию. Автор неоднократно подчеркивает мысль, что осаду Пскова необходимо рассматривать как суд Божий, а его спасение – как милость. Благодаря раскаянию псковичей, молитвам Божьей Матери и святых, Господь «посла воя своя, невидимо защищающа и помогающа» горожанам и не позволил пасть Пскову.

¹ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. С. 548.

² Там же. С. 568.

³ Там же. С. 571–572.

⁴ Повесть о Псково-Печерском монастыре: собр. текстов // БЛДР. Т. 13. / подг. текста, перевод и коммент. В. И. Охотниковой. СПб., 2005. С. 490.

Повесть о Псково-Печерском монастыре также позволяет выявить восприятие литовцев жителями Псковской земли, которое не отличается от восприятия, представленного в «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков». Так, литовцы характеризуются как незаконные и мерзкие преступники, король которых лукав, да к тому же «латыньския прелести исполнену». Автору литовцы представляются наилучшим наказанием для провинившихся псковичей, которые позабыли истинного Бога, и лишь когда «прииде туга и беда велия» вновь «познали» Господа с его Матерью.

Автор повествовал об осаде Псково-Печерского монастыря. Литовская знать просила короля направить войско на монастырь, так как «много тщета людемъ литовскимъ» от «печерскихъ людей». Но более всего литовская знать не могла простить доставленные «преждебывшая имъ досады»¹. Избавление монастыря от нашествия литовских войск в соответствии с жанровыми канонами монастырской повести и религиозным мировосприятием средневекового человека связано с заступничеством Бога, Богородицы и небесных сил.

В повести благополучное разрешение критической ситуации с помощью Божией не связано с идеей «священной войны». На предложение Яна Замойского о сдаче монастыря в обмен на помилование от литовского короля мирское население монастыря давало отрицательный ответ. Люди заявляли о готовности умереть прежде всего «за отчину своего государя царя и великого князя Ивана Василиевича всея Руси и за его чада, царевича князя Феодора Ивановича»². Монах Тернуфий говорил: «должни есмы вси по Христе умрети в дому Пречистыя Богородицы», «за святыя церкви, и за закон православныя нашея християньския веры»³.

Средством формирования исторической памяти о Ливонской войне являлось сочинение А. М. Курбского «История о великом князе

---

¹ Повесть о Псково-Печерском монастыре. С. 496.

² Там же. С. 504.

³ Там же.

Московском», в котором выражено восприятие Ливонской войны русской знатью. Курбский писал, что война была начата царем по причине того, что «немцы не хотяще ему дани дати», о которой «еще дед его в привилью воспоминауль»¹. В сочинении князя показано, что знать воспринимала Ливонскую войну как дело прежде всего царя. Об этом свидетельствует, как указывал Курбский, указание царя на действия воевод. Царь послал войска против немцев, чтобы «разорять их землю», «не беря городов и крепостей» ливонских². Соответственно, действия воевод должны были только устрашить немцев, вынуждать их платить дань и признать власть русского царя.

Немецких рыцарей Курбский показывал слабыми и пассивными противниками, которые даже не смогли оказать серьезного сопротивления. Причину отсутствия воинской подготовки и дееспособности немцев, а также упадка их духа князь видел во впадении рыцарей в грех гордыни. Выражался этот грех в том, что немцы от «веры христианские отступили» и отступили от «обычаевъ, и дель добрыхъ праотець своих», предавшись в то время «пьянству многому и невоздержанию, и ко долгому спанию и ленивству, к неправдамъ и кровопроливаню междоусобному»³. Безусловно, отступление от веры в сознании православного христианина восприниматься иначе, как великий грех, не могло. О рыцарях Курбский с осуждением писал, что они «презлых ради догматов таковым и деламъ последовати»⁴. Князь указывал, что «не попустиль имъ Богъ быти в покою и в долготу дней владети отчизнами своими», поскольку нарушили заповеданный им порядок. Несмотря на проявленную милость со стороны русского царя в виде согласия на перемирие, которое было выражением благоволения свыше к немцам,

---

¹ Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 368.

² Там же.

³ Там же.

А. И. Филюшкин в приведенной Курбским трактовке ливонцев как вероотступников и грешников видит отражение официальной идеологической установки «священной войны», которая должна была быть усвоена командным составом. См.: Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. С. 94.

⁴ Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 369.

дарованного им для исправления, рыцари не перестали «обыкновения своего, сиречь пьянства многого и ругания над догматы христианскими»¹.

Сочинение Курбского отражало историческую память непосредственных участников Ливонской войны. Взятие Нарвы рассматривалось как случайное событие. Пожар в городе, как сообщал Курбский, спровоцировало русское население на выступление против Нарвы, поскольку огонь был воспринят как знамение о помощи божией в борьбе с немцами. Народное движение повлекло за собой и движение войск, которые таким же образом восприняли начавшийся пожар. Однако, как подчеркивал Курбский, командный состав не планировал взятия Нарвы, и даже пытался сдерживать войско, не допустив штурма города «премирья ради».

Курбский приводит ценную информацию о взглядах на войну воевод и самого царя. Он по-своему объяснял причины поражений русского войска вскоре после взятия Дерпта. Он писал, что в это время южные рубежи тревожил крымский хан, против которого царь был вынужден направить «искусныхъ воевод и стратилатов своихъ». В Ливонскую же землю были направлены, как считал Курбский, неопытные военачальники. Их действия привели к тому, что русские воины «многожды были поражени от немецъ, не токмо от равных полков, но уже и от малых людей великие бегали»². Он писал, что вскоре положение изменилось. Это было вызвано прибытием в Ливонию самого Курбского, который одержал ряд побед над немцами, и других опытных стратегов, под которыми он, вероятно, подразумевал И. В. Мстисловского и А. Ф. Адашева.

Под руководством этих воевод был взят и Феллин, об осаде которого Курбский привел краткое повествование. Интересен этот рассказ тем, что князь давал оценку последнему ландмаршалу Ливонского ордена – Филиппу Шалль фон Беллю. Он представлен в образе истинного героя, «воистинну

---

¹ Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 370.

² Там же. С. 386.

последняго и защитника и надежду лифлянского народу»¹. Филипп, по замечанию князя, был не только мужественный и храбрый воин. Он был человеком высшего света, руководителем воинской силы, был «словеста полонь, и острь разумомь, и добру память имущь»². Такая оценка не случайна. В Филиппе князь видел своего рода орудие, правильное использование которого позволило бы бескровно овладеть ливонскими землями и безоружно подчинить немцев воле русского царя.

Оценочные суждения о событиях Ливонской войны видны в переписке А. М. Курбского с Иваном Грозным, в которой представлены противоположные взгляды. Это суждения Курбского, который стал не только обличителем опричной политики Ивана Грозного, но и выразителем мнения значительной части знати. В письмах Курбский не уделял особого внимания Ливонской войне, лишь кратко отмечал, что всеми победами в Ливонии царь обязан его верным воеводам, которые, благодаря «тщанием разума их», смогли овладеть рядом немецких городов. Поражения в Ливонской войне в письме представляются карой божьей за грехи царские. Кроме того, русские стали терпеть поражения и по той причине, писал князь, что воеводы, данные царю Богом для защиты от врагов, «различными смертми разторгнул еси»³.

Царь давал, прежде всего, оценку воеводам, за которых так ратовал Курбский. Царь называл своих воевод изменниками и обвинял их в пассивности во время военных действий в Ливонии, которые своим нежеланием по чести и совести исполнять свои обязанности и царские указы в тот момент много «народу христианского погубили». Завершая филлипику, царь заключал: «и аще не бы ваша злобесная претыкания была, и з Божию помощию уже бы вся Германия была за православиемъ»⁴. В письме царь также подчеркивал, что именно действия воевод-изменников стали причиной войны с Литвой, поскольку «брань учинилася», как заверяет царь, «вашею

¹ Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 390.

² Там же.

³ Там же. С. 128.

⁴ Там же. С. 177.

[воевод¹ . – А. Н.] изменою и недоброхотствомъ и нерадениемъ безсоветнымъ»².

Восприятие событий Ливонской войны отразилось в народном творчестве, в котором отразились воззрения широких слоев населения. Из событий Ливонской войны в фольклоре получила отражение только оборона Пскова. Это связано с тем, что враг вторгся в пределы Русского государства, представляя тем самым угрозу не только Пскову, но и близлежащим русским городам. Кроме того, как свидетельствует автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков», за несколько лет до осады Пскова литовский король уже занял некоторые окраинные русские земли³.

Основой песни, как отмечала А. М. Астахова, является стремление народа выразить «всю трудность и напряженность борьбы и героизм защитников русских рубежей»⁴. В песне обращено внимание на то, против какой силы пришлось русскому народу держать оборону. Литовский король «двенадцать лет» «копил силушку» да «накопил-то он силушки – сметы нет», «много», «сорок тысяч полков»⁵, которую затем и повел на Русь. Королю Стефану в песне дается определение «собаки». Этим словом нередко назывались татарские ханы в народных исторических песнях. В этом определении выражается восприятие не только непосредственно короля, но и всей литовской силы. Так, в сознании русского человека литва воспринимается нечестивым и безбожным народом.

В одном из вариантов песни Баторий представлен «собакой царя Крымского»⁶. Б. Н. Путилов считает, что такая характеристика литовского короля не случайна. Она выражает представления русского народа о нем как о союзнике крымского хана⁷. Такой песенный образ короля соответствует

¹ Вероятно, речь идет о тех воеводах, которые бежали в Речь Посполитую.

² Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 134.

³ Повесть о пришествии Стефана Батория. С. 540.

⁴ Астахова А. М. Северные исторические песни. Петрозаводск, 1947. С. 55.

⁵ Исторические песни XIII–XVI веков. С. 468.

⁶ Там же. С. 469.

⁷ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. С. 188.

летописному, где Баторий действительно неоднократно обвиняется в союзе с крымским царем, о чем народу было известно.

В песне русские герои представлены в ореоле воинской славы. Но вместо исторических участников событий обороны Пскова названы имена других исторических персоналий, живших в другое время. Как полагал Б. Н. Путилов, изначально в песне были названы имена истинных героев, но в связи с последующей трансформацией текста песни действительные исторические персоналии оказались заменены лицами из других исторических песен¹. Однако важно то, что народная память обратила внимание на подвиги «воеводы цареве», стараниями которого были отбиты литовские силы. Следовательно, до трансформации текста, исказившей персону воеводы, песня способствовала сохранению памяти о событии и о его героях.

Основываясь на тексте, в котором указывается, что город обороняли «Михайло Скопин сын Васильевич, князь, // Борис Петрович Шереметев, князь, // Микита Вольхонской Романович, князь», возможно предположить, что подмена персоналий русской стороны произошла в годы Северной войны или сразу после нее, примерно в первой половине XVIII в.

Первый указанный князь – Михаил Скопин-Шуйский. Он прославился в годы Смуты, возглавив борьбу против польских интервентов. Однако в начале XVII в. трансформация текста произойти не могла, так как в это время были живы очевидцы и ветераны события. Поэтому историческая память была еще достаточно крепка. Образ другого князя, Никиты Вольхонского, как утверждает А. М. Астахова, апокрифической личности, связан с сюжетом о Ване-Ключнике².

Из названных персонажей в песне наибольший интерес представляет третий князь, личность которого и позволяет установить примерные временные рамки трансформации. Борис Петрович Шереметев был

---

¹ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. С. 189.

² Астахова А. М. Северные исторические песни. С. 56.

сподвижником Петра Великого, его личность стала известна в годы Северной войны. В песне о борьбе с литовской силой образ Шереметева оказался, вероятно, потому, что в народном сознании деятельность графа была крепко связана не только с войной, но и с нормализацией отношений с Речью Посполитой. В 1686 г. он принимал участие в заключении Вечного мира с Речью Посполитой, после чего был назначен главой русского посольства в Варшаву, отправленного для ратификации мира¹.

В одном из вариантов песни вместо Ивана Петровича Шуйского обороной города руководил Семен Константинович Карамышев. В данном случае на основании анализа народных воспоминаний можно предположить, как свидетельствует Т. В. Вересова, Карамышев – это «прототип героя Семёна Константиновича Карамышева в песнях “Осада Пскова Баторием”, “Ермак взял Сибирь” и др. »².

В песне «Оборона Пскова от Стефана Батория» отражено восприятие и самого события в народном сознании. Нападение «бесчестных» и «безбожных» литовцев на Псков представляется как посягательство на город вследствие гордыни литовского короля. Свидетельствует о таком восприятии повествование о дерзостном повелении короля отправить посла с требованием сдать город, который покровительствует и защищается небесными силами. Так, в варианте песни «Филологического сборника» в речи воеводы указывается, что Пресвятая Богородица «не даст» Псков и его жителей «на поруганье»³. О таком восприятии свидетельствует и окончание песни, того же варианта «Филологического сборника». Как только король навел пушки «по семи золотым маковицам», то «обернулося ядрышко свинцевое» против самого Степана «в груди черные»⁴.

¹ Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 51.

² Вересова Т. В. Труды В. Н. Татищева по географии России // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...». М., 2006. С. 78.

³ Исторические песни XIII–XVI веков. С. 470.

⁴ Там же. С. 470–471.

Сведения об истории обороны Пскова можно обнаружить в еще одной исторической песне, в которой оплакивается смерть одного из героев-защитников города, Михайлы Черкашенина. В песни нет непосредственного упоминания о событиях 1581–1582 гг., кроме косвенного указания на них: «Из далеча чиста поля, // Из раздолья широкого // Как бы гнедого тура // Привезли убитого, // Привезли убитого, // Атамана польского, // Атамана польского»¹. Восстановить событийный фон помогает «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», где автор пояснял, о каком «чистом поле» да «раздолье широком» может идти речь в песне: «да тут же убили Мишку Черкашенина, а угадал себе сам, что ему быти убитому, а Псков будет цел. И то он сказал воеводам. А заговоры были от него ядром многия»². Несмотря на то, что песня фиксировала память об исторической персоне, она также оказала влияние на сохранение памяти об обороне Пскова, во время которой геройски погиб Михайло Черкашенин, известный как один из донских атаманов. Память об этом атамане, когда «при царе Иване Михайло Черкашенин и отоманы козаки в Пскове сидели в осаде»³, сохранялась среди донских казаков. Об этом эпизоде они напомнили в 1632 г. в своей отписке в Москву с отказом принимать крестное целование, ссылаясь на примеры службы в прошлом без присяги, в том числе службы казаков во главе с Михаилом Черкашениным.

Рассматривая формирование народной памяти в дореволюционной России о Ливонской войне, следует учитывать характерную для XVIII–XIX вв. связь официальной идеологии, исторической науки и исторической памяти. Первая, задавая общие параметры в соответствии с уваровской триадой⁴, в целом не вмешивалась в оценку как военных событий Средневековья, так и личности Ивана IV. В этой ситуации большое влияние

¹ Исторические песни XIII–XVI веков. С. 472.

² Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. С. 111.

³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 473.

⁴ «Три главных ... начала, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить»: «Православная Вера; Самодержавие; Народность» // Уваров С. С. Государственные основы / сост., предисл. и коммент. В. Б. Трофимовой. М., 2014. С. 29.

на историческую память оказывали «властители дум»¹, но особенно активно формировала ее историческая наука.

Появление «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина стало важным этапом в исследовании Ливонской войны, поскольку в этом труде впервые представлена ее периодизация. Историк впервые объединил разрозненные летописные известия о войне. До него летописцы и современники рассматривали Ливонскую войну как серию войн. При освещении истории Ливонской войны Н. М. Карамзин опирался на более широкий круг документальных источников, чем его предшественники. В связи с этим ход военных действий в «Истории государства Российского» получил более подробное освещение. В качестве основной причины войны историк называл древнюю взаимную ненависть, а поводом – «недоброжелательство Ливонского ордена». Историк указывал, что ливонцы мешали «благодетельному для России намерению» Ивана IV – «выйти к Балтийскому морю»².

Выделяя два этапа войны, историк отмечал, что перелом в ней наступил после взятия Нарвы. Он писал, что Ивану IV было недостаточно разорения Ливонии. Русские войска хотели «городов и постоянного владычества над нею»³. Следуя точке зрения А. М. Курбского, он объяснял поражение ливонцев их разобщенностью, но в то же время признавал мужество Кеттлера. Описывая походы русских войск в Ливонию с 1559 г., он отмечал, что русские войска «предавали огню всё, чего не могли взять с собою» и известили Ивана IV по окончании похода о том, что «рать его цела, а Ливония в пепле!»⁴. Говоря о русско-литовских переговорах 1560 г., он отметил, что «ясно было, что война Ливонская произведет Литовскую»⁵. Для

---

¹А. С. Пушкин в стихотворении «К морю» (1825) отнес к таковому Байрона и Наполеона, однако «властители дум» Золотого века русской литературы относительно слабо (по сравнению с советским временем – А. Н. Толстой и др.) использовали образ Ивана Грозного в своих произведениях.

²Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М., 2016. Кн. 2. С. 140.

³Там же. С. 145.

⁴Там же. С. 151.

⁵Там же.

подтверждения властолюбия и жестокости Грозного историк приводит рассказ А. М. Курбского о ландмаршале фон Белле. Все неудачи России он связывал с личными просчетами царя¹. Он писал, что Иван IV смог заключить мир только благодаря огромным уступкам Стефану Баторию. В его оценке это первый в истории России столь безвыгодный и бесчестный мир². В целом он оценил Ливонскую войну как «злосчастную, но не бесславную для России». Ответственность за поражение в войне он возложил на царя, которого он обвинил в «малодушии» и в «смятении духа», а поражение русских войск называл «жестоким оборотом судьбы, злополучием отечества и стыдом царя»³.

Не меньшее влияние в формировании исторической памяти о Ливонской войне сыграли и труды Н. И. Костомарова, который писал для публики и проводил публичные слушания. Описывая военные действия в годы Ливонской войны, Н. И. Костомаров кроме главных ее причин называл чрезмерный аппетит Московского государства и стремление к расширению границ, заложенное еще при Иване III. Никакой надобности в превращении Московского царства в европейское государство историк не видел. Он подчеркивал, что в 1558 г. у Ивана IV была альтернатива. Он мог «разделаться с Крымом» или же «овладеть Ливонией». Но вместо борьбы с наносившим ущерб Крымским ханством, рассуждал историк, царь предпочел борьбу с немецкими рыцарями⁴. Итоги Ливонской войны Н. И. Костомаров оценивал кратко. По его мнению, в результате заключенного мира с Польшей и перемирия со Швецией «западные пределы государства съеживались, терялись плоды долговременных усилий»⁵.

В сохранение исторической памяти о Ливонской войне внес свой вклад М. Н. Покровский, который так же, как и Костомаров, организовывал

---

¹Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. С. 161.

²Там же. С. 252–253.

³Там же. С. 225–226.

⁴Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. К. 1. М., 1995. С. 352–354.

⁵Там же. С. 412.

публичные лекции по русской истории. Причины и значение Ливонской войны рассматривал через призму социально-экономических отношений в Московском царстве. Опираясь на разработанную им в дореволюционный период социологическую схему, все завоевания Ивана Грозного он объяснял в свете теории торгового капитализма. По мнению М. Н. Покровского, в начале Ливонской войны в завоевании новых земель были заинтересованы дворяне и городские слои. По мнению историка, в отличие от дворянства, заинтересованного в приобретении новых земель, «торговая буржуазия» после взятия Невеля, добившись своего, уже потеряла интерес к дальнейшему продолжению этой войны¹. Характеризуя тактику Ивана IV, М. Н. Покровский отметил, что царь дождался «весьма удачного момента» для вторжения в Ливонию. Главными неудачами Ливонской войны историк назвал осаду Ревеля, потерю Нарвы и Ивангорода². Подводя итоги войны, он отмечал, что неудачный исход войны окончательно лишил дворянство надежд на расширение земель путем завоеваний и обострил внутривосточную ситуацию в стране³.

Таким образом, в сознании не только гимназистов и студентов, читавших литературу, но и народа, сформировался образ «несчастливого» для России исхода Ливонской войны. Эта война сохранялась в памяти как неудачная война.

Российские историки XIX – начала XX вв., опираясь на историческую память и одновременно формируя ее, не придерживались общих позиций в оценке Ливонской войны и более того не ставили ее в центр внимания. В историческом сознании пореформенной России, как справедливо отмечает О. Б. Леонтьева, дискуссия шла в основном о сложной и противоречивой личности Ивана Грозного. Войнам Ивана Грозного внимание практически не уделялось. Этот выбор символизировал два вектора восприятия прошлого,

---

¹ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен: в 4 т. Т. 1. М., 1933. С. 302.

² Там же. С. 300–302.

³ Там же. С. 203.

две стратегии поиска смысла истории¹ в народном сознании. Ливонская война здесь служила в большей степени лишь иллюстрацией, аргументом в споре сторон, при помощи которой стремились закрепить в общественном сознании образ, соответствующий разным взглядам на Ивана IV и его эпоху.

В то же время к началу XX в. историческая память о Ливонской войне сформировалась как устойчивая система представлений, бытовавших в русском общественном сознании. Как и всякой исторической памяти, ей была свойственна не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка², при которой, в отличие от научной истории, сохранялись одни факты, а другие – предавались забвению.

Факты, составляющие историческую память, каждое следующее поколение узнавало прежде всего в процессе образования (церковно-приходского, училищного, гимназического, университетского). Здесь на формирование исторической памяти максимальное воздействие оказывала русская историческая мысль. В системе образования Российской империи события Ливонской войны освещались уже в начальной школе, прежде всего по общепризнанной³ книге А. О. Ишимовой⁴, которая концептуально следовала за Н. М. Карамзиным. Глава ее книги, охватывающая период Ливонской войны, красноречиво называлась «Слабость России. 1569–1582 годы». Автор формировала у учащихся понимание того, что «величие России не могло быть продолжительно при таком государе и при таких происшествиях в государстве». Ишимова имела в виду опричный террор, направленный в первую очередь против тех, кто «отличался великими заслугами своими в делах военных или гражданских». В результате, по оценке Ишимовой, «Иоанн остался почти один со своими недостойными

---

¹Леонтьева О. Б. Историческая память и образ прошлого в культуре пореформенной России // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2008.

²Бадмаев В. Н. Ментальность и историческая память // Вестн. Калмыцк. ун-та. 2012. № 1(13). С. 79.

³Книга Ишимовой была высоко оценена В. Г. Белинским и А. С. Пушкиным, удостоена Демидовской премии, печаталась в Типографии Императорской академии наук (т. е. была официально дозволена для воспитания детей и молодежи) и оказала огромное влияние на общественное сознание своего поколения.

⁴Ишимова А. О. История России в рассказах для детей. С. 146.

любимцами, со своей ужасной дружиной опричников и со своими глупыми шутами и забавниками»¹.

А. О. Ишимова пишет о «несчастной стране» Ливонии, которую русские «не переставали разорять». Пока еще не были казнены «знаменитые полководцы» Иоанна IV он мог побеждать в Ливонии, но после казни в 1577 г. князя М. Воротынского, «счастье... оставило войско русское». Напротив, усиление Батория Ишимова объясняет не только его «умом, ученостью, красноречию и отличной храбростью»², но и стремлением угодить своим политическим союзникам – «унижением России» возвращением всех областей, некогда отнятых Россией у Польши и Литвы.

Описывая ход войны, Ишимова указывает на то, как «самое пламенное усердие народа» гасло, когда «государь не ободрял его примером своим», а «самое храброе войско» осталось «без храбрых и умных начальников»³.

Согласно Ишимовой, спас Отечество не царь Иван, а псковичи и их воеводы: «Бог знает, до какого унижения доведено было бы отечество наше этой несчастной войной, если бы гордость Батория не смирилась у стен древнего города Ольги – Пскова». Война оставила в народной памяти ощущение «необыкновенной слабости своего милого отечества»⁴.

Под влиянием традиции, системы образования и отчасти русской исторической науки историческая память о Ливонской войне сохранялась в массовом сознании⁵, а оценка события непрерывно менялась. Изменчивость оценочного характера исторической памяти обусловлена политическими реалиями⁶. Как верно определяет М. Хальбвакс, историческая память моделируется в соответствии с интересами и задачами групп влияния, которые выдвигают актуальную для них на данный момент интерпретацию

¹ Ишимова А. О. История России в рассказах для детей. С. 146.

² Там же. С. 155.

³ Там же. С. 155.

⁴ Там же. С. 146.

⁵ Воронцов А. В., Головушкин Д. А., Прилуцкий А. М. Социосемиотическая специфика современного мифа об Иване Грозном // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 12–19.

⁶ Каравашкин А. В. Мифы Московской Руси: жизнь и борьба идей в XVI веке (Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский) // Россия XXI. 1998. № 11–12. С. 88–126.

прошлого. Так, в соотношении «история – память» осуществлялся перенос центра «тяжести» от паттернов воспоминаний к политике¹.

Ливонская война, проходившая на протяжении жизни целого поколения, с ее успехами начального периода, мужеством и героизмом русского народа, проявившимся при осаде Пскова, на фоне отсутствия конечного победного результата оставила в народной памяти противоречивую оценку. Устоявшийся в исторической памяти стереотип поражения в Ливонской войне, как и большинство стереотипов русской истории, не вполне отражал реальное положение дел. Как справедливо подчеркивал П. Нора, память как сложное культурно-психологическое и интеллектуальное явление «находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления»².

Применительно к исторической памяти этот процесс не был стихийным, а, как правило, находится под контролем различных сил, прежде всего государства, которое стремилось манипулировать исторической памятью, подменять неудобные для данного времени сюжеты на приемлемые для себя. П. Рикёр писал, что «всегда можно рассказать по-другому, о чем-то умалчивая, смещая акценты, различными способами рефигурируя участников действия, как и контуры самого действия»³. Так было и с памятью о Ливонской войне. Неудобные для позитивной настоящей истории государства моменты замалчивались, а факты, связанные с победой русского войска, активно пропагандировались.

---

¹ Halbwachs Maurice La classe ouvrière et les niveaux de vie. Recherches sur la hiérarchie des besoins dans les sociétés industrielles contemporaines (1912). Reppress & Gordon et Breach, 1970. 496 p.

² Нора П. Проблематика мест памяти. С. 20.

³ Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 619.

Выводы по главе

Источниками исследования исторической памяти о Ливонской войне были письменные свидетельства ее участников и современников, а также фольклорные записи. Свое визуальное выражение она получала в миниатюрах. В более позднее время Ливонская война получила свое выражение в художественной литературе, изобразительном искусстве Нового времени, в топонимике.

Сюжеты Ливонской войны, с одной стороны, были закреплены, а с другой – искажались в соответствии с официальной версией событий. Под влиянием московских летописных сводов формировалась историческая память об этой войне. Летописные сюжеты оказали влияние на русскую историческую мысль, художественную литературу XIX–XX вв., художественно-изобразительные работы.

Летописные сведения московских сводов позволили установить, что изначально Ливонская война в правящих кругах воспринималась как карательная мера по отношению к Ливонскому ордену. Орден обвинялся в нарушении обязательств перед царем и в создании препятствий развитию отношений Русского царства с западными государствами, в разорении местного населения, которое находилось под покровительством русского царя. Аналогично воспринималась война русской знатью, о чем свидетельствует сочинение А. М. Курбского, а также местными властями, что подтверждают тексты местного летописания.

Со временем официальная версия причин Ливонской войны была дополнена религиозным обоснованием, которое было принято русским обществом. В летописях такое понимание появляется со времени вступления в войну католической Литвы, когда Иван Грозный совершал поход на Полоцк.

Несмотря на то что Ливонская война, как это видно из летописания, занимала значительное место в политике Московского государства, среди населения известна она была мало, поэтому ее события не привлекали

внимания народа. Свидетельством такого отношения является фольклор, в котором отразилась лишь оборона Пскова. События 1581 г., запечатленные в сюжетах исторических песен, вызывали сильный эмоциональный отклик. Наступление вражеской силы порождало острые чувства тревоги, что в свою очередь послужило подъему патриотических настроений, а победа над Стефаном Баторием народным сознанием была воспринята как значимое событие эпохи.

Образ вражеской силы в как летописании, так и в древнерусской литературе и фольклоре, представлен резко негативно. По отношению к рыцарям Ливонского ордена, литовцам и полякам применяются следующие характеристики: «безбожный» народ, отличающийся коварством, бахвальством и вероломством. Однако в литературе XIX в. Речь Посполитая, король Стефан и ливонское рыцарство представлены в несколько ином, более положительном свете. В целом память о событиях Ливонской войны была выражена в значительно меньшей степени, чем память о других войнах времени царствования Ивана Грозного, за исключением обороны Пскова.

Заключение

В исторической науке Новейшего времени проблемы таких культурно-исторических и психологических феноменов, как историческая память и историческое сознание оказались в центре внимания историков. Возрастание научного интереса к познанию этих явлений обусловлено тем, что они являются одними из основополагающих факторов складывания национальной культуры и системы устройства современного общества. Выявление сущности этих понятий позволяет выстроить целостную конкретизированную картину мира современного человека, определить место человека в обществе.

Понятия исторической памяти и исторического сознания взаимообусловлены и взаимопроникаемы. Однако между ними есть сущностные отличия, которые следует учитывать при исследовании. Основанием исторической памяти принято признавать чувственно-эмоциональную сторону личности человека, а историческое сознание – это структурированное и детализированное представление об историческом прошлом, подвергаемое рефлексии.

Историческая память об эпохе царствования Ивана Грозного, в частности, о войнах того времени в массовом сознании складывалась и сохранялась изначально под впечатлением о пережитых событиях, которые занимали центральное место в жизни русского народа. В XVI в. в историческом сознании формировались образы военных событий, которые нашли отражение в различных письменных и устных источниках, в некоторых материальных остатках и следах, напоминавших о войнах того времени.

В последующие столетия память о войнах Ивана Грозного сохранялась прежде всего благодаря уже имеющимся источникам. Но новые источники, в свою очередь, также участвовали в формировании

образа этих войн. Такие новые источники оказывали глубокое влияние на развитие, а порой и на эволюцию исторической памяти о войнах Ивана Грозного. Однако при сравнении представлений о прошлом в исторической памяти и историческом сознании очевидцев и их потомков можно обнаружить, что по мере развития рационалистического мышления и соответствующего подхода к пониманию истории потомки стали объяснять события XVI в. в свете причинно-следственных связей и осознания роли личности в истории, а очевидцы событий как люди средневековья интерпретировали произошедшие войны в духе провиденциализма.

Завоевания Казанского и Астраханского ханств в годы царствования Ивана Грозного стали значимыми событиями для государства и русского общества. Взятие Казани нашло отражение в фольклоре в форме песен и преданий. Царь в ознаменование победы сооружает монументальные памятники, одним из которых станет Храм Покрова Пресвятой Богородицы, расположенный в центре Москвы. В историческом сознании в отношении присоединения Казанского ханства прежде всего утверждается представление, что это событие положило конец зависимости русского народа от татаро-монголов. В летописях и в исторических песнях прослеживается мысль о том, что эти события явились справедливым воздаянием за беды и страдания, доставленные русскому народу еще с момента нашествия Батыя. Значимость этих завоеваний для русского народа заключалась еще и в том, что с них начинается история Московского государства как страны, которая в Новейшее время нередко называлась евразийской державой.

Война Ивана Грозного за взятие и присоединение Казани в историческом сознании получила религиозное обоснование, согласно которому она воспринималась как «священная война» против неверных, война за православную веру. Идея «священной войны», принятая

властью совместно с церковными иерархами, активно внедрялась в сознание русского общества церковью. Об этом свидетельствуют не только летописные своды, но и икона «Благословенно воинство Небесного Царя», в которой данная концепция получила визуализацию.

Историческая память о присоединении Казани и Астраханского ханства, несмотря на естественное угасание «живых» воспоминаний в сознании русского общества, сохранялась, появлялись новые места памяти об этих событиях. Большую роль в формировании исторической памяти о взятии Казани в последующие века сыграли произведения литературы и живописи. Память о взятии Казани в этих источниках не была подвергнута сколько-нибудь значительным изменениям, поскольку в основном базировалась на летописных и фольклорных материалах.

На южных рубежах Иван Грозный был вынужден вести войну не только с казанскими, но и с крымскими татарами, беспрестанные набеги которых русский народ надолго сохранил в своей памяти. В летописях, сочинениях Ивана Грозного и Андрея Курбского, фольклоре крымские татары предстают в образе врага, и этот образ прочно вошел в сознание русского общества. Борьба с врагом была вынужденной мерой, призванной не допустить новых нападений, увод в полон множества людей с южной русской окраины.

Памятным событием стала победа над Крымским ханством под деревней Молоди, одержанная Михаилом Воротынским. В исторической памяти о войнах при Иване Грозном эта победа занимает одно из важнейших мест. После сожжения Москвы крымскими татарами хана Девлет Гирея в 1571 г. открылась перспектива установления зависимости Московского государства от Крымского ханства. Однако разгром крымских татар в 1572 г. позволил русскому народу не просто сохранить независимость государства от Крыма, но и утвердить мысль о том, что с зависимостью от наследников Орды, покончено навсегда.

Историческая память о войне с крымскими татарами сохранялась в XVII и XVIII вв. в связи с войнами Российской и Османской империй. Но эти войны уже не были столь интересны для русского общества после присоединения к Российской империи Крыма и его освоения. Однако память о войнах с Крымом при Иване Грозном сохранилась и после присоединения Крыма, когда перестала быть столь политически актуальной. Значительную роль в сохранении исторической памяти о борьбе Ивана Грозного с крымскими татарами в пореформенной России сыграл роман Н. И. Костомарова «Кудеяр», любимейший русской читательской публике. В произведении историк показал все грани взаимоотношений русских властей и русского общества с Крымским ханством.

Выдающимся событием в русской истории периода царствования Ивана Грозного стал поход атамана Ермака со своими казаками в Сибирь. Летописные источники, московское и сибирское летописания, показали, что в XVI–XVII вв. русское общество подвигу Ермака и самому атаману давало противоречивую оценку. С одной стороны, для русского населения Сибири и казаков Ермак выступает легендарной личностью, героем и даже полубогом или святым. Он стал героем фольклора, в котором подчеркивались его выдающиеся качества, его признавали завоевателем Сибири. В честь Ермака называли сибирские селения, апеллировали к его героическому образу в отписках к государю. С другой стороны, для власти образ Ермака не избавился полностью от черт «вора» и «разбойника», который утвердился за ермаковыми казаками еще до завоевания Сибири по причине участия их в грабежах на Волге. Завоевание Сибири официально представлялось делом государственным, начало которому положил Иван Грозный.

Со временем такое представление о Ермаке трансформируется, и в историческом сознании утверждается его образ как легендарной

личности в истории России. В исторической памяти за атаманом закрепилась слава первооткрывателя Сибири для России. Его образ мифологизировался, приобрел былинные черты, чему изначально способствовали жанровые рамки исторических песен и сибирское летописание. Впоследствии этот образ стал транслироваться через произведения изобразительного искусства, художественной литературы и кинематографии.

Эпоха царствования Ивана Грозного русскому обществу памятна не только знаменательными победами, но и в определенной степени бесславной Ливонской войной. В исторической памяти и историческом сознании русских современников Ливонская война не нашла широкого отклика, о чем свидетельствует отсутствие исторических песен по данной тематике. По существу не нашли отражения события Ливонской войны также и в местном летописании, за исключением псковского. Лишь в московском летописании сюжеты Ливонской войны получили освещение, но с правительственных позиций. Власть стремилась запечатлеть Ливонскую войну в историческом сознании как правомерную и необходимую, давая ей религиозное обоснование.

В массовом сознании сохранились только отдельные эпизоды Ливонской войны, связанные с победами и проявлением героизма русского народа. Таким событием являлась оборона Пскова, единственный эпизод из всех боевых действий Ливонской войны, сюжет о котором присутствует в фольклоре. В литературе того времени сохранился еще один сюжет войны, это была оборона Псково-Печерского монастыря.

События Ливонской войны в последующие века не вызвали значительного интереса со стороны русского общества, о чем свидетельствует почти полное отсутствие произведений литературы и живописи. И даже историками тема Ливонской войны специально не

изучалась, а рассматривалась только в рамках исследования эпохи Ивана Грозного. Отрывочно история Ливонской войны представлена и в литературных произведениях, посвященных времени царствования Ивана Грозного. Под глубоким влиянием этих художественных произведений, а также сыгравшего решающую роль в формировании образа этой войны сочинения Н. М. Карамзина в исторической памяти Ливонская война представлялась войной бесславной, оказавшейся для Русского царства не только проигранной, но и разорительной.

Таким образом, войны периода царствования Ивана Грозного занимали значительное место в исторической памяти русского общества. Прежде всего, интерес вызывали такие события, как присоединение Казани, начало завоевания Сибири, оборона Пскова, то есть те боевые действия, которые действительно стали эпохальными, решающими в истории Русского государства. Войны времени Ивана Грозного отложились в русской исторической памяти дореволюционного периода как одно из значительных ее мест.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные источники

1. Астраханская летопись. Рукопись // ОР РНБ. Собр. Погодина. № 1490.
2. Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Х. И. Попова. Оп. 1. Д. 13. Записки Х. И. Попова, относящиеся к истории войска Донского. 17 л.
3. Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Х. И. Попова. Оп. 1. Д. 90. Рукопись о покорении Сибирского царства казаками. Х. И. Попов. 21 л.
4. Государственный архив Ростовской области. Ф. 341. Канцелярия войска Донского. Оп. 1. Д. 165. Краткие выписки о противодействиях казаков при переселении на Кавказскую линию. 218 л.
5. Государственный архив Ростовской области. Ф. 353. Областной войска Донского статистический комитет. Оп. 1. Д. 508. Записка о древних памятниках в Хоперском и Усть-Медведицком округах Области войска Донского. 1899-1903. 46 л.
6. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39.
7. Ростовский областной музей краеведения. Отдел рукописей. Ф. 2. Рукописи П. П. Сахарова. Оп. 5. Д. 1/32. 42 л.

Опубликованные источники

Летописи

1. Есиповская летопись по списку Ундольского // Сибирские

- летописи. – СПб. : Императорская Археографическая комиссия, 1907. – 464 с.
2. История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. – Т. 19. – М., 2000. – 328 с.
  3. Краткий российский летописец с родословием. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1760. – 85 с.
  4. Лебедевская летопись // ПСРЛ. – Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. – М. : Знак, 2009. – 392 с.
  5. Лицевой летописный свод XVI века: [научное факсимильное издание]. Русская летописная история. – М: Актеон, 2014. – Кн. 19: 1528–1541 гг. – 670 с. ; – Кн. 21: 1551–1553 гг. – 590 с. ; – Кн. 22: 1553–1557 гг. – 558 с. ; Кн. 23: 1557–1567 гг. – 525 с.
  6. Никоновская летопись // ПСРЛ. – Т. 13. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 302 с.
  7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. – СПб: Тип. Эдуарда Праца, 1841. – 320 с.
  8. Новый летописец // ПСРЛ. – Т. 14. – 1-я пол. I. / под ред. С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко. – СПб: Тип. М. А. Александрова, 1910. – 154 с.
  9. Псковские летописи // ПСРЛ. – Т. 5. – Вып. 2. – М. : ЯРК, 2003. – 275 с.
  10. Ремезовская летопись по Мировичеву списку // Сибирские летописи. – СПб. : Императорская Археографическая комиссия, 1907. – 464 с.
  11. Сибирские летописи. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – 468 с.
  12. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и коммент. : в 3 т. / отв. ред. : Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. – Т. 2. Степени XI–XVII: с прил. и указ. / подгот. под рук. акад. Н. Н. Покровского. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 568 с.
  13. Строгановская летопись по Толстовскому списку // Сибирские летописи. – СПб. : Импер. Археографическая комиссия, 1907. – 464 с.

14. Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // Тихомиров М. Н. Исторический архив. Т. VII. М. Н. ; Л. : Наука, 1951. – С. 217–241.

Памятники светской литературы

15. Баторий Стефан (1553–1586). Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. (Осада Пскова), с двумя рисунками / Баторий Стефан. / Псковская областная универсальная научная библиотека. – Псков: Тип. губерн. Правления, 1882. – 261 с.

16. Казанская история: [историческая повесть 16-го в.] / подгот. текста, вступ. ст. и прим. Г. Н. Моисеевой; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 195 с.

17. Казанская история // БЛДР. СПб., 2000. – Т. 10. – 394 с.

18. Курбский А. М. История о великом князе Московском / А. М. Курбский // БЛДР. – Т. 11. – СПб. : Наука, 2001. – 681 с.

19. Минея. Июнь. – М. : Изд-во Совет. Рус. православной церкви, 2002. – Вып. I. – Ч. 2. – 599 с.

20. Первое послание Курбского Ивану Грозному. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским Репринтное воспроизведение текста издания 1981 г. / подг. текста Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков // БЛДР / РАН, ИРЛИ. – СПб. : Наука, 2005. – Т. 13: XVI век. – 860 с.

21. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским: [тексты и перевод с древнерусского] / текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков; [коммент. В. Б. Кобрин, Я. С. Лурье; РАН]. – Репринт. воспроизведение текста изд. 1981 г. – М. : Наука, 1993. – 429 с.

22. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // БЛДР. Т. 13: XVI век. – СПб. : Наука, 2005. – 858 с.

23. Повесть о Псково-Печерском монастыре: собр. текстов // БЛДР. Т. 13: XVI век / подг. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой. – М. ; СПб. : Наука, 2005. – 858 с.

24. Ромодановская Е. К. Синодик Ермаковым казакам (предварительное сообщение) / Е. К. Ромодановская // Изв. СО АН СССР. – Новосибирск, 1970. – № 11. – Вып. 3. – С. 137–159.

25. Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края / Б. Рюссов. – Рига: Тип. А. И. Липинского, 1879. – 594 с.

26. Слово в день Тезоименитства Его Императорского Высочества, Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича и празднования 300-летнего юбилея времени присоединения Сибири к России (произнесено в Томском Кафедральном соборе 6 декабря 1882 года) // Томские епархиальные ведомости. – 1 января 1883. № 1. – Томск, 1883. – С. 866–870.

27. Троицкая повесть о взятии Казани // БЛДР. Т. 10: XVI век / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб. : Наука, 2000. – 583 с.

Фольклорные произведения

28. Азбелев С. Н. Исторические песни. Баллады / С. Н. Азбелев. – М. : Современник, 1986. – 764 с.

29. Астахова А. М. Северные исторические песни / А. М. Астахова. – Петрозаводск: Гос. Изд-во Карело-Финской ССР, 1947. – 67 с.

30. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года / А. Ф. Гильфердинг. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1873. – 732 с.

31. Железнова А. Песни уральских казаков для пения с ф. [ортепиано]-п. / А. Железнова. – СПб. : Тип. Г. Г. Шклявера, 1899. 124 с.

32. Исторические песни XIII–XVI веков / изд. подгот. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 696 с.

33. Кирша Данилов (XVIII в.). Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым: [текст] / изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н.

Путилов. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1958. – 665 с. : ил., нот.

34. Легенды и предания Волги-реки: Сборник / Сост. В. Н. Морохин. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 1998. 543 с., ил.

35. Листопадов А. Песни донских казаков / А. Листопадов. – Т. 1. – Ч. 2. – М. : Музгиз, 1949. – 356 с.

36. Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков / А. И. Мякутин. – Оренбург: Изд-во Оренбург. казачьего войска, 1904. – Ч. 1. – 484 с.

37. Народное творчество Дона. Кн. 1 / ред. П. Т. Громова. – Ростов н/Д. : Ростиздат, 1952. – 292 с.

38. Оксенов А. В. Ермак Тимофеевич в исторических песнях русского народа / под ред. Н. М. Ядрицева // Сибирский сборник: науч. - литературное периодическое изд. : приложение к «Восточному обозрению». – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1886–1904. –1886. – Кн. 1. – 216 с.

39. Русские песни / сост. проф. И. Н. Розанов. – М. : Художеств. лит., 1952. – 404 с.

40. Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Народные былины, старины и побывальщины / П. Н. Рыбников. – М. : Тип. А. Семена, 1861. – Ч. 1. – 524 с.

41. Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / П. Н. Рыбников. – Т. 2. – М., 1910. 732 с.

42. Шамбинаго С. Песни времени царя Ивана Грозного. – Сергиев Посад: Тип. И. И. Иванова, 1914. – 303 с.

Произведения художественной и исторической литературы

XVIII–XIX вв.

43. Булгарин Ф. В. Падение Вендена. Историческая повесть. Действие в XVI веке / Ф. В. Булгарин. // Русская историческая повесть: в 2 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Ю. А. Беляева. – М. : Худ. лит.,

1988. – Т. 1. – С. 226–246.

44. Андреев А. Иоанн Грозный и Стефан Баторий: исторический роман: в 4 ч. / А. Андреев. – М. : В унив. тип., 1834. Ч. 1–4. – 450 с. – Ч. 1: 108 с. ; Ч. 2: 130 с. ; Ч. 3: 124 с. ; Ч. 4: 88 с.

45. Герберштейн С. Записки о Московии / С. Герберштейн. – М. : Памятник исторической мысли, 1988. – 656 с.

46. Голодников К. Город Тобольск и его окрестности: исторический очерк / К. Голодников. – Тобольск: Тип. Тобол. губ., 1886. – 139 с.

47. Грузинцев Л. Н. Покоренная Казань, или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV, проименованного Грозным / Л. Н. Грузинцев. // Иван Грозный: антология / сост. А. В. Парина. – М: Аграф, 2001. – 568 с.

48. Державин Г. Р. Грозный, или Покорение Казани / Г. Р. Державин. // Собр. соч. : в 10 т. – М., 2016. – Т. 7. – 286 с.

49. Дмитриев И. И. Ермак / И. И. Дмитриев // Полн. собр. стихотворений. – Л. : Совет. писатель, 1967. – 502 с.

50. Иловайский Д. И. Краткие очерки Русской истории / Д. И. Иловайский. – М. : Моск. фонд культуры, 1908. – 149 с.

51. Ишимова А. О. История России в рассказах для детей / А. О. Ишимова. – М. : Мысль, 2003. – 815 с.

52. Карамзин Н. М. Живописный Карамзин, или Русская история в картинах / Н. М. Карамзин. – СПб. : Тип. Х. Гинце и Э. Праца и Ко, 1838. – 103 с.

53. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 кн. / Н. М. Карамзин. – М. : Эксмо, 2016. – Кн. 2. – 1020 с.

54. Катков М. Н. Москва, 9 декабря / М. Н. Катков // Московские ведомости. 1882. декабрь 10. №. 342.

55. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования Николая Костомарова / Н. И. Костомаров. – Т. 12. – СПб. : Изд-во Д. Е. Кожанчикова, 1872. – 373 с.

56. Костомаров Н. И. Кудеяр / Н. И. Костомаров. М. : Вече, 2016.

57. Костомаров Н. И. Ливонская война [1558–1583] / Н. И. Костомаров // Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. – СПб. ; М: Тип. Императ. акад. наук, 1867. – Т. 3. – С. 43–172.
58. Костомаров Н. И. Раскол / Н. И. Костомаров // Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. – М. : Чарли, 1994. – Т. 12. – 608 с.
59. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. – М. : Сварог, 2006. – Т. 1. – 764 с.
60. Лапин В. И. Взятие Казани: сценич. поэма / В. И. Лапин – СПб. : Тип. Г. Трусова, 1855. – 89 с.
61. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2 т. / Г. Ф. Миллер. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 664 с.
62. Мусоргский М. П. Борис Годунов: опера в четырех действиях с прологом. Клавир / М. П. Мусоргский. / ред. П. Лама. – СПб. : Композитор, 2012. – 450 с.
63. Островский А. Н. Пьесы, написанные совместно с другими авторами 1868–1882. / А. Н. Островский. – М. : Гослитиздат, 1960. – 535 с.
64. Острогорский М. Я. Учебник русской истории. / М. Я. Острогорский. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1916. – 176 с.
65. Плавильщиков П. А. Ермак, покоритель Сибири / П. А. Плавильщиков // Русская литература. Век XVIII. Трагедия. – М. : Художеств. лит., 1991. – 719 с.
66. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен: в 4 т. / М. Н. Покровский. – М. : Гос. социал. -эконом. изд-во, 1933. – Т. 1. – 179 с.
67. Полевой Н. А. История русского народа: в 6 т. / Н. А. Полевой. – М. : Тип. Августа Семена, 1833. – Т. 6. – 459 с.
68. Русская историческая поэма конца XVIII – начала XX века / [вступ. ст., с. 3–21, сост. и примеч. Ю. А. Беляева]. – М., 1984. – 365 с.
69. Рылеев К. Ф. Смерть Ермака / К. Ф. Рылеев // Русские песни и романсы / К. Ф. Рылеев – Л. : Советский писатель, 1989. – 196 с.

70. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // С. М. Соловьев. Соч. : в 18 кн. – Кн. 3. – М. : Мысль, 1988. – 671 с.
71. Татищев В. Н. Избранные труды по географии России / В. Н. Татищев. – М. : Географгиз, 1950. – 248 с.
72. Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. / В. Н. Татищев. – Т. 2. – М. : АСТ, 2005. – 568 с.
73. Татищев В. Н. Собр. соч. : в 8 т. / В. Н. Татищев. – М. ; Л. : Ладомир, 1966. – Т. 6. – Ч. 4. – 245 с.
74. Толстой А. К. Драматическая трилогия. Смерть Иоанна Грозного. Царь Федор Иоаннович. Царь Борис / А. К. Толстой. – М. : АСТ, 2016. – 584 с.
75. Толстой А. К. Князь Серебряный / А. К. Толстой. – М. : Никая, 2014. – 480 с.
76. Толстой Д. Речь царя и великого князя Ивана Васильевича к панам радам Королевства Польского и Великого княжества Литовского, чрез их посла переданная / Д. Толстой. – М., 1847. – 7 с.
77. Толстой Л. Н. Ермак // Л. Н. Толстой // Л. Н. Толстой. Собр. соч. : в 22 т. – Т. 10. – М. : Худ. лит., 1982. – 505 с.
78. Устрялов Н. Г. Начертание русской истории для средних учебных заведений / Н. Г. Устрялов. – СПб., 1937. – 218 с.
79. Херасков М. М. Россиада / М. М. Херасков. – СПб. : И. Глазунов, 1895. – 288 с.
80. Хомяков А. С. Ермак, покоритель Сибири / А. С. Хомяков // Полн. собр. соч. А. С. Хомякова. – М. : Унив. тип, 1900. – Т. IV. – 420 с.
81. Щербатов М. М. История российская от древнейших времен / М. М. Щербатов. – Т. IV. – Ч. I. – СПб. : Императ. академия наук, 1781. – 629 с.
82. Щербатов М. М. История российская от древнейших времен / М. М. Щербатов. – Т. V. – Ч. III. – СПб. : Изд-во кн. Б. С. Щербакова, 1789. – 606 с.

Произведения изобразительного и монументального искусства

83. Андреев Н. Ф. Описание видов города Тулы / Н. Ф. Андреев. – Тула: Тип. Тульской губ., 1856. – 25 с.
84. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. XI – начало XVI века / В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. — М. : Искусство, 1963. –Т. 1. – 394 с.
85. Бенуа А. Н. Русская школа живописи: альбом / ред. Н. Н. Дубовицкая. – М. : Арт-родник, 1997. – 336 с.
86. В. И. Суриков в коллекции Государственного русского музея. – М. : Гос. русский музей, 2005. – 128 с.
87. Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I: в 6 отд. и доп. к отд. III / репринт. изд. 1849–1853 гг. – СПб. : Альфарет, 2006. – 206 с.
88. Надеждин Н. А. Оружейная палата в Москве. С автотипич. репродукциями / текст Н. А. Надеждина. – СПб. ; М. : Тов-во М. О. Вольф, 1902. – 55 с.
89. Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство / А. И. Некрасов. – М. : Изогиз, 1937. – 395 с.
90. Ненарокова И. С. Государственные музеи Московского Кремля / И. С. Ненарокова. – М. : Искусство, 1992. – 238 с.
91. Никольская церковь на кремлевских воротах // Астраханские епархиальные ведомости. – Астрахань, 1880. – № 18. – С. 283–287.
92. Первая выставка Национального музейного фонда / Нар. ком. по просвещению; Отд. по делам музеев и охране памятников искусства и старины. – М. : 1918. – 80 с.
93. Русская историческая живопись. Выставка 1939 г. Каталог. – М. : Изд. Государственной Третьяковской галереи, 1939. – 260 с.
94. Садовень В. В. Русские художники баталисты XVIII–XIX веков: альбом / В. В. Садовень. – М. : Искусство, 1955 – 371 с.

Кинематографические источники

95. Волга и Сибирь: Ермак Тимофеевич – покоритель Сибири: ист. пьеса В. М. Гончарова, передел. для кинематографа: [либретто]. – М. : А. Ханжонков и К°, 1914. – 8 с.
96. Ермак – покоритель Сибири // Кинема. 1914. – С. 13–16.
97. Описания новых картин. Ермак – покоритель Сибири // Вести кинематографии. – 1914. – № 100. – 30–32.
98. Ханжонков А. А. Первые годы русской кинематографии: воспоминания / А. А. Ханжонков. – Литео, 2016. – 174 с.

II. ЛИТЕРАТУРА

Монографии, статьи, материалы конференций

1. Агапов М. Г. Аватары Ермака: монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти / М. Г. Агапов // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2016. – № 1 (13). – С. 142–151.
2. Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и новгородской земли. СПб. : Дмитрий Буланин, 2007. – 296 с., илл.
3. Акулинин И. Г. Ермак и Строгановы: Историческое исследование по сибирским летописям и царским грамотам (К 350-летию завоевания Сибири. 1582–1932) / И. Г. Акулинин. – Париж: [б. и.], 1933. – 62 с.
4. Алексеев В. Н. Иконография Ермака / В. Н. Алексеев // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. – Новосибирск, 1981. – Вып. 1. – С. 152–153.
5. Альшиц Д. Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени / Д. Н. Альшиц // Исторические записки. – Т. 23. – М. : Инст. истории АН СССР, 1947. – С. 251–289.
6. Альшиц Д. Н. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования / Д. Н. Альшиц. // Тр.

Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – Л., 1957. – 1 (IV). – С. 175–210.

7. Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: комплексное кодикологическое исследование / А. А. Амосов / РАН; Археограф. комис. – М. : Эдиториал УРСС, 1998. – 387 с.

8. Амосов А. А. Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом летописном своде / А. А. Амосов // ТОДРЛ. – 34. – Л. : АН СССР, 1979. – 49–60.

9. Андреев Н. Е. О характере III Псковской летописи / Н. Е. Андреев // *The Religious World of Russian Culture*. Hague; Paris, 1975. Vol. 2. – P. 117–158.

10. Антощенко А. В. Памятник Тысячелетию России / А. В. Антощенко // Электронная библиотека Республики Карелия. – URL: <http://elibrary.karelia.ru/m1000/ideas/> (дата обращения: 07. 05. 2018).

11. Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник / А. В. Арциховский. – М. : МГУ, 1944. – 213 с.

12. Бадмаев В. Н. Ментальность и историческая память / В. Н. Бадмаев // *Вестн. Калмыцкого ун-та. – Калмыцкий гос. ун-т им. Б. Б. Городовикова*, 2012. – 1 (13). – С. 144–150.

13. Баталов А. Л. Казанский Благовещенский собор и обетное строительство в Казани после 1552 года / А. Л. Баталов // *Вестн. ПСТГУ. Сер. 5: Вопр. истории и теории христианского искусства. – Казань*, 2012. – № 3(9). – С. 86–105.

14. Баталов А. Л., Успенская Л. С. Собор Покрова на Рву (Храм Василия Блаженного) / А. Л. Баталов, Л. С. Успенская. – М. : Северный паломник, 2002. – 96 с.

15. Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М. : Наука, 2008. – 263 с.

16. Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках / Г. М. Белоцерковский. – Киев. : [б. и.], 1915. – 164 с.

17. Бочаров А. В. Основные научные методы в историческом исследовании. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. – 190 с.
18. Буганов А. В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX - начала XX в. : Историко-этнографическое исследование / А. В. Буганов. – М. : Принципиум, 2013. – 296 с.
19. Буганов В. И., Корецкий В. И. Неизвестный Московский летописец XVII века из Музейного собрания ГБЛ. «Записки Отдела рукописей ГБЛ» / В. И. Буганов, В. И. Корецкий. – М., 1971. – Вып. 32. – 127 с.
20. Валеева-Сулейманова Г. Ф. Короны русских царей – памятники татарской культуры / Г. Ф. Валеева-Сулейманова // Казань. Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. – М. : Объед. гуманитар. изд-во, 1997. – 414 с.
21. Вересова Т. В. Труды В. Н. Татищева по географии России / Т. В. Вересова // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу. . . » / Т. В. Вересова. – М. : Можайский полиграф комбинат, 2006. – С. 75–81.
22. Гинзбург С. С. Кинематография дореволюционной России / С. Гинзбург. – М. : Аграф, 2007. – 488 с.
23. Вилков О. Н. Памятник первооткрывателям Сибири / О. Н. Вилков // Памятники истории и архитектуры Сибири: сб. ст. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии; отв. ред. О. Н. Вилков, А. С. Московский. – Новосибирск: Наука, 1986. – 115 с.
24. Виппер Р. Ю. Иван Грозный / Р. Ю. Виппер. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1944. – 160 с.
25. Володихин Д. М. Воеводы Ивана Грозного / Д. М. Володихин. – М. : Вече, 2009. – 320 с.
26. Володихин Д. М. Иван IV Грозный: Царь-сирота / Д. М. Володихин. – М. : Молодая гвардия, 2018. – 341 с.
27. Володихин Д. М. Историческая память об Иване Грозном: волны

интерпретаций / Д. М. Володихин // *Культуролог. журнал: электронное периодическое научное рецензируемое издание.* – М., 2017. – № 2 (28). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-ob-ivane-groznom-volny-interpretatsiy/viewer> (дата обращения: 15. 09. 2019).

28. Воронцов А. В. Социосемиотическая специфика современного мифа об Иване Грозном / А. В. Воронцов, Д. А. Головушкин, А. М. Прилуцкий // *Социологические исследования.* – М., 2017. – № 8 (401). – С. 12–19.

29. Гальперин Ч. Переписывая историю: Никоновская летопись о взаимоотношениях Руси с Ордой / Ч. Галперин // *Rossica Antiqua.* – СПб., 2010. – № 2. – С. 149–170.

30. Горский А. А. «Дает ли господь победити царя злочестива»: «идеологическая» подготовка войны с Ахматом / А. А. Горский // *Великое стояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты* / отв. ред. И. Н. Берговская, В. Д. Назаров. – Калуга, 2017. – 416 с.

31. Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья / Т. Н. Грановский. – М. : Наука, 1987. – 435 с.

32. Грищенко А. Русская икона как искусство живописи / А. Грищенко // *Вопр. живописи.* – Вып. 3. – М. : 1917. – 265 с.

33. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. / Г. А. Гуковский. – М. : Аспект-Пресс, 1999. – 452 с.

34. Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра / А. Я. Гуревич // *Февр Л. Бои за историю.* – М. : Наука, 1991. 629 с.

35. Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака / Н. А. Дворецкая // *ТОДРЛ.* – Т. 13. – М. ; Л., 1957. – 479 с.

36. Демина В. Н. Памятные даты военных побед, дарованных от икон Пресвятой Богородицы, в богослужебной певческой практике / В. Н. Демина // *Южно-Рос. музык. альм.* / В. Н. Демина. – Ростов н/Д., 2017. – С. 12–16.

37. Демина В. Н. Службы благодарственные «викториальных дней» в

отечественной богослужебной практике / В. Н. Демина // Богослужебные практики и культовые искусства в полиэтническом регионе: сб. мат-лов Междунар. науч. конф. / ред. -сост. С. И. Хватова. – Майкоп: Изд-во «Магарин О. Г. », 2016. – 960 с.

38. Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории / К. Ф. Дзамихов. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 816 с.

39. Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» / Л. А. Дмитриев // ТОДРЛ. – Т. 11. – С. 151.

40. Дмитриев М. В. Конфессиональные и «этнические» факторы в религиозном насилии времени восстания Богдана Хмельницкого (1648–1649 гг.) / М. В. Дмитриев // Три даты трагического противостояния Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. – М. : ИВИ РАН, 2018. – С. 119–132.

41. Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского и его читатели / К. Ю. Ерусалимский // Вестн. РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – М. : РГГУ, 2008. – № 10/08. – С. 82–100.

42. Жбанкова М. С. Два завоевателя Казани: Иван IV в поэме М. М. Хераскова «Россиада» и опере Г. Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани» / М. С. Жбанкова // Изв. Воронеж. ун-та. – Воронеж, 2017. – № 3. – С. 172–175.

43. Жбанкова М. С. Иван Грозный и стратегии его изображения в русском фольклоре / М. С. Жбанкова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Филология. Журналистика. – Воронеж, 2018. – № 1. – С. 14–18.

44. Жуков Д. А. Алексей Константинович Толстой / Д. А. Жуков. – М. : Молодая гвардия, 1982. – 383 с.

45. Заварихин С. П. В древнем центре Сибири: [архитектура Зап. Сибири по Туре, Тоболу, Иртышу] / С. П. Заварихин. – М. : Искусство, 1987. – 191 с.

46. Загидуллин И. «Во воспоминание покорения Казанского царства Государству Русскому» / И. Загидуллин // Гасырлар авазы – Эхо веков. –

Казань, 2000. – № 1–2. – С. 197–202.

47. Загидуллин И. Празднование в России покорения Казани во второй половине XVI – начале XX в. / И. Загидуллин // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования: мат-лы научн. семинара (г. Казань, 5 февр. 2002 г.). – Казань, 2002. – С. 4–71.

48. Зайцева Г. С. Ермак – гордость России: краткий исторический справочник / под ред. Г. С. Зайцева, В. И. Степанченко. – Тюмень: ТюмГУ, 2016. – 346 с.

49. Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев / А. И. Заозерский. – М. : Наука, 1989. – 312 с.

50. Западов А. В. Поэты XVIII века: А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков: литературные очерки / А. В. Западов. – М. : МГУ, 1984. – 235 с.

51. Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография / Ю. П. Зарецкий. – М. : Новое литературное обозрение. – 2011. – 379 с.

52. Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1964. – 535 с.

53. Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в. / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1972. – 452 с.

54. Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного / А. А. Зимин. – М. : Наука, 1982. – 184 с.

55. Иловайский Д. И. История России. / Д. И. Иловайский. – М. : Тип. М. Г. Молчанова, 1890. – Т. 3. – 724 с.

56. Капля О. В. Исторические и «служивские» песни литературного происхождения в культуре донского казачества (по материалам фольклора) / О. В. Капля // Культура Юга России. – Краснодар, 2011. – № 40. – С. 62–64.

57. Капля О. В. Царь Иван Грозный в фольклоре донских казаков / О. В. Капля // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2011. – № 4. – С. 138–

140.

58. Каравашкин А. В. Мифы Московской Руси: жизнь и борьба идей в XVI веке (Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский) / А. В. Каравашкин // Россия XXI. М., 1998. – № 11–12. – С. 88–126.

59. Каргер М. К. К вопросу об изображении Грозного на иконе «Церковь воинствующая» / М. К. Каргер. // Сборник статей в честь А. И. Соболевского / Отделение русского языка и словесности АН СССР. – Л., 1928. – С. 466–469.

60. Квливидзе Н. В. Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» и ее литературные параллели / Н. В. Квливидзе // Искусство христианского мира. – Вып. 2. – М., 1998. – С. 49–56.

61. Колосов Д. В. «Сквозной герой» былинного эпоса / Д. В. Колосов // Изв. Тульского государств. ун-та. Сер. : Гуманит. науки. – Тула: ТГУ, 2013. № 3. 1 – С. 68–74.

62. Корецкий Б. И. Опричнина и роман А. К. Толстого «Князь Серебряный» / Б. И. Корецкий. – М. : Детгиз, 1959. – 352 с.

63. Королюк В. Д. Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. / В. Д. Королюк. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 111 с.

64. Котляров Д. А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв. : у истоков национальной политики России / Д. А. Котляров. – Ижевск, 2005. – 314 с.

65. Котляров Д. А. От Золотой Орды к Московскому царству / Д. А. Котляров. – СПб. : Олега Абышко, 2017. – 345 с.

66. Котляров Д. А. Русь и Поволжье: этнополитическое взаимодействие (XIV–XVI века) / Д. А. Котляров. // Формирование российской государственности. – Екатеринбург, 2003. – С. 111–112.

67. Кочетков И. А. К истолкованию иконы «Церковь Воинствующая» («Благословенно воинство Небесного Царя») / И. А. Кочетков // ТОДРЛ. Т. XXXVIII. – Л. : Наука, 1985. – С. 85–209.

68. Кулиш Г. (Николай М.) Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя / Г. Кулиш // Современник. – СПб. : Тип. А. Якобсона, 1854. – № 7. – С. 91–154.
69. Кулишов В. И. В низовьях Дона / В. И. Кулишов. – М. : Искусство, 1987. – 176 с.
70. Купиш Д. Русско-ливонское пограничье в стратегических планах Стефана Батория в 1578–1582 гг. / Д. Купиш // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – СПб., 2014. – № 1 (15). – С. 65–76.
71. Кусков В. В. История древнерусской литературы / В. В. Кусков. – М. : Высшая школа, 2003. – 336 с.
72. Лаврентьев А. В. Царские «шапки» из кремлевской казны / А. Лаврентьев // *Родина*. – М., 2001. – № 6. – С. 38–41.
73. Лапин В. В. Война памятников и война с памятниками. / В. В. Лапин // *Россия XXI*. – М., 2014. – № 1. – С. 142–145.
74. Ле Гофф Ж. – История и память. – М. : РОССПЭН, 2013. – 302 с.
75. Левандовский А. П. Через империю к Европе. – М. : Тов. «Соратник», 1995. – 262 с.
76. Левин Н. Ф. В память о героической обороне / Н. Ф. Левин // *Псков – город воинской славы: статьи и документы / сост. Н. Ф. Левин*. – Псков: Псковская обл. тип., 2010. – 446 с. + План псковской крепости 1694 года (1 л.).
77. Леонтьева О. Б. Историческая память и образ прошлого в культуре пореформенной России / О. Б. Леонтьева // *Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной*. – М. : Кругъ, 2008. – 800 с.
78. Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. / О. Б. Леонтьева. – Самара: Книга, 2011. – 435 с.
79. Листкова А. С. Идентификационные мифы как модификации исторической памяти / А. С. Листкова // *Историческая память и культурные*

символы национальной идентичности: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Пятигорск, 18–20 окт. 2017 г.). – Ставрополь – Пятигорск, 2017. – С. 12–13.

80. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – 186 с.

81. Лонгинов М. Н. По поводу описания памятника Тысячелетию России // Лонгинов М. Н. Современная летопись. – М., 1861. – № 45. – 658 с.

82. Мазур Л. Н. Событие в исторической памяти: механизмы формирования, сохранения и трансформации / Л. Н. Мазур // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: мат-лы Междунар. науч. конф. – М. : Аквилон, 2017. – С. 251–341.

83. Малиновский А. Ф. Сведения об увезенной в 1612 году поляками из Москвы царской короне / А. Ф. Малиновский // Труды и летописи ОИДР. – М. : Тип. Императ. московск. ун-та, 1833. – Ч. 6. – С. 131–135.

84. Марьян И. Астрахань. Храмы и монастыри / И. Марьян. – Астрахань: Тип. Новая линия, 2002. – 185 с.

85. Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности: в 3 т. Т. 3: Былины и исторические песни / В. Ф. Миллер. – М. : Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1924. – 480 с.

86. Мининков Н. А. Атаман Ермак Тимофеевич и события XVI в. в исторической памяти донского казачества / Н. А. Мининков // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2017. – Т. 24. – № 4. – С. 11–15.

87. Мининкова Л. В. Великокняжеские репрессии в русской средневековой литературе / Л. В. Мининкова // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – СПб., 2018. – № 2. – С. 125–130.

88. Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. / В. Г. Мирзоев. – М. : АН СССР, 1960. – 188 с.

89. Мнева Н. Е. Монументальная и станковая живопись второй половины XVI века / Н. Е. Мнева // Очерки русской культуры XVI века. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1945. – 448 с.

90. Муратов П. П. Два открытия / П. П. Муратов // София. 1914. № 2.

С. 5–17.

91. Мутья Н. Н. Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. / Н. Н. Мутья. – СПб. : Алетейя, 2010. – 490 с.

92. Мухин В. В. Ермак Тимофеевич: Замечательные люди Прикамья / В. В. Мухин. – Пермь, 1957. – с. 46.

93. Немзер А. Вальтер-Скоттовский историзм, его русские изводы и «Князь Серебряный» // Немзер Андрей. Дневник читателя: Русская литература в 2007 году. – М., 2008. – С. 345–372.

94. Никологорская О. А. Дух эпохи в складках платья / О. А. Никологорская // Родина. – М., 2004. – № 11. – С. 24–27.

95. Никологорская О. А. Как покорялась Сибирь / О. А. Никологорская. // Родина. – М., 2001. – № 3. – С. 102–107.

96. Никологорская О. А. Дух эпохи в складках платья / О. А. Никологорская // Родина. 2004. – № 11. – С. 24–27.

97. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 17–50.

98. Нора П. Расстройство исторической идентичности. Доклад на международном круглом столе «История, историки и власть» 2 февраля 2010 г. в РАН / П. Нора / пер. с фр. М. Р. Майзульса // Перспективы. – 2010. – 19 февраля. URL: http://www.perspektivy.info/book/rasstrojstvo_istoricheskoy_identichnosti_2010-02-19.htm (дата обращения: 04. 12. 2018).

99. Огоновская И. С. Школьный учебник отечественной истории. Учебные издания как исторический источник / И. С. Огоновская // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург: УрФУ, 2011. – № 12. – С. 264–286.

100. Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову (любителям родной старины) / Н. Ф. Окулич-Казарин. – Псков: Изд-во Псковского

географ. общ-ва, 1913. – 316 с.

101. Орлов А. С. Древняя русская литература XI–XVII веков / А. С. Орлов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1945. – 426 с.

102. Охотникова В. И. Вступительная статья к «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» / В. Д. Охотникова // Электронные публикации Ин-та русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. – URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=10585> (дата обращения: 01.12.2018).

103. Павлюченков А. С. Памятник «Тысячелетию России» / А. С. Павлюченков. / Новгород. ист. -архитект. музей-заповедник. – Новгород, 1962. – 34 с.

104. Парфенова А. «Покорение Сибири Ермаком». Картина В. И. Сурикова. / Парфенова А. / Гос. Русский музей, 1950. – 9 с.

105. Пенской В. В. Святой или «Erbfeind gantzer christenheit»? Иван Грозный и его эпоха: образ и реальность / В. В. Пенской // Науч. результат. Сер. : Социал. и гуманитар. исслед. – Белгород, 2015. – 1. – № 3 (5). – С. 114–115.

106. Пинчук Ю. А. Исторические взгляды Н. И. Костомарова: критич. очерк. / Ю. А. Пинчук. – Киев: Наук. думка, 1984. – 190 с.

107. Платонов С. Ф. Иван Грозный. / Платонов С. Ф. – М. : Брокгауз – Ефрон, 1923. – 160 с.

108. Погосян Е. Петр I – архитектор российской истории. / Е. Погосян. – СПб. : Искусство, 2001. – 423 с.

109. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. / О. И. Подобедова. – М. : Наука, 1965. 334 с.

110. Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40-х – 70-х годов XVI в. / О. И. Подобедова. – М. : Наука, 1972. – 198 с.

111. Покровский Н. Н., Журавель О. Д. Степенная книга: шаг к

истокам. / Н. Н. Покровский // Наука из первых рук. – 2009. – № 2 (26). – С. 19–28.

112. Пресняков А. Е. Эпоха Грозного в общем историческом освещении / А. Е. Пресняков // *Анналы: журнал всеобщей истории, издаваемый РАН.* – Петроград, 1923. – № 2. С. – 188–200.

113. Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. / Б. Н. Путилов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 303 с.

114. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. / Б. Н. Путилов. – СПб. : Наука, 1994. – 235 с.

115. Путилов В. Н. Ермак в терских исторических песнях / Б. Н. Путилов // *Изв. Грозненского областн. ин-та и музея краеведения.* – Вып. 4. – Грозный, 1952. – С. 92–99.

116. Путилов В. Н. Исторические песни на Тереке. / Б. Н. Путилов. – Грозный, 1948. – с. 144.

117. Репина Л. П. Образы и символы прошлого в традиции историописания и политике памяти / Л. П. Репина. // *Историческая память и культурные символы национальной идентичности: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Пятигорск, 18–20 окт. 2017 г.).* – Ставрополь – Пятигорск, 2017. – С. 9–15.

118. Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикер. – М. : Изд-во гум. литературы, 2004. – 528 с.

119. Родионов М. С. Отдельные исторические песни XVI века как этап эволюции жанра / М. С. Родионов // *Вестн. Челябинского гос. ун-та.* – Челябинск, 1998. – Вып. 2. – С. 26–38.

120. Ромодановская Е. К. Сибирское летописание и хронология похода Ермак / Е. К. Ромодановская // *Сибирские огни.* – Нижневартовск, 1981. – № 12. – С. 134–141.

121. Рудаков В. Н. В поисках героев: к вопросу о переосмыслении прошлого русскими книжниками XV–XVI вв. / В. Н. Рудаков // *Вестн. славянских культур.* – М., 2012. – №1 (XXIII). – С. 57–61.

122. Савельев Е. П. Древняя история казачества. / Е. П. Савельев. – М. : СПАС, 2007. – 456 с.
123. Савенкова А. И. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Астрахани. / А. И. Савенкова // Academia. Архитектура и строительство. – М., 2016. – №3. – С. 23–31.
124. Савинский И. И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 год) / И. И. Савинский. – Астрахань: Тип. В. Л. Егорова, 1903. – 390 с.
125. Сахаров А. Казань в судьбах России / А. Сахаров // Родина. – М., 2005. – № 8. – С. 12–17.
126. Серман И. З. Херасков и Курбский / И. З. Серман // Тр. Отдела древнерусской литературы. Т. 24. / АН СССР; Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л. : Изд-во АН СССР, 1969. – 415 с.
127. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака: 2-е изд. / Р. Г. Скрынников. Новосибирск: Наука, 1986. – 317 с.
128. Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II / П. А. Словцов. – М. : Вече, 2012. – 505 с.
129. Смирнов Н. В. Ливонская война и города Ливонии / Н. В. Смирнов // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. : сб. науч. статей. – М. : Квадрига, 2010. – С. 454–481.
130. Смирнова Е. И. К. П. Брюллов – путешественник / Е. И. Смирнова. – М. : Советский художник, 1969. – 23 с.
131. Соболева Л. С. Строгановская летопись: концепция и образное решение / Л. С. Соболева // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 2009. – Вып. 7. – Ч. 2. – С. 27–45.
132. Соколова В. К. Русские исторические песни XVI века (эпохи Ивана Грозного) / В. К. Соколова. // Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. – М., 1951. – С. 7–78.
133. Соколова М. В. Что такое историческая память / М. В. Соколова.

// Преподавание истории в школе. – Ярославль, 2008. – № 4. – С. 37–44.

134. Соловьева И. Н. Художественный театр: Жизнь и приключения идеи / ред. А. М. Смелянский. – М. : Москов. художеств. театр, 2007. – 671 с.

135. Солодкин Я. Г. К спорам о происхождении Ермака / Я. Г. Солодкин. // Западная Сибирь: история и современность: краеведч. записки. – Екатеринбург, 1999. – Вып. II. – С. 128 – 131.

136. Солодкин Я. Г. О проблеме использования источников в Пискаревском летописце и своде Исидора Сназина / Я. Г. Солодкин // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. – М., 1996. – С. 187–191.

137. Сорокатый В. М. Икона «Благословенно воинство Небесного Царя». Некоторые аспекты содержания / В. М. Сорокатый // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь: к 100-летию А. Н. Грабара. – СПб., 1999. – С. 399–417.

138. Софронова М. Н. О мнимом и реальном в портретах сибирского «Атамана-Князя» Ермака / М. Н. Софронова // Тобольский хронограф. – Екатеринбург, 1998. – Вып. № 3. – С. 169–184.

139. Тихон (Секретарев), архим. Псково-Печерского Успенского мужского монастыря. Врата Небесные / архим. Тихон. – Печоры: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2007. – 798 с.

140. Ткачева Н. Образ Пскова / Н. Ткачева // Псковский летописец: краеведч. альман. – Псков; М., 2010. – Вып. 2 (3). – С. 213–223.

141. Ткаченко Н. М. Географические карты на древних иконах / Н. М. Ткаченко // Епархиальный паломнический центр «Вертоград». – URL: <http://pskov-palomnik.ru/index.php?com=pages&page=26> (дата обращения: 25. 02. 2019).

142. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Тош Д. – М., 2000. – 296 с.

143. Тюрин А. Война и мир Ивана Грозного / А. Тюрин. – М. : Яуза, Эксмо, 2009. – 476 с.

144. Усачев А. С. Ранняя версия рассказа о взятии Полоцка в 1563 г. в древнерусской книжности / А. С. Усачев // Вестн. С.-Петербург. ун-та. История. СПб., 2008. № 3. С. 155–165.
145. Усачев А. С. Степенная книга и Ливонская война / А. С. Усачев // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. – М. : Квадрига, 2010. – С. 292–302.
146. Федоров-Давыдов А. А. Из истории древнерусского искусства / А. А. Федоров-Давыдов // Искусство. – 1940. – № 5. – С. 73–96.
147. Федотов Г. П. Святой Филипп митрополит Московский. / Г. П. Федотов. – М. : МП Стрижев центр, 1991. – 128 с.
148. Федута А. Фаддей Булгарин: самоубийство «литературного демократа» / А. Федута // Кто б ни был ты, о мой читатель. . . Проблема читателя в литературе пушкинской эпохи. – Минск: Лимариус, 2015. – 400 с.
149. Федякин С. Р. Мусоргский / С. Р. Федякин. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 556 с.
150. Филюшкин А. И. Завоевания Ивана Грозного в памяти потомков / А. И. Филюшкин // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. – СПб., 2016. – Вып. 5. – С. 212–223.
151. Филюшкин А. И. Изображение Ливонской войны в русском летописании XVI–XVII вв. / А. И. Филюшкин // Исследования по истории средневековой Руси. (К 80-летию Ю. Г. Алексеева). – М. ; СПб., 2006. – С. 347–368.
152. Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков / А. И. Филюшкин. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2013. – 845 с.
153. Филюшкин А. И. Как видели войну за Прибалтику авторы разрядов XVI–XVII вв. ? / А. И. Филюшкин // Вестн. С.-Петербург. ун-та. История. – СПб., 2013. – Вып. 3. – Сер. 2. – С. 30–42.
154. Филюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного / А. И. Филюшкин. М., 2018. 320 с.
155. Филюшкин А. И. Проиграла ли Россия Ливонскую войну? / А. И.

Филлюшкин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – М. : Индрик, 2013. – № 3. – С. 141–142.

156. Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия / И. Э. Фишер. – СПб. : Имп. Академия Наук, 1774. – 631 с.

157. Флоря Б. Н. Иван Грозный / Б. Н. Флоря – М. : Молодая гвардия, 1999. – 401 с.

158. Фречнер Р. Рецепция официального московского «образа войны» на периферии царства и его трансформация вследствие поражения в Ливонской войне: на материале повествовательных источников из Пскова конца XVI века / Р. Фречнер // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. – М., 2010. – С. 275–291.

159. Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг / А. Н. Фукс. – М. : МГУ, 2017. – 419 с.

160. Хазанова С. И. Официальное и неофициальное летописание в составе Пискаревского летописца / С. И. Хазанова. // Вестн. РГГУ. Сер. : История. Филология. Культурология. Востоковедение. – М., 2008 – № 4. – С. 165–170.

161. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. М., 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 8–27.

162. Хлебников П. Х. Астрахань в старые годы. Вторая половина XVI века. / П. Х. Хлебников – СПб. : Тип. Тов. п/ф электротип Н. Я. Стойковой, 1907. – 24 с.

163. Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич. – М. : Наука, 1988. – 293 с.

164. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства / М. Г. Худяков. – М. : НПО ИНСАН, 1991. – 318 с.

165. Худяков Ю. С. Анализ исторических сведений и изображений сибирских татарских воинов на миниатюрах Ремезовской летописи / Ю. С.

Худяков // Вестн. Новосибирского государств. ун-та. Сер. : История. Филология. – Новосибирск, 2013. – Т. 12. – Вып. 7. – С. 164 – 170.

166. Чичеров В. И. Русское народное творчество / В. И. Чичеров – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1959. – 522 с.

167. Шиловский М. В. Празднование «Сибирского дня» в дореволюционный период / М. В. Шиловский // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2013. – № 2. – С. 12–15.

168. Шмыкова М. Л. Идеологическое обоснование внешней политики Русского государства в середине XVI века (на примере присоединения Казанского и Астраханского ханств) / М. Л. Шмыкова // Мат-лы Междунар. науч. -практ. конф., посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства (г. Ижевск, 20–22 мая 2008 г.). – Ижевск, 2008. – С. 284–294.

169. Щенникова Л. А. Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» как «Одигитрия евангелиста Луки» / Л. А. Щенникова. // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. – М. : Мартис, 1996. – 560 с.

170. Щенникова Л. А. Прославление чудотворной Владимирской иконы Богоматери в XVI в: сказания и чтимые списки / Л. А. Щенникова. // История и культура Ростовской земли. – 1997. – Ростов, 1998. – 232 с.

171. Щерба А. Н., Яковенко В. И. Еще одно свидетельство места нахождения русской Тмутаракани / А. Н. Щерба, В. И. Яковенко // Клио. – СПб., 2012. – № 5. – С. 54–56.

172. Ямпольский И. Примечания // Толстой А. К. Собр. соч. : в 4 т. / под ред. И. Ямпольского. – М. : Правда, 1969. – Т. 3: Драматическая трилогия. – 559 с.

173. Halbwachs Maurice La classe ouvrière et les niveaux de vie: Recherches sur la hiérarchie des besoins dans les sociétés industrielles contemporaines / Maurice Halbwachs. – Reppress & Gordon et Breach, 1970. – 495 p.

174. Perrie M. Popular Socio-Utopian Legends in the Time of Troubles /

M. Perrie // *The Slavonic and East European Review*. 1982. – Vol. 60. – April. – 280 p.

Справочные издания и энциклопедии

175. Крепости России. Большая энциклопедия / А. Г. Мерников. – Минск: Харвест, 2013. – 260 с.

176. Тульские древности: энциклопед. словарь-справочник / под общ. ред. В. И. Крутикова. – Тула: Русский лексикон, 1995. – 287 с.

177. История русского искусства: в 13 т. / под. общ. ред. Н. Э. Грабаря, В. С. Кеменова, В. Н. Лазарева; АН СССР; Ин-т истории искусств. – 1953–1969. – Т. III: Искусство среднерусских княжеств XIII–XV веков. Искусство великокняжеской Москвы. Искусство русского централизованного государства. – М., Изд-во АН СССР, 1955. – 748 с.

178. История русского искусства: в 13 т. / под. общ. ред. Н. Э. Грабаря, В. С. Кеменова, В. Н. Лазарева; АН СССР; Ин-т истории искусств. – 1953–1969. – Т. IV: XVII век и его культура. Архитектура и декоративное убранство. Резьба и скульптура. Живопись, миниатюра, гравюра. Прикладное искусство XVI–XVII веков. Итоги развития древнерусского искусства. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 700 с.

179. История Сибири с древнейших времен до наших дней / гл. ред. А. П. Окладников. – Л.: Наука, 1968–1969. – Т. 2: Сибирь в составе феодальной России / [В. А. Александров, В. Г. Мирзоев, В. И. Шунков и др.]; [редкол.: В. И. Шунков (гл. ред.) и др.]. – 1968. – 538 с.: ил., [5] л. ил. + 2 отд. л. карт.

Диссертации и авторефераты

180. Аксанов А. В. Московско-казанские отношения: 1445–1552 гг.: дис. . . . канд. ист. наук: 07. 00. 02 / Аксанов А. В. – Тюмень, 2011. – 275 с.

181. Буганов А. В. Выдающиеся личности и события в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование: дисс. . . . доктора исторических наук по специальности 07. 00. 07 – этнология, этнография, антропология. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2011.

182. Лаврентьев А. В. Свод 1652 г. – памятник русского летописания XVII века: автореф. дис... канд. ист. наук. 07. 00. 09 / Лаврентьев Александр Владимирович. – М. : Ин-т истории СССР, 1984. – 23 с.

183. Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30–70-х гг. XVI века: автореф. дис... канд. ист. наук: 07. 00. 02 / Морозов Сергей Александрович. – М. : МГУ, 1979. – 26 с.

184. Морозов В. В. Лицевой свод и русские летописи XVI века: автореф. дис. . . . д-ра ист. наук. 07. 00. 09 / Морозов Валентин Викторович. – М. : Археограф. комиссия РАН, 2006. – 46 с.

185. Сосницкий Д. А. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI вв. : дис. . . . канд. ист. наук: 07. 00. 07 / А. В. Буганов. – СПб. : СПбГУ, 2016. – 344 с.

186. Фонд диссертаций МГУ. История Москвы: в 6 т. – М., 1952. – Т. I. – 780 с.

187. Шубарина Л. В. Ермак и сибирский поход казаков в историческом сознании русского народа: дис. . . . канд. истор. наук: 07. 00. 02 / Л. В. Шубарина. – Челябинск, Урал. гос. академия физической культуры, 1998. – 210 с.